С 91(98)
П332

Р. ПИРИ

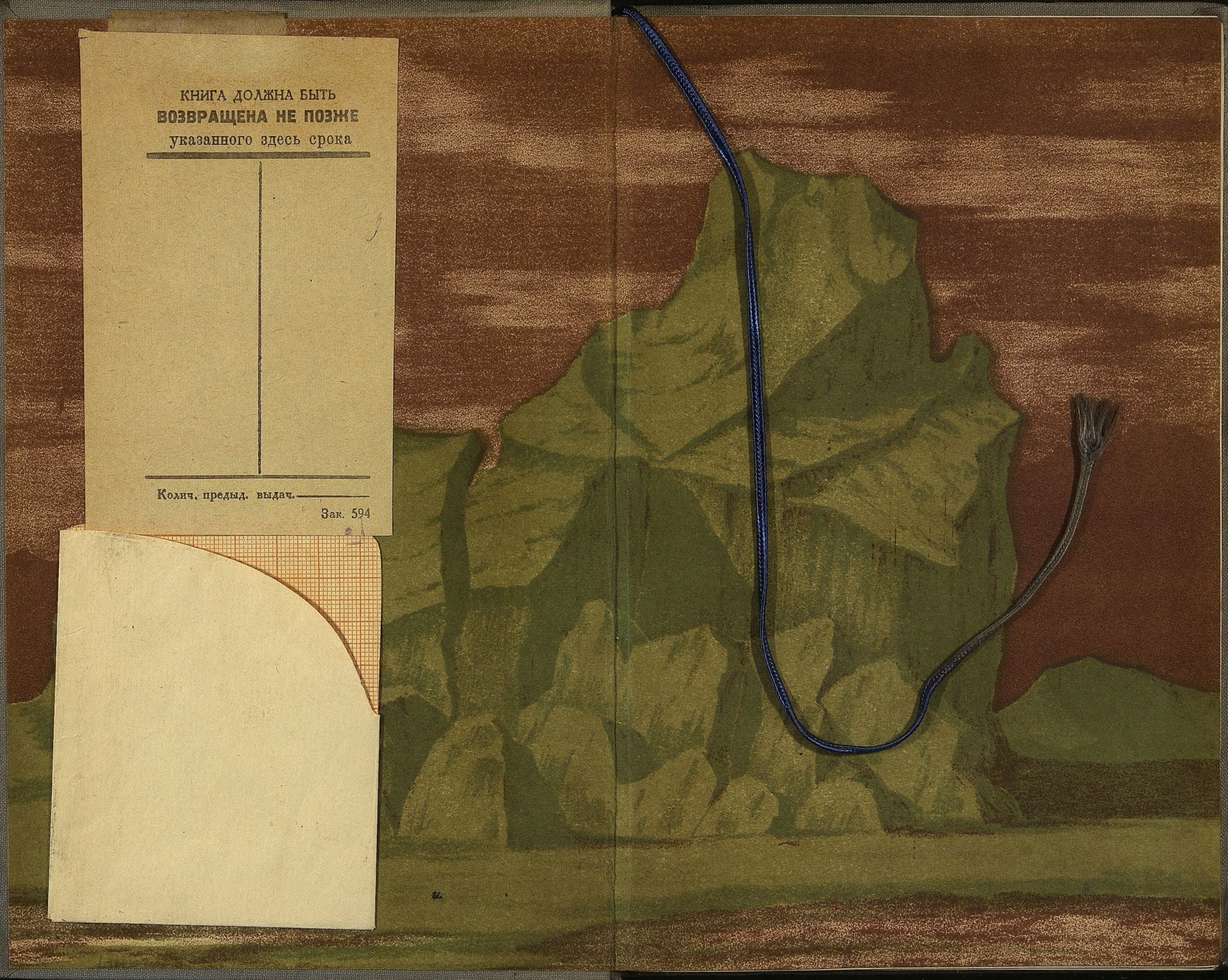
СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС

100770

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
указанного здесь срока

Колич. предыд. выдач.

Зак. 594



С 91(57)
П 332

ПОЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕКА

РОБЕРТ ПИРИ

СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС

Перевод с английского
В. Я. Дуговской
Предисловие и примечания
В. Ю. Визе

100770

СЕВ.
Краевой
обязательный
экземпляр
КР.
пользоваться бережно

1948

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

1966 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГЛАВСЕВМОРПУТИ · ЛЕНИНГРАД · 1935

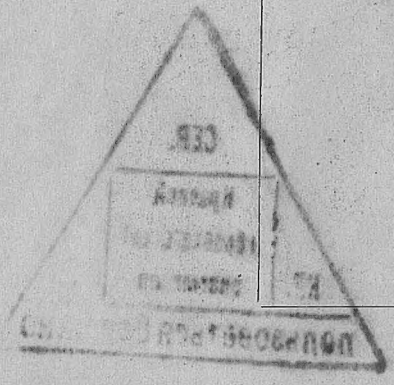
2002
2010
1955
Т-06029к

91 (98)

THE NORTH POLE

by

ROBERT E. PEARY



LONDON · MCMX

1995

2002

2010

Нейтрализация
2010 г.

Роберт Пири.

Кабинет Севера
Областной
им. А. Н. Добролюбова

ПРЕДИСЛОВИЕ

Первые большие экспедиции в арктическую область, снаряженные в XVI и XVII веках, имели целью отыскание северного морского пути из Европы на Дальний Восток. Так как ни одной из многочисленных экспедиций разрешить этой задачи не удалось (она была разрешена только в советское время), то постепенно северный морской путь перестал быть центральной проблемой Арктики, и взамен все отчетливее стала выступать новая цель — достижение Северного полюса. В XIX веке полюс делается главным стимулом, побуждавшим отдельных смельчаков пускаться вглубь Арктики, а правительства и частный капитал — субсидировать эти предприятия. В основном экспедиции к полюсу преследовали удовлетворение личного и национального честолюбия, но нередко спортивно-рекордсменская цель этих экспедиций связывалась и с работами научно-исследовательского характера.

Наиболее упорным участником «международных скачек к полюсу» (как австрийский полярный исследователь Вейпрехт охарактеризовал эпоху полюсных экспедиций) был американец Роберт Эдвин Пири.

Пири родился в 1856 г. в Крессоне, в штате Пенсильвания. Будучи по образованию инженером, он служил в военном флоте Соединенных Штатов Северной Америки, занимая гражданскую должность. В 1884 г. он работал по изысканию канала через Никарагуа и позже был назначен директором этого предприятия. Чтение полярной литературы привлекло внимание Пири к арктическим странам, и вскоре исследование этих стран полностью поглотило молодого инженера.

Свою деятельность полярного исследователя Пири начал с посещения ледяного покрова Гренландии. Первую

поездку в Гренландию Пири совершил в 1886 г., когда ему в районе бухты Диско удалось проникнуть вглубь ледяного купола Гренландии на 160 км. Второе гренландское путешествие Пири, осуществленное на средства Филадельфийской академии естественных знаний, состоялось в 1891—1892 гг. Зимнюю базу Пири устроил в бухте Мак-Кормика (Земля Прюдо, северозападная Гренландия), откуда он весною 1892 г. предпринял большое санное путешествие по материковому льду Гренландии до залива Независимости (северовосточная Гренландия). Таким образом Пири впервые после Нансена пересек весь ледяной купол Гренландии; Нансен совершил свое пересечение на юге Гренландии, Пири — на крайнем севере. В этом гренландском путешествии уже во всей полноте проявилась железная выдержка американского полярника. Во время плавания корабля в бухту Мак-Кормика Пири имел несчастие переломить себе обе кости ног над лодыжкой. В течение долгого времени Пири лежал прикованным к постели. Благодаря заботливому уходу доктора Ф. Кука (впоследствии ставшего непримиримым врагом Пири) сращение костей произошло хорошо, и весной Пири отправился в поход, во время которого покрыл 2400 км.

В 1893—1894 гг. Пири снова зимует у северозападных берегов Гренландии, на этот раз в заливе Болдуин. Вместе с ним на зимовку осталась и его жена, у которой здесь родилась дочь.[1] Санное путешествие по ледяному куполу, предпринятое в 1894 г., не увенчалось успехом: пройдя только четвертую часть пути, сделанного в 1892 г., Пири, вследствие крайне неблагоприятных условий погоды, был вынужден вернуться, потеряв 66 собак. С этой неудачей настойчивый путешественник не мог мириться и поэтому решил остаться в Гренландии на второй год, чтобы повторить попытку. Свою жену и других участников экспедиции, за исключением двух, Пири отослал на пароходе домой. В 1895 г. Пири снова пересек ледяной щит Гренландии до залива Независимости. Предполагавшееся обследование северовосточных берегов Гренландии выполнить, однако, не удалось вследствие недостатка продовольствия и истощения собак.

Вернувшись в Нью-Йорк, Пири в 1896 г. совершил поездку в залив Мельвиля (северозападная Гренландия) с целью вывести оттуда громадный метеорит весом около

[1] Жозефина Пири описала свою зимовку в книге, изданной в Нью-Йорке в 1893 г.

800 центнеров. Погрузка метеорита на судно не удалась, вследствие чего Пири с этой же целью отправился в залив Мельвиля в следующем году. На этот раз метеорит был погружен и доставлен в Нью-Йорк, где Пири продал его за 40 000 долларов Морису Джезупу, который передал метеорит в Музей естественной истории.

Гренландские путешествия Пири описаны им в двухтомном труде под названием «Northward over the Great ice» (London, 1898). [1]

По возвращении из Гренландии Пири полностью отдается мысли об открытии Северного полюса, и достижение этой заветной точки он делает целью своей жизни. Ему удается заинтересовать своими планами крупных капиталистов, которые учреждают «Арктический клуб Пири», в дальнейшем финансировавший все экспедиции Пири. Расчетливому подведению финансовой базы для своих предприятий Пири в значительной мере обязан своими успехами. В противоположность многим другим полярным исследователям, в том числе Амундсену, Пири никогда не нуждался в деньгах.

Первая экспедиция Пири, имевшая непосредственной целью достижение Северного полюса, состоялась в 1898—1899 гг. Пири вышел на север на корабле «Windward» (до этого обслуживавшем экспедицию Джексона на Землю Франца-Иосифа), но, вследствие неблагоприятного состояния льдов, был вынужден стать на зимовку уже в проливе Смита, у мыса Дурвилля. Ввиду большого расстояния, отделявшего место зимовки от полюса, Пири решил ограничиться устройством продовольственного склада в форте Конгер, в заливе Леди Франклин (место зимовки экспедиции Грили в 1881—1883 гг.), чтобы, базируясь на нем, предпринять поход к полюсу в следующую свою экспедицию. Во время одной из санных поездок Пири серьезно отморозил себе ноги, и ему пришлось ампутировать несколько пальцев на ногах. Это, однако, не прекратило личного участия Пири в устройстве склада в форте Конгер; несмотря на то, что он мог ходить только при помощи костылей, полярный исследователь продолжал свои санные поездки с целью заброски провианта на север.

Вернувшись на родину, Пири уже в следующем году снова отправляется на север, на этот раз на целых три года.

---

[1] Первый том этого сочинения был переведен на русский язык и издан в 1906 г. (Р. Пири. По большому льду на север).

Зимовочную базу Пири устроил в 1899 г. в Эта, на северо-западном берегу Гренландии. В начале весны 1900 г. Пири отправился отсюда на собаках в форт Конгер, откуда перешел на северное побережье Гренландии. Следуя по этому берегу на восток, Пири открыл северную оконечность Гренландии, названную им по имени председателя «Арктического клуба Пири» мысом Мориса Джезупа. До Пири северной оконечностью этого большого арктического острова считался мыс Вашингтона. Характерны слова, которыми Пири передает охватившие его чувства, когда он увидел, что за мысом Вашингтона виднеется еще другой, более северный мыс: «Я опасался, что мыс Вашингтона действительно есть северная оконечность Гренландии. Для меня было бы большим разочарованием знать, что до меня на северный выступ Гренландии смотрели чьи-то другие глаза».

Находясь на северном берегу Гренландии, Пири сделал попытку пройти по морскому льду на север, но уже в широте 83°50′ N был вынужден повернуть обратно. Кампания 1900 г., когда была обследована еще неизвестная часть северного берега Гренландии, увенчалась, таким образом, значительным успехом. Однако, сам Пири считал главным результатом этого похода установление факта, что северная Гренландия не является подходящим местом, чтобы базировать отсюда санную экспедицию к полюсу. По заключению Пири, морской лед к северу от Гренландии необычайно торосист, в нем встречается много полыней, и весь лед со значительной скоростью дрейфует в восточном направлении.

С северных берегов Гренландии Пири вернулся в форт Конгер, откуда он в следующем году (1901) предпринял попытку пройти возможно дальше на север. Ввиду плохого состояния собак, эта попытка потерпела полную неудачу. Зиму 1901—1902 гг. Пири провел в гавани Пайера (в проливе Смита), откуда он весною 1902 г. вышел на север. Через месяц он достиг северного берега Земли Гранта, где вступил на полярный пак, по которому ему 21 апреля удалось достигнуть широты 84°17′ N. Здесь многочисленные разводья заставили Пири вернуться обратно. В середине мая он был уже снова в гавани Пайера, откуда летом отправился на «Windward» в Америку.

Трехлетняя экспедиция Пири в отношении достижения высоких широт не увенчалась успехом: он все еще оставался далеко позади рекордов, поставленных норвежцем Нансеном (86°14′ N) и итальянцем Каньи (86°34′ N). Но неудача не охлаждает Пири, и в 1905 г. он с неослабной энергией про-

должает работать над осуществлением своей мечты. «Арктический клуб Пири» дает в распоряжение Пири прекрасное полярное судно «Рузвельт», специально выстроенное для его экспедиций. На этом корабле Пири достигает мыса Шеридан (северный берег Земли Гранта), откуда он в начале весны 1906 г. предпринимает поход по морскому льду на север. На этот раз американцу удается поставить мировой рекорд — 21 апреля он достигает широты 87°06′ N. Вернувшись на зимовочную базу у мыса Шеридан, Пири, после кратковременного отдыха, снова пускается в путь и обследует все северное побережье Земли Гранта. Экспедиция 1905—1906 гг. описана Пири в книге «Nearest the pole» (New York, 1907).

В 1908 г. Пири отправляется в свою последнюю экспедицию, последнюю — потому, что на этот раз ему удается достичь цели: 6 апреля 1909 г. американский флаг развевается на Северном полюсе. Описанию этой экспедиции посвящена настоящая книга, представляющая собой несколько сокращенный перевод с оригинального английского издания.[1]

Возвращаясь после одержанной победы в Нью-Йорк, Пири был огорошен известием, что до него — 21 апреля 1908 г. — на северном полюсе побывал другой американец — доктор Фредерик Кук.[2] Если Пири не мог делить честь открытия полюса с другим «белым» (именно поэтому он в последние переходы к полюсу взял с собою только негра и четырех эскимосов), то сознание, что его кто-то опередил, было для Пири совершенно нестерпимым. Еще не ознакомившись со всеми материалами Кука, Пири обрушился на него, обвиняя доктора в наглом обмане. В свою очередь Кук с не меньшей энергией стал защищать свой приоритет, не отрицая того, что Пири побывал на полюсе, но только после него. Между обоими полярными исследователями началась ожесточенная полемика, которую пресса, наживавшая на этом громадные деньги, усиленно раздувала в течение ряда лет. На тему «Пири или Кук» печатались тысячи газетных

---

[1] Существует еще другой, очень сильно сокращенный русский перевод книги Пири, изданный в 1911 г. (Р. П и р и. Открытие Северного полюса. Перевод с английского А. Д. Дмитриева. Москва, 1911).

[2] В 1891—1892 гг. Кук, в качестве этнографа, участвовал в гренландской экспедиции Пири. Он принимал участие также в бельгийской антарктической экспедиции 1897—1899 гг. В 1906 г. он сделал восхождение на гору Мак-Кинлея в Аляске, не достигнув, однако, вопреки собственному утверждению, вершины.

статей и десятки книг. Обе стороны, в особенности же Кук, не стеснялись в выражениях и приемах. В качестве примера приводим выдержку из телеграммы, посланной Куком в 1911 г. президенту США Тафту по поводу намечавшегося производства Пири в адмиралы: «Если вы подпишете билль о Пири, то тем самым вы окажете честь человеку с греховными руками, похитившему деньги у наших невинных детей. Часть этих денег, я полагаю, ушла на то, чтобы распространить в Арктике многоженство. В данное время на безотрадном севере есть по крайней мере двое детей, которые кричат по хлебе, молоке и своем отце. Они являются живыми свидетелями пакостей Пири, который покрыт паршью невыразимого порока».

Положение Кука в этом скандальном споре было гораздо более шатким, чем у Пири, потому что Кук не мог представить сколько-нибудь обоснованных доказательств того, что он действительно побывал на полюсе или, по крайней мере, в его районе. Тем не менее некоторые полярные авторитеты взяли сторону Кука. Так, А. Грили твердо объявил, что «Северный полюс открыл доктор Кук», а знаменитый сподвижник Нансена капитан Отто Свердруп писал: «Я не вижу оснований сомневаться в успехе Кука. Кто обвиняет Кука, ведь наверное не арктические исследователи». [1]

Позже полярным исследователям Кнуду Расмуссену и Мак-Миллану пришлось встретиться с эскимосами, которые сопутствовали Куку в его экспедиции к полюсу. По словам этих эскимосов, Кук прошел по морскому льду только совсем ничтожное расстояние, отдалившись от берега (острова Акселя Хейберга) всего лишь на 12 миль. Здесь, т. е. в расстоянии 500 миль от полюса, Кук водрузил над снежной хижиной американский флаг, запечатлев его на фотографической пленке. Эту фотографию эскимосы узнали в книге Кука, где под снимком стояла подпись «на полюсе».

После этого сомнений в том, что Кук действительно совершил неслыханную мистификацию, уже не оставалось. Великий норвежский полярный исследователь Р. Амундсен, однако, и после разоблачения Кука никогда не отворачивался от него. В своих воспоминаниях о тринадцати месяцах, проведенных совместно с Куком в Антарктике, Амундсен пишет: «Я узнал доктора Кука ближе и научился относиться к нему с чувством почтительного изумления и благо-

[1] Намек на Пири, которого Свердруп не считал исследователем, а только рекордсменом.

дарности, которые ничто не могло потом поколебать, как бы ни сложилась позже его жизнь». В 1926 г. Амундсен посетил Кука, сидевшего тогда в тюрьме в форте Ливенворе (США). «Иначе я не мог поступить, если не хотел обвинить себя в низкой неблагодарности и отвратительной трусости», пишет Амундсен. «Ни прежде, ни тем более теперь я не хотел и не хочу обсуждать позднейшую жизнь доктора Кука». Кук описал свое путешествие «к полюсу» в книге, выдержавшей несколько изданий. Эта книга написана чрезвычайно талантливо, и она принадлежит к числу интереснейших произведений полярной литературы, несмотря на то, что почти все в ней представляет сплошной вымысел автора.

Вопрос, побывал ли Пири на самом полюсе, продолжает дебатироваться до настоящего времени. Одним из доводов, нередко приводившимся против Пири, является изумительная быстрота, с которой он совершил обратный переход с полюса до суши: расстояние в 485 миль Пири прошел в 16 дней, что дает средний суточный переход по морскому льду в 56 км — скорость, далеко оставляющую позади все аналогичные переходы, совершенные до и после Пири. Однако в том, что Пири — при сравнительно с другими районами благоприятном состоянии поверхности ледяного покрова и при своей замечательной тренировке — действительно делал необычно большие переходы, едва ли можно сомневаться. Более серьезные сомнения возбуждает точность астрономических наблюдений Пири на полюсе. Сам Пири считал, что возможная ошибка в его определениях не превышала 10 миль. Однако, еще в свое время компетентная комиссия установила, что эта ошибка могла быть много больше, и именно в силу этого обстоятельства в грамоте, переданной в 1911 г. Американским конгрессом Пири по случаю производства его в адмиралы и назначения ему ежегодной пенсии в 6000 долларов, слова «за открытие полюса», значившиеся в первоначальной редакции грамоты, были позже вычеркнуты. Предпринятая в более позднее время обработка наблюдений Пири показала, что Пири не достиг полюса на полтора градуса, т. е. на 167 км.[1] Однако и этот, крайне неблагоприятный для Пири, вывод нельзя считать достаточно твердо обоснованным. Безусловно установленным является лишь то, что Пири не может быть заподозрен в какой-либо умышленной мистификации.

---

[1] См. Ш. Рабо и П. Виттенбург. Полярные страны 1914—1924. Ленинград, 1924, стр. 95 и 154.

Как бы ни решать вопроса, в каком расстоянии от полюса Пири поднял в 1909 г. флаг, следует сказать, что его 23-летняя полярная работа в конце концов увенчалась замечательным успехом. Этот успех явился вполне заслуженной наградой за проявленную Пири совершенно изумительную настойчивость и железную энергию. Пири был человек очень сильной воли, и те места его книги, где рассказывается, как человеческая воля сокрушала почти непреодолимые преграды, которые ставила исследователю суровая арктическая природа, читаются с захватывающим интересом. И все же каждая написанная Пири книга в конечном итоге оставляет какое-то чувство неудовлетворенности. Чего-то не хватает в этих книгах, и встающий с их страниц облик большого американского полярника остается нам совершенно чуждым. Это облик рекордсмена до мозга костей. Таким Пири был в первых своих гренландских путешествиях, таким же он в 1909 г. сошел с полярной арены. Если, действительно, приходится удивляться и восхищаться поразительной выдержкой Пири, то не менее удивляешься тем очень скромным научным результатам, которые дали многочисленные экспедиции американца. Неприкрашенное рекордсменство отложило свой отпечаток и на манере Пири излагать свои мысли: часто встречающийся в его книге напыщенный, иногда крикливый тон (несколько сглаженный в русском переводе) оставляет у читателя неприятное впечатление. Пири привык писать для американской прессы, которой прежде всего были нужны сенсация и кричащие заголовки.

Советский исследователь никогда не пойдет по пути рекордсмена Пири, перед ним Арктика ставит совсем иные проблемы, нежели водружение флага на земной оси. Для нас Арктика есть прежде всего большое хранилище еще до конца неисследованных природных ресурсов, которые необходимо изучить, а изучив — бросить на службу социалистического строительства. Однако, несмотря на эти коренные различия в основных установках исследования Арктики у Пири и у советского полярника, знакомство с книгой Пири и его работой для нас несомненно полезно. Техника полярных путешествий при помощи собак была поставлена Пири на непревзойденную высоту, и рядом с походами Пири можно поставить только поход Амундсена к Южному полюсу. Правда, сейчас, при усовершенствованном механизированном транспорте, полярные путешествия перестали упираться в «собачий вопрос», но собачья упряжка, несмотря на самолет и вездеход, еще долго не потеряет своего значения в деле

исследования Арктики. Поэтому внимательное изучение того, что американский исследователь с некоторой самовлюбленностью называет «системой Пири», нелишне каждому советскому полярнику. За несколько лет до своей смерти (Пири умер 20 февраля 1920 г.) американский полярник посвятил методике полярных путешествий целую книгу [1].

Очень полезными для нас являются также описания заимствованных Пири у эскимосов методов транспорта и существования в Арктике. По признанию самого Пири, помощь эскимосов «сыграла решающую роль в достижении полюса». Наконец, нельзя не отметить большую ценность, которую представляют даваемые в этой книге описания ледяного покрова центральной части Ледовитого океана, где до настоящего времени приходилось быть лишь весьма немногим.

В настоящей книге читатель знакомится еще с другим выдающимся американским полярным исследователем — капитаном Робертом Бартлеттом. Имя Бартлетта — попросту «капитана Боба» — пользуется в Америке, пожалуй, еще большей популярностью, чем имя Пири. Бартлетт является бесспорно лучшим знатоком арктических вод Северной Америки. В 1913—1914 гг. он командовал кораблем «Карлук», который был раздавлен льдами к северо-востоку от острова Врангеля, откуда Бартлетт совершил исключительный по смелости переход по дрейфующим льдам к Чукотскому побережью. В 1935 г. Бартлетт посетил Арктику в сорок первый раз.

В. Ю. ВИЗЕ

---

[1] Secrets of Polar Travels, 1917.

Глава I

ПЛАН

Достижение Северного полюса можно до некоторой степени сравнить с выигранной шахматной партией, в которой все ходы, приведшие к благоприятному исходу, были задуманы задолго до начала игры. Для меня это была старая игра, которую я вел с переменной удачей в течение 23 лет. Правда, каждая партия кончалась для меня проигрышем, но с каждым новым поражением я приобретал все большее знание игры, лучше знакомился с ее тонкостями и трудностями, а с каждой новой попыткой победа подходила все ближе; то, что сперва казалось невозможным или в лучшем случае весьма сомнительным, постепенно становилось реальным и осуществимым. Каждое поражение я подвергал тщательному анализу, пока, наконец, не пришел к заключению, что причины, приведшие к проигрышу, могут быть в будущем устранены, и проигранная в течение четверти века партия должна завершиться полной победой.

Надо сказать, что многие не соглашались с этим выводом, но часть моих друзей вполне разделяла мои взгляды; они оказывали мне неоценимую помощь, и теперь, когда все уже свершено, мне доставляет истинную радость сознание, что их доверие к делу, которому я посвятил лучшие годы своей жизни, доверие, подвергавшееся столь тяжкому испытанию, полностью оправдалось.

Однако, хотя план и методы достижения Северного полюса и аналогичны шахматной партии, все же между ними существует и глубокое различие. В шахматах человек состязается с человеком, а в походе к полюсу борьба велась между человеческим разумом и человеческой волей с одной стороны и слепыми силами стихии, законы которых нам были мало известны, с другой. Поэтому, планируя главные этапы нападения на замерзший Север до выхода экспедиции из Нью-Йорка, мы все же не могли предугадать все ходы

противника. Если бы это оказалось возможным, моя экспедиция 1905—1906 гг., поставившая «самый северный» рекорд в 87°6′ с. ш., достигла бы полюса.

Приступая к повествованию о том, как был открыт Северный полюс, я хочу прежде всего отметить, что победа увенчала многолетние усилия, потому что повторные поражения породили опыт, многочисленные ошибки — знание, а упорная борьба с суровой Арктикой — закал и выносливость.

Чтобы показать, как жизнь оправдала мои предположения, было бы, быть может, не лишено интереса сравнить некоторые детали плана похода, объявленного за два месяца до отплытия «Рузвельта» из Нью-Йорка, с фактическим его выполнением.

В начале мая 1908 г. я огласил в печати краткий план похода:

«Экспедиция отправится на том же судне, как и в 1905 г., а именно на «Рузвельте». Я покину Нью-Йорк в начале июля, проследую на север через Сидней, пролив Бель-Иль, пролив Дэвиса, Баффинов пролив и пролив Смита и приложу все усилия, чтобы провести судно к тому же месту зимовки у северного побережья Земли Гранта, что и в 1905—1906 гг.

«Наличный состав экспедиции будет состоять главным образом из эскимосов, которых я найму в Китовом проливе; там же я возьму и собак.

«Санный поход начнется, как и в 1906 г., в феврале, но путь партий будет несколько изменен: сначала мы пойдем вдоль северного побережья Земли Гранта до мыса Колумбия, а по возможности и далее на запад; затем, покинув землю, мы направимся на северо-запад, чтобы избежать восточного движения льда между северным берегом Земли Гранта и полюсом, обнаруженного во время моей прошлой экспедиции.

«В отличие от похода 1906 г. я буду держать санные партии ближе друг к другу, чтобы участники не могли оказаться разобщенными подвижками льда, не имея с собой достаточного количества продовольствия, как это было в 1906 г.

«Я считаю бесспорным, что «великая полынья», обнаруженная мною в предыдущую экспедицию, как по дороге на Север, так и на обратном пути, является постоянной чертой этой части Ледовитого океана. Полагаю, что эта полынья, а не северное побережье Земли Гранта, явится исходной точкой отправки санных партий. Если это окажется выполни-

Капитан „Рузвельта" Роберт Бартлетт.

Кабинет Севера
Обл. библиотеки
им. [illegible]

мым, путь к полюсу будет сокращен приблизительно на сто миль,[1] что сильно упростит задание.

«На обратном пути я, вероятно, возвращусь к северному побережью Гренландии (по диагонали вместе с движением льда), вместо того, чтобы пытаться вернуться к северному берегу Земли Гранта (по диагонали против направления движения льда). В результате этого решения придется устроить склад на севере Гренландии; эту работу выполнит первая из возвращающихся на корабль вспомогательных партий».

Основные моменты похода я изложил следующим образом:

«1. Экспедиция направится проливом Смита, или так называемым «американским» путем, являющимся на сегодняшний день несомненно лучшей дорогой для серьезной атаки полюса. Преимущества этого пути заключаются в наличии суши, находящейся на сто миль ближе к полюсу, чем любые другие точки на всем протяжении Ледовитого океана, затем в длинной полосе побережья, удобного для обратного пути и, наконец, в безопасной и хорошо мне знакомой линии отступления, в случае аварии корабля, не требующей посторонней помощи.

«2. Мыс Шеридан явится местом зимовки экспедиции. Он расположен на одинаковом расстоянии от Земли Крокера[2] и неисследованной части северовосточного побережья Гренландии.

«3. Экспедиция применит для похода сани и эскимосских собак. Только люди и лайки могут осилить трудности полярного перехода. Воздушные корабли, автомобили, дрессированные белые медведи и т. д. — средства еще не проверенные и поэтому на сегодняшний день преждевременные; они годны только для привлечения внимания публики.[3]

---

[1] Одна морская миля равна 1,852 километра. *Прим. ред.*

[2] В 1906 г. Пири, находясь у северозападных берегов Земли Гранта, увидел в северозападном направлении землю, получившую название Земли Крокера. Для исследования этой земли Мак-Миллан организовал в 1913 г. экспедицию. Перезимовав в Эта (северозападная Гренландия), Мак-Миллан пересек Землю Эллесмера и 15 апреля 1914 г. по пловучим льдам достиг 82°30′ N и 108°22′ W — места предполагаемой Земли Крокера. Никакой земли, ни признаков ее, здесь, однако, не оказалось. Несуществование Земли Крокера интересно тем, что даже такой опытный полярный исследователь, как Пири, был введен в заблуждение, очевидно, приняв за землю приподнятые рефракцией торосы. *Прим. ред.*

[3] Необходимо помнить, что Пири писал это в 1909 г. Через десять лет, когда воздушный транспорт уже достиг мощного развития, Пири,

«4. Состав санных партий будет вербоваться из местного населения (эскимосов Китового пролива). Мне кажется, что уроженцы сурового Севера несомненно наиболее приспособлены для тяжелого арктического похода.

«Такова моя программа. Цель экспедиции — выяснить, хотя бы в общих чертах, целый ряд проблем в американском секторе Арктики и достичь той точки, к которой стремились все цивилизованные народы в течение последних трех столетий».

План похода изложен так подробно оттого, что точность, с которой он был выполнен, является почти что исключением в анналах арктических исследований. Как и было задумано, экспедиция вышла из Нью-Йорка в первых числах июля 1908 г. Она покинула Сидней 17 июля, вышла из Эта 18 августа и прибыла на мыс Шеридан, место зимовки «Рузвельта», 15 сентября. Зима прошла в охоте, в небольших разведочных походах, в изготовлении санного снаряжения и переброске грузов с «Рузвельта» к мысу Колумбия — исходной точке нашего похода к полюсу.

Санные партии покинули «Рузвельт» между 15 и 22 февраля 1909 г., встретились у мыса Колумбия и 1 марта вышли с этого мыса, взяв курс на полюс через Ледовитый океан. 84-я параллель была пересечена 18 марта, 86-я — 23 марта, 88-я — 2 апреля, 89-я — 4 апреля, и Северный полюс был достигнут 6 апреля в 10 часов утра. Я провел 30 часов у полюса вместе с Мат Хенсоном, Ута и еще тремя эскимосами, участниками моих прежних экспедиций. 7 апреля мы покинули эту столь заманчивую «90-ю северную параллель» и 23 апреля вернулись на мыс Колумбия.

Надо отметить, что, в то время как поход к полюсу с мыса Колумбия потребовал 37 дней, обратный путь был совершен всего лишь в 16 дней. Необычайная быстрота обратного похода объясняется тем, что мы шли по проложенному уже нами маршруту, а также отсутствием каких бы то ни было проволочек в пути. Благоприятные условия льда и отсутствие пурги также ускоряли наше продвижение, не говоря уже о том, что радость от одержанной победы придавала нам новые силы. Однако, эскимос Ута придерживался

выступая в Национальном географическом обществе Америки, заявил: «Будущие полярные исследователи, вероятно, используют механические средства передвижения, появившиеся за последние годы. Я лично думаю, что в Арктику будут летать по воздуху. Во всяком случае прежней эпохе, когда собаки тащили сани, а человек плелся рядом или позади, пришел конец». *Прим. ред.*

другого взгляда. Он сказал: «Либо дьявол спит, либо ссорится с женой, а то нам не удалось бы так легко вернуться обратно».

Итак, план был точно выполнен во всех его деталях с одним лишь изменением: вместо северного побережья Гренландии (как в 1906 г.) мы вернулись к мысу Колумбия, расположенному несколько западнее, на побережье Земли Гранта. Решение это оказалось чрезвычайно удачным; причины, его обусловившие, будут изложены ниже. На экспедицию легла одна лишь тень — трагическая тень. Я имею в виду гибель профессора Росса Марвина, начальника одной из вспомогательных партий, утонувшего 10 апреля, спустя четыре дня после того, как был достигнут полюс, в 45 милях от мыса Колумбия. За исключением этого прискорбного события история экспедиции ничем не омрачена. Мы вернулись на своем собственном корабле, измученные, но невредимые, с честью выполнив наше задание.

Из истории нашего похода можно вывести заключение, заключение столь явное, что его, быть может, даже излишне приводить. Тщательно проработанный и точно выполненный план состоял из целого ряда элементов, и все они оказались одинаково существенными для одержания победы над стихией. Мы вряд ли добились бы успеха без помощи наших товарищей-эскимосов, их необыкновенной трудоспособности и выносливости, а также без моральной спайки, объединявшей участников экспедиции и явившейся результатом многолетней совместной работы. И мы, конечно, не достигли бы цели без эскимосских собак, не имеющих себе равных в качестве транспортного средства в тяжелых условиях полярных переходов и позволивших нам осуществить быструю и надежную переброску грузов. И всё же, быть может, мы бы не победили, если бы не усовершенствованный тип саней, который мне удалось сконструировать. Он совмещал прочность с легкостью и сильно облегчал мучительный труд собак. Однако, возможно, что нас ожидало бы поражение, если бы не такая с первого взгляда мелочь, как усовершенствованный кипятильник для воды, благодаря которому мы могли растопить лед в десять минут, между тем как в наши предыдущие экспедиции этот процесс занимал целый час. Горячий чай необходим во время стремительного санного похода, а это маленькое изобретение давало нам ежедневную экономию в полтора часа, когда каждая минута сбереженного времени играла первостепенную роль.

Итак, наша работа увенчалась успехом, но, независимо

от этого, мне бесконечно приятно сознавать, что даже если бы мы оказались в роли побежденных, я себя ни в чем не мог бы упрекнуть. Все возможные случайности были предусмотрены, каждое слабое место защищено, все предосторожности приняты. В течение четверти века я вел арктическую игру. Мне было 53 года; в таком возрасте, кажется, ни один человек, за исключением Франклина, до сих пор не отваживался на сражение с арктической природой. Жизнь моя склонялась к закату, я уже не обладал ни энтузиазмом, ни пылкостью более юных лет, но эти минусы, быть может, полностью компенсировались тренировкой и выносливостью, а также правильной оценкой своих сил. Я знал, что это была моя последняя игра на великой арктической шахматной доске. Надо было либо победить, либо признать себя бесповоротно, окончательно побежденным.

Велика и необычайна притягательная сила Севера! Не раз я возвращался из великой замерзшей пустыни побежденный, измученный и обессиленный, иногда изувеченный, убежденный, что это — моя последняя попытка; я жаждал людского общества, комфорта цивилизации и покоя домашнего очага. Но не проходило года, как меня снова обуревало хорошо знакомое мне ощущение беспокойства. Цивилизованный мир терял всю свою прелесть. Меня невыразимо тянуло туда, к безграничным ледяным просторам; я жаждал борьбы с застывшей стихией; меня привлекала долгая полярная ночь и нескончаемый полярный день; я тосковал по своим многолетним друзьям-эскимосам; меня манили молчание и необъятность великого, белоснежного, одинокого Севера. И опять я устремлял туда свои шаги, все снова и снова, пока, наконец, мечта моей жизни не претворилась в действительность.

Глава II

ПОДГОТОВКА

Меня часто спрашивают: когда во мне впервые зародилась мысль о достижении Северного полюса? На этот вопрос трудно ответить. Я не могу указать на определенный день, или месяц и сказать: «вот тогда-то эта мысль мне пришла в голову».

Мечта о Северном полюсе развилась постепенно и явилась как бы следствием более ранней работы. Я стал интересоваться Арктикой уже с 1885 г. — мое юношеское воображение пленили отчеты об исследованиях Норденшельда во внутренней части Гренландии.[1] Я так увлекся этими работами, что предпринял в следующее лето один, без спутников, путешествие по Гренландии. Быть может, в тайниках сознания у меня уже тогда шевелилась надежда, что я когда-нибудь дойду до самого полюса. Во всяком случае, очарование Севера, так называемая «арктическая лихорадка» уже тогда отравила меня, и мной овладело чувство фатальности, — я проникся сознанием, что смысл и цель моей жизни — разгадать тайну замерзших твердынь Арктики.

Однако, идея достижения полюса получила реальное воплощение лишь в 1898 г., когда первая экспедиция «Арктического клуба Пири» отправилась на Север с намерением дойти до 90° северной широты, если только это окажется возможным.

С тех пор я сделал в течение шести лет шесть попыток, чтобы достичь желанной точки. Во время этих походов я последовательно дошел до 83°52′ с. ш., 84°17′ с. ш. и 87°6′ с. ш., — последнее явилось «самым северным» рекордом, при-

---

[1] Знаменитый шведский полярный исследователь А. Норденшельд побывал на ледниковом покрове Гренландии дважды: в 1870 и 1883 гг. В последний раз он прошел вглубь Гренландии на 117 километров. *Прим. ред.*

надлежавшим до этого герцогу Абруццкому,[1] а до него — Нансену.[2]

Не успел я еще вернуться в Нью-Йорк из своей последней экспедиции 1906 г., как я уже думал о новом походе на Север, который я намеревался осуществить, если только соберу достаточно средств, летом 1907 г. По физическому закону всякое тело стремится двигаться по линии наименьшего сопротивления, но к человеческой воле этот закон, повидимому, не относится. Каждое новое препятствие как физическое, так и моральное, оказывавшееся на моем пути — будь то неожиданная полынья, мешавшая дальнейшему продвижению, или неблагоприятное стечение обстоятельств, — лишь пришпоривало меня добиться цели всей моей жизни.

Мысль об организации новой арктической экспедиции встретила горячее сочувствие со стороны председателя «Арктического клуба Пири», Мориса Джезупа, оказавшего мне столь щедрую помощь в снаряжении предыдущих походов и обещавшего мне всемерную поддержку. В честь этого прекрасного человека мною названа самая северная оконечность суши (83°39′ с. ш.) — мысом Джезупа.[3]

Зима 1906—1907 гг. и весна 1907 г. прошли в обработке результатов предыдущих исследований, в напечатании ряда работ о Севере и в привлечении внимания общества к задачам нового похода. Мы располагали судном, за которое заплатили в 1905 г. сто тысяч долларов, но кроме этого нам требовалось не менее 75 000 долларов для установки на корабле новых котлов, закупки снаряжения и других операционных расходов. Хотя главные средства были получены от членов и друзей Арктического клуба, большие денежные суммы поступили также со всех концов страны от частных лиц, взносами от 100 долларов вплоть до 1 доллара. Мы ценили эти мелкие взносы не менее крупных, потому что они свидетельствовали о дружеском интересе широких масс к задуманному нами походу и служили как бы доказательством,

---

[1] Экспедиция герцога Абруццкого, имевшая целью достижение Северного полюса, базировалась на острове Рудольфа (Земля Франца-Иосифа). 25 апреля 1900 г. участнику этой экспедиции Умберто Каньи удалось дойти до 86°34′ с. ш. *Прим. ред.*

[2] В 1895 г. Фритьоф Нансен сделал попытку достичь полюса пешком по льду, отправившись со своего экспедиционного судна «Фрам», дрейфовавшего в то время в высоких широтах между Ново-Сибирскими островами и Землей Франца-Иосифа. Нансену удалось дойти до 86°14′ с. ш., откуда он был вынужден повернуть к Земле Франца-Иосифа. *Прим. ред.*

[3] Крайняя северная оконечность Гренландии. *Прим. ред.*

что экспедиция является по духу национальным делом, хотя она и финансируется на частные средства.

В конце концов мы собрали достаточно средств, чтобы заказать новые котлы и внести некоторые усовершенствования в конструкцию «Рузвельта» [1] с целью лучшего приспособления корабля к условиям северного плавания. Опыт показал, что в основном корабль вполне соответствует той цели, для которой он предназначен, поэтому серьезных изменений производить не понадобилось.

Многолетняя практика научила меня считаться со всевозможными задержками, могущими произойти на далеком Севере, но возмутительная неаккуратность корабельных подрядчиков дома, в сердце цивилизации, до сих пор не входила в мои расчеты. Договоры на производство работ по приведению «Рузвельта» в боевую готовность были заключены зимой со сроком выполнения 1 июля 1907 г. В течение весны мне было неоднократно обещано, что работа будет закончена в срок, а на самом деле установка новых котлов на корабль имела место лишь в сентябре. Таким образом отплытие экспедиции летом 1907 г. не могло состояться.

Невыполнение корабельными подрядчиками своих обязательств явилось для меня тяжелым ударом. Помимо того, что экспедиция откладывалась по меньшей мере на год, со всеми вытекающими отсюда последствиями, это означало для меня мучительную горечь неоправдавшихся надежд.

Только я стал немного свыкаться с создавшимся положением вещей, как меня постигло новое несчастье — я пережил самую тяжелую утрату за все время моей работы в Арктике — смерть моего друга Мориса Джезупа. Без его обещанной материальной поддержки осуществление экспедиции казалось абсолютно невозможным. Я могу совершенно искренно сказать, что Морису Джезупу, более чем кому-либо другому, я обязан и существованием «Арктического клуба Пири» и успеху всей моей работы. С его смертью я потерял бесценного помощника и лучшего друга. На первых порах я решил, что всему пришел конец, что все усилия, затраченные на подготовку экспедиции, все деньги, собранные с та-

---

[1] Полярный корабль Пири «Рузвельт» был построен в 1905 г. Он сделан из белого дуба, имеет в длину 56 метров, осадку 5,5 метра и водоизмещение 614 регистровых тонн брутто. По отношению ширины к длине (1 : 5,26) «Рузвельт» подходит к типу старых шотландских китобойных судов. Построенный исключительно крепко и имеющий машину в 1000 лошадиных сил, «Рузвельт» может активно бороться со льдами. *Прим. ред.*

ким трудом — все пропало даром. Мне казалось, что я переживаю крушение всех своих надежд.

К тому же нашлось немало благожелателей, пытавшихся убедить меня, что годичная отсрочка экспедиции и смерть мистера Джезупа являются верными предзнаменованиями того, что я никогда не достигну полюса.

Однако, когда я немного пришел в себя и беспристрастно взглянул на создавшееся положение, я понял, что идея слишком велика, чтобы бесследно исчезнуть. Это чувство дало мне силы перенести и бесконечную моральную усталость и полное неведение того, где достать остальные деньги для организации экспедиции. Конец зимы и начало весны 1908 г. были отмечены многими беспросветными днями для всех нас, заинтересованных в успехе похода.

Ремонт «Рузвельта» опустошил кассу клуба. Нам нужны были еще значительные суммы для покупки продовольствия и снаряжения, для уплаты жалования команде и на текущие расходы. Мориса Джезупа больше не было с нами; страна не оправилась от финансового краха, постигшего ее прошлой осенью; повсюду чувствовалась нужда.

И тут, внезапно, на нашем мрачном небе блеснул луч солнца. Миссис Джезуп, чтя память мужа, прислала в кассу экспедиции чек на крупную сумму. Это дало нам возможность заказать основные предметы снаряжения. Затем Томас Хоббард, избранный председателем клуба, внес в фонд экспедиции щедрую лепту. Другие члены клуба — наши многолетние друзья, которым были дороги начинания клуба, присоединились к нему, и, таким образом, финансовый кризис в основном миновал. Все же надо было раздобыть еще немало денег. Мысли эти не покидали меня ни днем, ни ночью. Это был один из самых мучительных, самых тягостных периодов моей жизни.

Нам снова улыбнулось счастье. Я получил чрезвычайно обнадеживающее письмо от мистера Крэна, известного бумажного магната Массачузетса, оказавшего уже однажды материальную помощь в снаряжении одной из моих экспедиций. Крэн написал мне, что его очень интересует проект нашего похода и он просит меня заехать к нему. Встреча состоялась. Он внес в кассу экспедиции чек на десять тысяч долларов и обещал дальнейшую поддержку, если это окажется нужным. Обещание свое он выполнил, и его позднее избрали вице-председателем клуба. Чтобы описать, что означали для меня в то время эти десять тысяч долларов, надо было бы обладать поэтическим даром Шекспира.

Полученные суммы позволили нам, при соблюдении самой строгой экономии, закупить необходимые запасы продовольствия и снаряжения.

Во время наших сборов я получил бесконечное количество писем, содержавших самые разнообразные проекты, применение которых, по словам авторов, должно было безусловно обеспечить открытие Северного полюса. Ввиду современного направления изобретательской мысли, лётные аппараты занимали, разумеется, первое место. Затем шли автомобили, причем авторы гарантировали, что машины пройдут по любому виду льда. Один изобретатель предлагал проект подводной лодки, которая, по его словам, несомненно должна была достигнуть полюса. Однако, он не объяснял, как мы поднимемся на поверхность у полюса, пропутешествовав подо льдом до него.

Другой изобретатель хотел нам продать переносную лесопилку. Ее надо было установить на берегу Ледовитого океана для пиления леса, из которого предполагалась постройка деревянного прохода надо льдом на всем пути до полюса. Еще один изобретатель предлагал устройство «центральной станции по изготовлению супа». Станцию надо было устроить также на берегу океана, а оттуда провести надо льдом ряд шлангов, таким образом, чтобы санные партии, находящиеся в пути к полюсу, могли непрерывно снабжаться горячим супом со станции.

Однако, жемчужиной всей этой коллекции явилось изобретение человека, жаждавшего превратить меня в своеобразное «пушечное ядро». Автор не поделился со мной деталями своего проекта, повидимому, боясь, что я его у него украду, но сущность заключалась в следующем. Если бы мне удалось доставить его аппарат в нужное место и если бы я сумел направить его точно куда следует, то этот прибор «выстрелил» бы меня как раз на полюс. Это, поистине, был человек всецело поглощенный своей идеей. Он так горячо стремился доставить меня таким необычным путем к полюсу, что, очевидно, нисколько не интересовался, в каком состоянии я туда попаду и как оттуда вернусь!

От многих друзей экспедиции, не имевших возможности оказать нам денежную помощь, мы получили всевозможные подарки для развлечения участников похода. Так у нас оказался бильярд, различные игры и бесконечное количество книг. Незадолго до отплытия «Рузвельта» один из участников экспедиции в беседе с корреспондентом какой-то газеты сказал ему, что мы неважно снабжены литературой. Уже на

«следующий день после этого разговора корабль оказался наводнен книгами, журналами и газетами, которые подвозились буквально целыми вагонами. Они заполнили сверху донизу каюты, столы, палубу, словом, всё свободное пространство корабля. Но, как бы там ни было, благожелательность даривших нас очень тронула, а среди всей этой массы книг и журналов оказалось много хорошей литературы.

Когда настал день отплытия «Рузвельта», мы были снабжены всем самым необходимым в отношении снаряжения и продовольствия, включая по коробке конфект — подарок моей жены всем участникам похода.

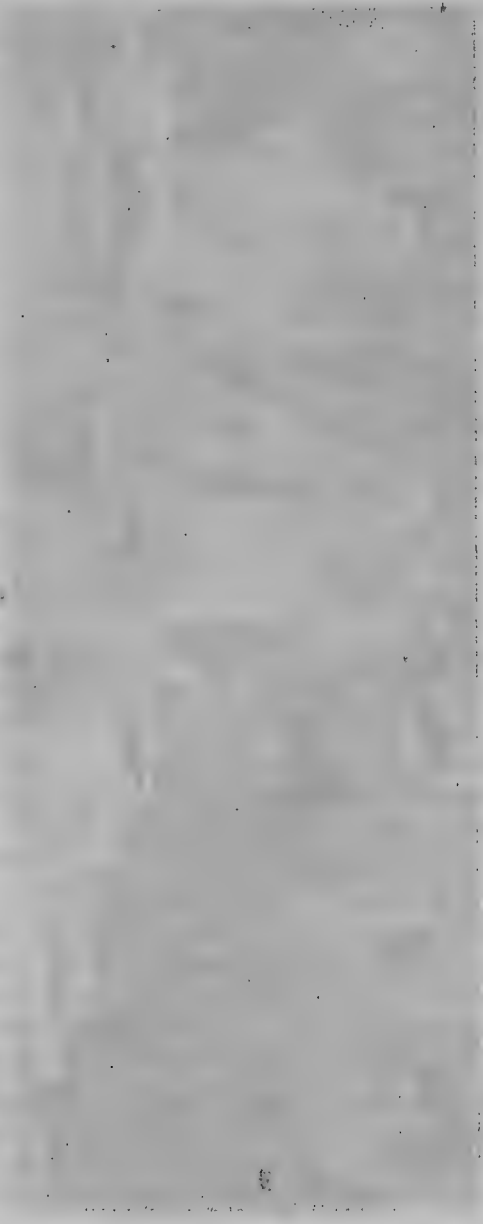
Персонал экспедиции был прекрасно подобран. В выборе людей я мог руководствоваться опытом своих прошлых походов. Зимовка в Арктике — великая проба для определения характера человека. Можно лучше изучить человека после шестимесячной жизни с ним за полярным кругом, чем после двадцатилетнего знакомства в цивилизованном городе. Что-то таится в этих безграничных замерзших просторах, — я даже не могу определить, что именно, — безошибочно раскрывающее сущность человека: все хорошее в нем, также как и все скверное, очень быстро выступает наружу.

Самым ценным участником экспедиции был Бартлетт, капитан «Рузвельта», выдающиеся качества которого мне были хорошо известны по походу 1905—1906 гг. Роберт Бартлетт, «капитан Боб», как мы его дружески величали, происходит из семьи ньюфаундлендских моряков, издавна связанных по работе с Севером. Ему минуло 33 года. Голубоглазый, темноволосый, худощавый, с стальными мускулами, Бартлетт, в какой бы обстановке он ни находился — у руля ли «Рузвельта», изыскивая проход через тяжелые льды, в санном ли походе, или в обществе команды — всегда оставался верным себе — неутомимым, преданным, энтузиастом своего дела, точным, как компас.

Моим помощником был негр Матью Хенсон — товарищ всех моих странствований, начиная с 1887 г., и неизменный участник моих санных походов на далекий Север. Хенсон отличался исключительной работоспособностью и был чрезвычайно предан нашему общему делу.

Вместе со мной он испытал все лишения и трудности работы в суровых условиях Арктики. Ему теперь около сорока лет. Человека, который бы умел так искусно обращаться с санями, и лучшего каюра трудно сыскать; в этом отношении с ним могут соперничать лишь некоторые эскимосы-зверобои.

Участники экспедиции в кают-компании на „Рузвельте". Слева направо: Борун, Марвин, Бартлетт, Ипри, Гудсэл, Мак-Миллан.



Росс Марвин, мой секретарь, погибший во время экспедиции, Джордж Уордуэл, старший механик судна, Перси, заведующий хозяйством, и Мерфи, лоцман, — все они уже не раз побывали со мной на Севере.

Ввиду разносторонних задач экспедиции, предусматривавших систематические наблюдения за приливами и отливами (по заданию Береговой и Геодезической службы Соединенных Штатов), а также, при благоприятных условиях, исследовательские санные поездки на восток, к мысу Мориса Джезупа, и на запад, к мысу Хоббард, я увеличил научный состав своей последней экспедиции на два человека, пригласив Дональда Мак-Миллана из Уорчестерской академии и Джорджа Боруна.

Дональд Мак-Миллан окончил университет в Болдуине, затем преподавал в различных школах, а в последнее время состоял доцентом математических и физических наук при Академии в Уорчестере. Мак-Миллан прекрасный спортсмен и очень смелый человек; он награжден медалью «Общества человеколюбия» за спасение нескольких человеческих жизней, но об этих подвигах его очень трудно заставить говорить.[1]

Джордж Боруп окончил университет в Яле и работал практикантом в паровозных мастерских железнодорожной компании в Пенсильвании. Боруп также отличный спортсмен и в университете брал все призы в атлетических состязаниях.

Капитану Бартлетту я предоставил выбор судового состава, за исключением старшего механика.

Персонал экспедиции, окончательно укомплектованный в момент выхода «Рузвельта» из Сиднея 17 июля 1908 г., состоял из двадцати двух человек: Роберт Пири — начальник; Роберт Бартлетт — капитан «Рузвельта»; Джордж Уордуэл — старший механик; доктор Гудсэл — врач; проф. Росс Марвин, Дональд Мак-Миллан, Джордж Боруп — научные работники; Матью Хенсон — помощник начальника; Томас Гушу — штурман; Джон Мерфи — лоцман; Бэнкс Скотт — второй механик; Чарльз Перси — заведующий хозяйством;

---

[1] Дональд Мак-Миллан стал впоследствии известным полярным исследователем. Особенную известность доставила ему его четырехлетняя (1913—1917) экспедиция на Канадский арктический архипелаг. Вместе с Бэрдом он был первым, применившим в арктической Америке самолет (1925). В 1931 г. Мак-Миллан производил с самолета съемку внутренней части Лабрадора. В 1934 г. он совершил свою пятнадцатую поездку в Арктику. *Прим. ред.*

Уильям Притчард — юнга; Джон Коннорс, Джон Коди, Джон Барнес, Деннис Мерфи, Джордж Перси — матросы и Джемс Бентли, Патрик Джойс, Патрик Скинс, Джон Уэйзмен — кочегары.

Продовольствием мы были снабжены в большом количестве, но широким разнообразием наша пища отнюдь не отличалась. Благодаря долголетнему опыту я знал, что предметы первой необходимости для серьезного арктического похода немногочисленны, но они должны быть лучшего качества; деликатессы же совершенно излишни.

Продовольствие арктической экспедиции естественно делится на два вида: питание участников санных походов и питание во время жизни на корабле и зимовки. Провиант, потребный для санных походов, специального характера и должен быть заготовлен и упакован таким образом, чтобы обеспечить максимум питания при минимуме веса. Необходимых предметов питания — действительно необходимых — всего четыре: пеммикан, чай, сухари и сгущенное молоко. Пеммикан — конденсированная пища, изготовленная из говядины, жира и сушеных фруктов. Из всех мясных консервов пеммикан самый питательный; он безусловно необходим во время продолжительного санного похода в Арктике.

Наша пища на борту корабля и во время зимовки состояла из обычных стандартных предметов питания. Мяса мы с собой не брали. В этом отношении я всегда полагался на естественные ресурсы самой страны. Целью зимней охоты является именно мясо, а не спорт, как многие думают.

Итак, отплывая в свою последнюю экспедицию, я был обеспечен всем необходимым, и это несомненно явилось одним из факторов успеха.

Глава III

ВЫХОД

6 июля 1908 г., в 1 час дня, «Рузвельт» вышел из Нью-Йорка, сопровождаемый в свое далекое северное плавание криками «ура» собравшейся на пристани многотысячной толпы, а также приветственными гудками сирен яхт, буксиров и грузовых пароходов. Интересно отметить, что в этот день — 6 июля — в Нью-Йорке стояла невыносимая жара — было зарегистрировано несколько смертей от солнечного удара — в то время, как мы отплывали в самое холодное место на земном шаре, где пятьдесят градусов мороза не являются редкостью.

На борту «Рузвельта» находилось около ста человек гостей и членов «Арктического клуба Пири». По мере того как корабль плыл вверх по реке, шум приветствий становился все громче и громче, — к сиренам речных судов присоединялись гудки фабрик и заводов, — пока он не превратился в сплошной радостный гул. Я думаю, ни один корабль в мире, отправлявшийся в далекое плавание на край света, не удостаивался столь сердечных проводов, как наш «Рузвельт».

Вблизи маяка Степпинг Стоун мы расстались с нашими гостями. Пожелав нам счастья, они пересели на буксирный пароход «Наркета» и вернулись в Нью-Йорк. «Рузвельт» последовал дальше, забирая по пути кое-какое снаряжение, предварительно закупленное нами. Так в Нью-Бедфорде мы взяли вельботы, а у острова Игл захватили массивный запасной руль для предстоявшей жестокой битвы со льдами. В мою предыдущую экспедицию, когда у нас не было лишнего руля, мы могли бы использовать целых два, а на этот раз, когда он у нас был, запасной руль нам не потребовался. Так часто бывает в жизни.

Выход судна с острова Игл был рассчитан таким образом, чтобы я мог с женой прибыть по железной дороге

в Сидней в один день с кораблем. Я питаю очень теплые чувства к этому живописному городку. Восемь раз я отправлялся из Сиднея на Север в свои арктические странствования. Мои воспоминания об этом городе восходят к 1886 г. Я тогда прибыл в Сидней с капитаном Джекманом на китобойном судне «Игл» и оставался там несколько дней, пока корабль бункеровался в угольной гавани, прежде чем отправиться в свое первое северное плавание.

С тех пор прошло больше двадцати лет. Сидней изменился до неузнаваемости. Из маленького селения с одной плохонькой гостиницей и несколькими домишками он превратился в цветущий город, насчитывающий 17 000 жителей, много промышленных предприятий и один из самых крупных заводов по изготовлению стали в западном полушарии. Я избрал Сидней исходной точкой отплытия на Север потому, что там имеются угольные копи. Это самое близкое к Арктике место, где можно нагрузить углем корабль.

Покидая Сидней в это свое последнее северное плавание, я испытывал чувства несколько иные, чем прежде, в момент выхода в море. Когда якорь был поднят, мной не овладело привычное волнение, так как я знал, что все предосторожности приняты, все случайности предусмотрены и все необходимые запасы находятся на борту корабля. Возможно также, что многочисленные неудачи, постигшие меня в прошлом, притупили у меня чувство страха и опасности.

По окончании нагрузки мы пересекли бухту, чтобы забрать в Норд-Сидней последний груз. Едва корабль отошел от верфи, как он сел на мель, и нам пришлось ждать больше часа начала прилива. Во время наших попыток снять судно с мели пострадал один из наших вельботов, попавший между шлюпбалками и молом и получивший значительные повреждения. Неприятно было начинать с аварии; впрочем, после восьми арктических кампаний такое небольшое происшествие уже не рассматривается, как «плохое предзнаменование».

Мы покинули Норд-Сидней 17 июля, в половине четвертого дня; над нами сияло лучезарное солнечное небо. С сигнальной станции нам сигнализировали: «До свидания. Счастливого пути». Мы ответили: «Спасибо», и опустили наши флаги.

Маленький буксир, зафрахтованный нами, чтобы отвезти обратно в Сидней несколько близких нам людей, находившихся на борту корабля, следовал за «Рузвельтом» до маяка Лоу Пойнт. Там он подошел к кораблю, и моя жена,

дети, мистер Боруп и два-три человека старых друзей пересели на него. Мой пятилетний сын, Роберт, крепко обнял меня на прощанье и шепнул мне: «Возвращайся поскорей, папочка»... С грустью глядел я на удалявшийся маленький буксир; он становился все меньше, меньше, пока, наконец, совсем не исчез в голубой дали... Еще одна разлука — а их было ведь так много! Но на этот раз расставание было менее печальным, чем прежде. Мне кажется, и я и моя жена — эта мужественная маленькая женщина, делившая со мною все превратности моей кочующей жизни, сознавали, что это наша последняя разлука.

Когда звезды загорелись на вечернем небе, последние грузы были уже уложены, и на палубах наблюдался необычайный простор для корабля, только что отплывающего в годичный арктический рейс, за исключением шканцев, где высоко взгромоздились мешки с углем.

Зато внутри кают повсюду господствовал полнейший хаос и беспорядок. Моя каюта была до такой степени завалена всевозможными вещами — приборами, книгами, мебелью, подарками друзей, запасами и пр. и пр., что для меня самого не оставалось места. Впоследствии, когда я вернулся, меня кто-то спросил, заводил ли я пианолу в день отплытия «Рузвельта». Пианола молчала по той простой причине, что я не мог к ней добраться. Мое главное занятие в течение этих первых часов на море заключалось в «раскопке» места, длиною в два метра и шириною в один метр, по соседству с моей койкой, чтобы иметь возможность улечься вечером спать.

Я очень люблю свою каюту на «Рузвельте». Относительно просторные размеры ее и находящаяся по соседству ванная — единственная роскошь, которую я себе разрешил. Каюта сколочена из бревен и окрашена белой краской. Прикрепленная к стене койка, простой письменный стол, несколько книжных полок, качалка, стул, пианола — подарок старого друга, комод и несколько фотографий на стенах — вот вся ее незамысловатая обстановка.

Пианола — мой долголетний путевой товарищ — служила одним из наших главных источников развлечения. У меня было не менее двухсот пластинок, но музыка «Фауста» чаще всего звучала у берегов Ледовитого океана. Всевозможные марши и песни также пользовались большой популярностью, и нередко старому вальсу «У синего Дуная» удавалось разогнать тоску кучки людей — добровольных пленников негостеприимного, студеного Севера.

Но главным украшением моей каюты была с любовью подобранная библиотека, содержавшая почти все сочинения по арктическим исследованиям. Эти книги, также как и романы и журналы, не раз помогали нам скоротать полярную ночь, а это что-нибудь да значит, когда ночь длится несколько месяцев!

На следующий день после нашего выхода из Сиднея мы взялись за ремонт поврежденного вельбота. Море волновалось, и шкафут судна заливало водой. Мои товарищи постепенно навели порядок в своих каютах, начали осваиваться с жизнью на корабле, и если кто-нибудь и почувствовал тоску по дому, то это тщательно скрывалось.

Наши жилые помещения находились в задней рубке на верхней палубе, которая тянется во всю ширину «Рузвельта», от гротмачты до бизаня. Моя каюта помещалась справа, в кормовой части; рядом с нею — каюта Хенсона, затем кают-компания и в носовой части — каюта доктора Гудсэла. С левой стороны в кормовой части находилась каюта капитана Бартлетта, которую он занимал вместе с Марвином, затем, последовательно, каюта старшего механика и его помощника, каюта заведующего хозяйством Перси и каюта Мак-Миллана и Борупа; штурман и лоцман жили в носовой части рубки, за их каютой находилась вторая кают-компания.

Я не буду долго останавливаться на первом этапе нашего плавания из Сиднея к мысу Йорк — это была просто приятная летняя прогулка по морю, без опасностей и приключений. Когда мы проходили пролив Бель-Иль, эту «могилу кораблей», где судну всегда грозит опасность встретиться в тумане с айсбергами или быть прибитым к берегу сильным и коварным течением, я всю ночь оставался на ногах. Но все обошлось благополучно, и я невольно сравнил это легкое летнее плавание с нашим возвращением домой в ноябре 1906 г., когда «Рузвельт» подбрасывало на волнах точно щепку, вода не переставала заливать палубу, в битве с разгневанным морем у «Рузвельта» сломалось два руля и судно следовало в густом тумане вдоль лабрадорского побережья, руководимое лишь сиренами маяков и свистками больших пароходов, стоявших у входа в пролив и не дерзавших пуститься в опасный путь.

Глава IV

ПО ПУТИ К МЫСУ ИОРК

В воскресенье, 19 июля, у маяка Пойнт Амур, мы выслали на берег шлюпку с пакетом телеграмм — последними вестями с пути. Я подумал тогда: какова же будет моя первая весточка в будущем году?

Перед мысом Св. Чарльза мы бросили якорь у китобойной станции.

Накануне здесь поймали двух китов, и я тотчас же купил мясо одного кита в качестве корма для собак. Мясо мы уложили на шканцах «Рузвельта». На побережье Лабрадора много таких китобойных промыслов. Они высылают в море быстроходное стальное судно, на носу которого установлена гарпунная пушка. С судна выслеживают кита, охотятся за ним и выстреливают в него гарпун с прикрепленной разрывной бомбой. Взрыв убивает чудовище. Колоссальную тушу на канатах волокут на берег, вытаскивают на станцию и на месте обрабатывают, причем для всех частей ее находят какое-нибудь коммерческое применение.

Следующая остановка была совершена в гавани Хаукс, где вспомогательное судно «Эрик» ожидало нас, имея на борту около 28 тонн китового мяса. Через час после «Рузвельта» в гавань вошла прекрасная белая яхта нью-иоркского яхт-клуба «Вакива», принадлежавшая мистеру Харкнесу. В течение зимы яхта не раз грациозно покачивалась на волнах по соседству с «Рузвельтом» у нью-иоркской пристани, и теперь, по странному стечению обстоятельств, оба судна снова встретились в этой отдаленной гавани на побережье Лабрадора. Более непохожих друг на друга кораблей нельзя было себе представить: яхта — белоснежная, сверкавшая на солнце, быстрая, легкая, как стрела; наш корабль — черный, медлительный, тяжелый, крепкий, как скала, — каждое судно было предназначено для специальной цели и приспособлено для нее.

Мистер Харкнес с группой гостей, среди которых находилось несколько представительниц прекрасного пола, поднялись на борт «Рузвельта». Светлые женские платья еще более оттеняли мрачность, грузность и далеко не безукоризненную чистоту нашего корабля.

Затем мы бросили якорь на острове Турнавик, у рыболовной станции, хозяином которой был отец Бартлетта, где взяли партию лабрадорской меховой обуви, хорошо предохраняющей от северных морозов. Когда «Рузвельт» подходил к острову, началась сильная гроза — самая северная гроза, которую я когда-либо наблюдал.

Спокойно и мирно протекало наше плавание до мыса Иорк; оно было лишено даже тех мелких происшествий, какие имели место три года тому назад, в мою прошлую экспедицию. Я вспомнил, что около мыса Св. Георгия на корабле от перегрева котлов произошел пожар, основательно напугавший всех участников экспедиции 1905 г. Погода нам тоже благоприятствовала. Вместо густого непроницаемого тумана, нависшего на этом пути в 1905 г. над «Рузвельтом», безоблачное небо сияло над нами. Словом, с самого начала нам все улыбалось, все предвещало удачу, но на всех никак не угодишь, и у нас нашлось несколько суеверных людей, которые утверждали, что такое счастье не может быть долговечным.

По мере того, как мы удалялись на север, ночи становились все короче и светлее; когда же «Рузвельт» пересек полярный круг — в полночь 26 июля — солнце нас уже больше не покидало и светило нам в течение круглых суток. Для меня это давно утратило прелесть новизны, — я пересек полярный круг не менее двадцати раз, — но на наших «арктических новичков»: доктора Гудсэла, Мак-Миллана и Борупа — полярный день произвел громадное впечатление.

«Рузвельт» приближался к одной из самых интересных местностей в Арктике: на западном побережье северной части Гренландии, посредине между бассейном Кэна на севере и бухтой Мельвиля на юге, находится настоящий маленький оазис среди ледяной пустыни. Там, в разительном контрасте с окружающей природой, богата животная и растительная жизнь; в течение последнего столетия эта узкая полоса побережья служила местом зимовки многочисленных арктических экспедиций, а сейчас она населена моими старыми друзьями — небольшим эскимосским племенем.

Поселок лежит в 3000 милях от Нью-Йорка и в 600 милях к северу от полярного круга, приблизительно на пол-

пути между полярным кругом и полюсом. Сто десять суток длится там полярная ночь — лишь луна и звезды освещают тогда землю, а летом солнце светит круглые сутки. Небольшая полоса побережья благодаря хорошим пастбищам — любимое обиталище оленей. Но нас этот единственный в своем роде уголок на земном шаре интересовал не с точки зрения его климатических особенностей, — мы здесь предполагали завербовать уроженцев замерзшей зоны, которые впоследствии должны были нам оказать бесценную помощь в нашей борьбе с суровым Севером.

Однако, прежде чем «Рузвельт» достиг этого странного маленького оазиса, совсем иное зрелище открылось нашим глазам, зрелище печальное, показавшее нам воочию мрачную сторону стоявшей перед нами задачи. Мы плыли мимо арктического кладбища мужественных людей, нашедших здесь свое последнее убежище.

У южной оконечности бухты Мельвиля, на островах Дек, похоронены шотландские китобои, первые люди, пробившие дорогу к бухте Мельвиля и погибшие, не дождавшись вскрытия льдов. Это старые могилы — им более ста лет. Начиная отсюда, арктический путь обозначен многочисленными памятниками тех, кто погиб в страшной борьбе с холодом и голодом. Как красноречивы эти грубые кучи камней! Люди, которые лежат под ними, были не менее смелыми, не менее решительными, чем участники моего похода; просто, им менее везло.

Остановим на мгновение наш взор на этом кладбище.

В бухте Северной Звезды спят вечным сном участники английской экспедиции на корабле «Северная Звезда», зимовавшем здесь в 1850 г.[1] На островах Кари находится безымянная могила участника экспедиции Кальстениуса. Севернее, в Эта, покоится Зоннтаг, астроном экспедиции Хайса,[2] а несколько дальше — Ольсен из партии Кэна.[3] На проти-

---

[1] «Северная Звезда» (North Star), находившаяся под командой Саундерса, была одним из многочисленных кораблей, отправленных на поиски Франклина. *Прим. ред.*

[2] Экспедиция Исаака Хайса в 1860—1861 гг., осуществленная на шхуне «United States», имела целью пройти через пролив Смита на север, где предполагалось найти открытое полярное море. *Прим. ред.*

[3] Экспедиция К. Кэна имела целью поиски Франклина. В 1853 г. судно Кэна «Advance» стало на зимовку у Земли Прюдо (северо-западная Гренландия). После двух проведенных здесь зим экипаж был вынужден покинуть судно и отправиться на юг на санях и лодках. Во время этого перехода 12 июня 1855 г. от истощения скончался участник экспедиции Х. Ольсен. *Прим. ред.*

воположной стороне лежат останки шестнадцати человек многострадальной экспедиции Грили.[1] Еще севернее, на побережье Гренландии, находится могила Хола, начальника экспедиции на «Поларисе».[2] На западе — на Земле Гранта — похоронены матросы британской арктической экспедиции 1876 г.,[3] а справа, на берегу Ледовитого океана, вблизи мыса Шеридан, спит под грудой камней датчанин Петерсен, переводчик той же экспедиции. Эти памятники возвышаются в виде безмолвных свидетелей человеческих усилий выиграть арктическую игру; они показывают, как много было отважных людей, пожертвовавших всем, даже жизнью, в борьбе за покорение Арктики.[4]

Когда я впервые увидел могилы китобоев на островах Дек, яркое солнце освещало эти печальные памятники, навеявшие на меня глубокую грусть. Позднее, когда я проходил мимо могилы Зонтага в Эта, я осторожно прибрал разбросанные ветрами камни на могиле, этим как бы отдавая последний долг мужественному человеку. На мысе Сабина, где погибла партия Грили, я был первым человеком, ступившим в развалины каменной хижины после того, как ее покинули, много лет тому назад, оставшиеся в живых семеро участников этой экспедиции.

Итак, в солнечные дни июля 1908 г., мы плыли мимо бесконечного арктического кладбища. Как я был далек тогда от мысли, что одному из участников нашей партии, всеми нами любимому профессору Россу Марвину, суждено прибавить свое имя к длинному списку арктических жертв, и что его могила, в бездонных глубинах темных холодных вод, станет самой северной могилой на этой земле.

---

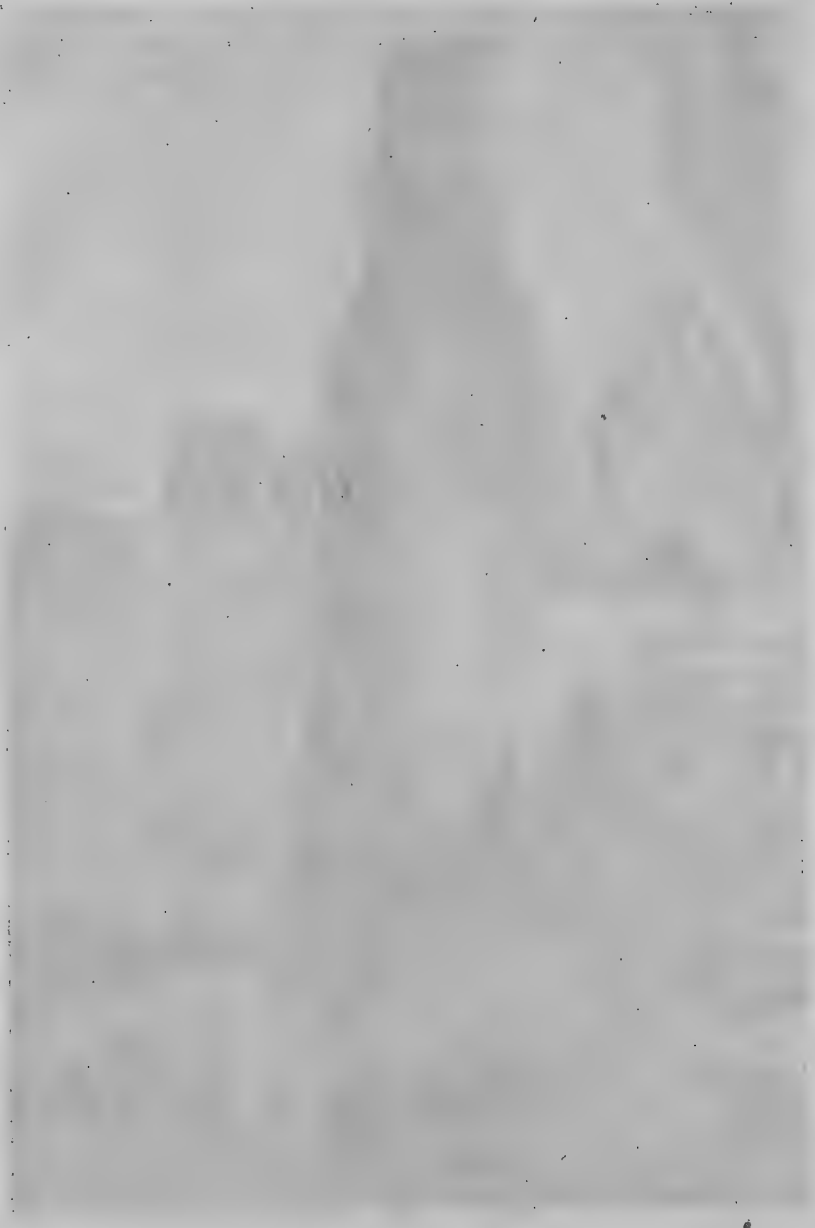
[1] Экспедиция А. Грили (1881—1884) имела целью устройство станции международного полярного года в заливе Леди Франклин («Форт Конгер»). Экспедиция Грили описана ее начальником в книге, русский перевод которой вышел в 1935 г. в Издательстве Главсевморпути. *Прим. ред.*

[2] Американская экспедиция Хола (1871—1873) имела целью пройти через пролив Смита и проникнуть возможно дальше на север. Хол скончался от болезни еще во время первой зимовки экспедиции у северозападных берегов Гренландии. *Прим. ред.*

[3] Имеется в виду английская экспедиция на судах «Алерт» и «Дискавери» под начальством Нэрса (1875—1876). Весною 1876 г. участниками этой экспедиции были обследованы берега Земли Гранта, Земли Гриннеля и северозападной Гренландии. *Прим. ред.*

[4] В настоящее время в этом районе (на мысе Йорк) стоит памятник Роберту Пири, поставленный Р. Бартлеттом в 1932 г. Памятник, стоящий на высоте 345 метров над уровнем моря, представляет собою гранитную колонну высотой в 16 метров, увенчанную пирамидой из нержавеющего металла. *Прим ред.*

Морж.



1 августа «Рузвельт» прибыл на мыс Йорк. Этот мыс является южной оконечностью полосы арктического побережья, населенного моими старыми друзьями — эскимосами, самыми «северными» людьми на нашей планете. Как часто я видел снежную вершину этого мыса, возвышающуюся вдали над горизонтом, когда мои корабли продвигались на север. У основания этого клочка суши гнездится маленькая эскимосская деревушка; здесь, в течение многих лет, год за годом, происходила встреча между мной и населяющим ее племенем.

На мысе Йорк мы находились на пороге Арктики. На борту корабля у меня имелось все то необходимое снаряжение, которое могла мне дать цивилизация. Тут я должен был взять орудия, материал и людей, которых родил Север для своего собственного покорения. Мыс Йорк, или бухта Мельвиля, это демаркационная линия между миром цивилизации и Арктикой — с ее лайками, моржами, тюленями, меховыми одеждами и туземным опытом.

Позади лежало то, что мы именуем цивилизованным миром, ставшим для нас теперь совершенно бесполезным. Впереди — простиралась безжизненная пустыня, через которую я должен был пробить себе дорогу для достижения моей цели. Даже само плавание от мыса Йорк до места зимовки экспедиции на северном побережье Земли Гранта представлялось далеко не обыкновенным плаванием; собственно говоря, на последних этапах пути это даже не плавание, а упорная, мучительная, часто ни на минуту не прекращающаяся битва со льдом, при которой все время существует опасность, что противник вот-вот нанесет судну смертельный удар.

Позади меня лежало все, что может быть близко и дорого человеческому сердцу: семья, друзья, дом и все те ассоциации и интересы, которые связывают человека с себе подобными. Впереди меня лежала моя мечта, конечная цель неотразимого импульса, гнавшего меня в течение 23 лет вперед, заставлявшего меня снова и снова вступать в бой с застывшей преградой великого Севера.

Выйду ли я победителем? Вернусь ли я? Ибо успех в достижении 90° северной параллели еще не означает благополучного возвращения. Мы это узнали в 1906 г., пересекая на обратном пути «великую полынью», когда непосильная борьба со стихией и мучивший нас голод чуть-чуть не сразили нас. В Арктике шансы всегда против исследователя. Незримые хранители тайны обладают неисчерпаемым коли-

чеством козырей, которые они предъявляют смельчаку, дерзнувшему вступить с ними в игру. Жизнь там — собачья жизнь, но работа достойна настоящего человека.

Когда мы 1 августа 1908 г. покинули мыс Йорк, я знал, что меня ждет последняя, решительная битва. Все в моей жизни словно привело к этому моменту. Долгие годы упорной работы, все мои прежние походы были лишь подготовкой к этому последнему усилию. Во все периоды разочарований и поражений я никогда не переставал верить, что великая белоснежная твердыня Севера должна в конце концов пасть перед настойчивостью человеческой воли, и теперь, стоя спиной к миру и лицом к этой твердыне, я верил, что победителем буду я, несмотря на темные, страшные силы стихии.

Глава V

ВСТРЕЧА С ЭСКИМОСАМИ

Когда «Рузвельт» подходил к мысу Иорк, я увидел, что на берегу царит большое оживление и на воду поспешно спускают несколько каяков. Мыс Иорк — самая южная из эскимосских деревень, но под словом «деревня» не надо понимать постоянное селение, так как эскимосы кочующий народ. В иной год там обитают две семьи, в другой — десять, а бывает, что и ни одной, ибо эскимосы редко живут более двух лет на одном и том же месте.

Мыс Иорк встретил нас огромной флотилией пловучих айсбергов, суровыми стражами окруживших берег, но прежде чем наш корабль приблизился к ним, охотники-эскимосы уже плыли нам навстречу, громкими возгласами приветствуя нас. При виде их хрупких каяков, так изящно и легко скользивших по воде, у меня радостно забилось сердце.

Здесь следует сказать несколько слов об этом славном народе, самом северном на нашей планете, помощь которого сыграла, мне кажется, решающую роль в достижении Северного полюса. Меня часто спрашивали: «Какой вклад сделали эскимосы в сокровищницу человеческой культуры? Естественными условиями жизни они обречены на прозябание; они не имеют письменности и стоят на самой низкой ступени развития. В их отношении к жизни главную роль играет инстинкт». В ответ на это я писал еще несколько лет тому назад: «Не надо забывать, что эти трудоспособные и выносливые люди являются замечательными работниками в деле освоения Арктики. Они еще внесут свою лепту в общее дело человечества. С их помощью мир откроет полюс». Эти слова оказались пророческими.

Итак, глядя на быстро приближавшиеся к «Рузвельту» каяки, я с чувством искренней радости ждал предстоявшей встречи со своими старыми друзьями, делившими со мною

в течение многих, многих лет превратности и удачи моих полярных странствований. Я снова пришел к ним, чтобы с их помощью выйти победителем в этом своем последнем поединке с Арктикой.

Начиная с 1891 г. я жил и работал среди эскимосов. Общее дело породнило меня с ними, взрастило взаимное доверие и чувство прочной, глубокой дружбы. В течение восемнадцати лет я старался приспособить их замечательную ледовую технику и выносливость к успешному покорению северной природы. Я знал каждого мужчину, женщину и ребенка от мыса Иорк до Эта. Эскимосские поселки явились отправным пунктом моих походов.

Когда мы 1 августа 1908 г. высадились на мыс Иорк, я нашел там 4—5 семей, живших в летних палатках, покрытых шкурами. От них я узнал о всех событиях и происшествиях, имевших место за последние два года: кто умер, кто родился и где и как живет та или иная семья.

Было около семи часов утра. Сговорившись с теми эскимосами, которых мне хотелось взять с собою в экспедицию, я сказал им, что, когда солнце сядет, судно отчалит, и что к этому времени они должны быть со своими семьями и имуществом на корабле. Единственное занятие эскимосов — охота, а их скарб, состоящий из легких палаток, собак, саней, нескольких шкур и горшков, вполне портативен, поэтому перевозка его на «Рузвельт» была осуществлена на наших шлюпках без большой затраты времени. Как только новые участники экспедиции водворились на судно, мы подняли якорь и снова взяли курс на север.

Эскимосы с величайшей охотой согласились пойти со мною в поход. Они знали из прошлого опыта, что участие в экспедиции спасет их жен и детей от голода; они знали также, что, когда экспедиция закончится, я отдам им оставшиеся запасы продовольствия и снаряжения, что даст им возможность безбедно жить целый год, а по сравнению с другими членами их общества — вести существование миллионеров.

Это маленькое племя, насчитывающее всего 220—230 человек и обитающее на северозападном побережье Гренландии, от мыса Иорк до Эта, во многих отношениях сильно отличается от эскимосов датской Гренландии и других арктических областей. С нашей точки зрения у них низкий уровень развития, но они не дикари; не имея ни малейшего понятия о грамоте, они обладают недюжинными способностями. В их характере много детского, но вместе с тем на

их слово можно безусловно положиться. У них нет морали, как мы ее понимаем, но это не мешает им делиться последним куском хлеба с голодным и заботиться о старых и больных. Они сильные, здоровые и необычайно выносливые; у них нет ни пороков, ни дурных привычек. В общем, это чрезвычайно интересный народ, в своем роде единственный на земле.

Нельзя себе представить лучших работников в суровых условиях Севера, чем эти плотные, бронзовые, темноволосые дети природы. Я питаю к ним исключительно теплые чувства и в течение восемнадцати лет всячески старался облегчить их тяжелое существование.

Мысль, высказанная некоторыми доброжелательно настроенными людьми, о переселении эскимосов в область с более умеренным климатом, вызвала бы, при ее осуществлении, вымирание племени через два или три поколения. Наш непостоянный, сырой климат оказался бы для них губительным, так как они очень подвержены легочным и бронхиальным заболеваниям.

Ко мне они питают чувство безграничной благодарности. Чтобы понять, что означала для них моя помощь, представьте себе филантропа-миллионера, появившегося в каком-нибудь американском городе и наделившего каждого жителя каменным домом и неограниченным счетом в банке. Но даже это сравнение не характерно, так как дом и счет в банке вещи вполне реальные и более или менее достижимые, в то время как то, что я дал эскимосам, казалось им совершенно несбыточным, отстоящим от них так же далеко, как Луна и Марс от нашей планеты.

Мои многочисленные экспедиции снабдили эскимосов усовершенствованными орудиями производства: хорошим материалом для гарпунов, копий и ружей, лучшим деревом для постройки саней и каяков, острыми ножами, топорами и пилами и современными принадлежностями для изготовления пищи.

Когда я впервые прибыл к ним, у них не было ни одного ружья и они вели охоту самым примитивным способом; теперь у них имеются автоматические винтовки, ружья и много всяких охотничьих припасов. Ввиду того что они питаются исключительно мясом и тюленьим жиром, наличие ружей и соответствующего охотничьего снаряжения увеличило продуктивность каждого охотника и тем самым значительно ослабило угрозу голода не только для какой-нибудь одной семьи, но и для целых становищ.

Эскимосы преимущественно низкого роста, хотя я знаю несколько человек ростом до двух метров. У них у всех крепкие тела, а ноги сравнительно тонкие. Мускулистость мужчин поразительная, хотя обычно жировой слой скрывает развитость мышц.

Эскимосы не имеют письменности; язык их сравнительно не трудный, отличительной чертой его являются сложные префиксы и суффиксы. В течение моего первого летнего пребывания в Гренландии я довольно сносно изучил его. Туземцы обычно не пытаются овладеть английским языком — они по опыту знают, что нам легче изучить их наречие, чем им одолеть английское. Впрочем, бывало, какой-нибудь эскимос вызывал всеобщее удивление, произнося весьма ломаным языком английскую фразу.

Первым эскимосом, который пошел со мной на крайний север в 1891 г., был старый Иква, отец девушки, ради обладания которой пылкий молодой Укеа, участник партии, достигшей Северного полюса, дошел со мной до славной цели.

Этот молодой рыцарь Севера служит доказательством того, что эскимосы так же горячо, как и мы, относятся к своим сердечным делам. Хотя, как правило, у них редко можно наблюдать столь бурные страсти; их привязанности носят более умеренный характер, и они легко утешаются в потере друга или подруги жизни...

Глава VI

ОАЗИС В АРКТИКЕ

На небольшой полосе арктического побережья живет разбросанная кучка эскимосов — в маленьком оазисе вдоль хмурого западного берега Северной Гренландии, между бухтой Мельвиля и бассейном Кэна.

Величественны эти дикие берега, на них лежит печать вековой борьбы с свирепыми штормами, с ледниками, айсбергами и огромными ледяными полями. Но за мрачной внешней маской таится более приветливое лицо — летом здесь имеются полянки, покрытые свежей травой и цветами, а воздух оглашается щебетанием многочисленных стай маленьких кайр. Между стройными утесами ледники от времени до времени низвергают в море целые флотилии айсбергов; перед утесами плещутся синие воды, испещренные сверкающими льдинами всевозможных форм и очертаний, а позади простирается безграничный ледяной щит Гренландии — молчаливый, вечный, неизмеримый — обиталище, по поверью эскимосов, злых духов и душ умерших.

Летом в некоторых местах побережья растет длинная, густая трава и цветут яркие, но лишенные аромата маки, одуванчики, лютики и каменоломки; летают шмели, мухи и комары и ползают пауки. Здесь можно встретить оленя (гренландского карибу), белого и голубого песца, морского зайца, белого медведя, а иногда — раз в двадцать лет — заблудившегося волка.

Но в долгую, темную, бессолнечную зиму вся эта область — утесы, море, ледники — покрыта густым снежным саваном, кажущимся серовато-белесым в мертвенном свете звезд. Когда же небо затянуто тучами, здесь все черно, пусто и безмолвно.

В течение зимы эскимосы, эти терпеливые и жизнерадостные дети Севера, живут в так называемых «иглу» — хижинах, сложенных из камня и земли. Когда же они ко-

чуют, как, например, при полнолунии, они строят себе в пути снежные дома — постройка такого крова занимает не более двух часов. Во время нашего санного похода к полюсу мы каждый вечер сооружали себе снежные домики. Летом эскимосы переселяются в палатки, сделанные из шкур. Каменные жилища отличаются большой прочностью: хорошо сложенный дом может продержаться около ста лет. «Иглу» встречаются небольшими группами вдоль всего побережья, от мыса Йорк до Анораток. Так как эскимосы — кочевники, то эти постоянные жилища принадлежат всему племени, а не отдельным лицам. Бывает, что в данный год все дома в поселке заселены, а на следующую зиму — почти все пустуют, ибо обитатели переселились в другое место.

«Иглу» имеет около 2 метров высоты, от 3 до 3½ метров ширины и от 3 до 4 метров длины. Постройка его продолжается около месяца. В земле выкапывается яма, служащая полом, ее обносят стенами из камней и моха, а поверх стен кладут большие плоские камни. Эта своеобразная крыша, на которую настилается слой земли, очень прочна; за всю мою жизнь в Арктике я ни разу не слышал, чтобы каменная крыша «иглу» обвалилась. Домик не имеет дверей, вместо них в полу у входа вырыта яма, ведущая к туннелю, длиной в 3, 5 или 8 метров, через который обитатели вползают в свое жилище. В «иглу» всегда имеется оконце, разумеется не остекленное, но покрытое искусно сшитой тонкой тюленьей пленкой. Путешественник, странствующий темной, снежной ночью по ледяной пустыне, издали видит желтый огонек, приветливо мерцающий в окне «иглу».

У стены против входа находится возвышение для сна, иногда поднимающееся на пятьдесят сантиметров над земляным полом. Обычно, этот помост является естественным уровнем земли, а все остальное пространство пола представляет собой вырытую яму. Впрочем, в некоторых домах помост делается из длинных плоских камней, положенных один на другой. Прежде чем переселиться осенью в каменные домики, эскимосы покрывают возвышение для сна сперва травой, которую они подвозят на санях, затем, поверх травяного слоя кладут тюленьи шкуры, а над ними расстилают шкуры оленей или мускусных быков, служащие одновременно и матрасами и одеялами — простыни и пижамы не в моде у этих детей природы. Ложась спать, туземцы скидывают с себя всю одежду и нагишом заползают в «меховую постель».

Эскимосская женщина с ребенком.

В каждом «иглу», перед помостом, на большом камне, круглые сутки горит светильник. Человек, наделенный поэтической фантазией, быть может, назвал бы этот огонь «вечно горящим священным пламенем на каменном алтаре эскимосского очага». Светильник служит для нагревания комнаты и для варки пищи; благодаря ему в «иглу» так тепло, что обитатели ходят дома почти нагишом.

На противоположной помосту стороне обычно хранится пища. Когда две семьи живут в одном «иглу», пища складывается под кровать. Температура в этих жилищах колеблется между 25° и 30° Ц на возвышении для сна и под крышей, а на уровне пола держится ниже нуля. В середине крыши имеется маленькое отверстие для пропуска воздуха; тем не менее зимой в уютном эскимосском домике атмосфера такая «плотная», что ее можно почти что рубить топором.

Как часто, во время своих странствований, мне приходилось пользоваться гостеприимством моих северных друзей. Ночь, проведенная в «иглу», когда хозяева дома, является тяжким испытанием для всех органов чувств цивилизованного человека, в особенности для его обоняния, но арктическому исследователю не приходится быть привередливым; после же длительного санного перехода замерзшему, усталому и голодному путешественнику слабый свет, мерцающий в прозрачном окне «иглу», неизменно кажется чудесным огоньком домашнего очага, сулящим тепло, уют, ужин и благословенный сон.

Нечего греха таить, мои друзья эскимосы очень грязный народ. Когда они со мной на корабле, они делают героические усилия, чтобы изредка умываться, но в своих собственных домах они не признают омовения и лишь очень редко, когда слой грязи начинает их стеснять, слегка смывают его салом. Я никогда не забуду того удивления, которое вызвала у них зубная щетка.

С наступлением лета дома, сложенные из камня и земли, начинают сыреть, и приходится разобрать крышу, чтобы просушить и проветрить внутренность «иглу». Семьи ставят тогда палатки из шкур и переселяются в них. Палатка делается из десяти или двенадцати сшитых вместе тюленьих шкур с мехом, обращенным внутрь. Земляной пол палаток имеет от 2 до 3 метров ширины и от 3 до 4 метров длины, в зависимости от количества членов семьи.

За последние годы наши эскимосы внесли некоторые усовершенствования в постройку своих жилищ. Так, многие

палатки имеют теперь входные отверстия, покрытые прозрачными дубленными тюленьими шкурами, охраняющими палатку от дождя, но допускающими приток света. Кроме того палатка предыдущего лета часто служит прикрытием от дождя для новой палатки. Во время сильных ветров или тяжелых летних ливней старую палатку натягивают над новой, таким образом получается двойная защита от непогоды.

Для отепления жилищ, освещения и изготовления пищи эскимосы пользуются исключительно салом. Женщины-эскимоски так искусно заправляют лампы, что они совершенно не коптят. Нарезанную на мелкие куски ворвань кладут на мох и зажигают его; мох нагревается, жир воспламеняется, тлеет и дает очень большой жар. Прежде чем я привез эскимосам спички, они пользовались примитивным способом зажигания путем трения огнива о сталь, которую они добывали из железных руд. Когда я впервые прибыл в эти места, лампы туземцев и их прямоугольные горшки делались из мыльного камня, две-три жилы которого имеются в этой части Арктики. Умение эскимосов применять мыльные камни и железные руды служит показателем их ума и способностей.

Обычно в летние месяцы туземцы в палатках не носят почти никакой одежды, так как средняя температура в этих летних домиках равняется 15° Ц, а в солнечные дни доходит до 30°—35°.

Своеобразной чертой быта эскимосов является пробный брак. Если молодая пара почему-либо не подошла друг для друга, она расходится, каждая сторона снова женится или выходит замуж, и так бывает по нескольку раз, пока не найден подходящий друг или подруга жизни. Тогда, обычно, брак уже прочный. Если у женщины два претендента, они решают вопрос оригинальным поединком, где испытывается сила каждого, причем более сильный является победителем. Эти поединки не сводятся к побоищу, — спорящие мирного нрава, — а скорее носят характер не кровавой борьбы.

Безоговорочное принятие положения, что в сердечных делах желание — закон, выражается иногда в том, что один эскимос просто объявляет другому — мужу облюбованной женщины: «Уступи мне жену — я сильнее тебя». В таком случае муж должен либо доказать свое превосходство испытанием силы, либо уступить жену второму. Если мужу надоела жена, он ей заявляет, что для нее нет больше места в его «иглу». Она тогда возвращается к своим родителям,

если они живы, или к родственникам, или же сообщает другому члену племени, что она свободна и хотела бы начать новую жизнь. При этих примитивных разводах муж при желании оставляет у себя детей, если же он этого не хочет, женщина берет их с собой.

Обычно эскимосская семья не велика — в семье не более двух-трех детей. Женщина никогда не принимает имени мужа. Дети называют своих родителей по имени, хотя иногда совсем маленькие дети пользуются словесным сокращением, которое соответствует нашему слову «мама».

У эскимосов женщина за редкими исключениями является такой же собственностью мужчины, как его собаки или сани. Борьба за женское равноправие еще не проникла в эту далекую страну. Я помню случай, когда эскимоска, не согласившись с мнением мужа, доказала свое право на самостоятельное суждение, поставив своему повелителю фонарь под глаз. Боюсь, однако, что наиболее консервативные члены племени приписали столь неженственное поведение развращающему влиянию от общения с цивилизованными людьми.

Так как мужское население преобладает над женским, девушки выходят замуж очень рано, часто лет в двенадцать. Во многих случаях, когда дети еще совсем маленькие, родители будущей пары сговариваются между собой о браке детей. Впрочем, это не связывает молодых, и когда они вырастают, они решают за себя и фактически широко пользуются этим своим правом. В мою последнюю экспедицию, как и в экспедиции прошлых лет, я обнаружил, что за время моего отсутствия среди моих северных друзей имело место изрядное количество супружеских перемен.

Эти жители ледяных пространств необычайно любопытны. Если перед их взором окажется, например, пакет, содержащий различные предметы, им неизвестные, они не успокоятся, пока не рассмотрят каждую вещичку, не пощупают ее, не повернут со всех сторон и даже не попробуют на вкус, все время болтая как стая сорок. Эскимосы обладают также необычайными изобразительными и подражательными способностями. Из моржовой кости, в некоторых случаях заменяющей им сталь, они делают прекрасные модели или копии различных предметов и в то же время быстро научаются пользоваться орудиями европейцев. Но, помимо этого, они всегда быстро схватывали мои пожелания и умело направляли свою энергию к достижению нужной цели.

Мое долголетнее знакомство с этим интересным народом позволяет мне утверждать, что рассказы о коварстве и жестокости эскимосов лживы и ни на чем не основаны. Наоборот, это безусловно гуманный народ, у которого еще живы остатки первобытного коммунизма. Племя делит между своими членами добычу охоты, а так как существование эскимосов всецело зависит от охоты, то это в большой степени предохранило их от вымирания.

Глава VII

СТРАННЫЕ ОБЫЧАИ СТРАННОГО НАРОДА

Как ни тяжела жизнь эскимоса, конец ее обычно еще тяжелее. Вся жизнь эскимоса проходит в повседневной, жестокой борьбе с суровой природой Севера, и смерть чаще всего настигает его неожиданно и трагично. Старость не страшна туземцу, ибо он редко доживает до нее. Как правило, он умирает за работой, настигнутый снежной лавиной, раздавленный обвалом айсберга или же захлестнутый ледяной волной, опрокинувшей его утлый каяк. Очень редко эскимос доживает до шестидесяти лет.

У эскимосов нет религии в том смысле, как ее понимают в мире цивилизации. Но они верят в загробную жизнь и в духов, в особенности в злых духов. Возможно, что их обостренное восприятие мрачных сил стихии вызвано тем беспросветно тяжелым существованием, которое выпало на их долю. Не имея никаких оснований быть благодарными какому-то доброму создателю, они и не сотворили себе представления о нем, в то время как вечный бич тьмы, холода, страшных ветров и мучительного голода побудил их заселить небеса незримыми врагами. Дружелюбные духи — это лишь души предков, враждебных же духов у них целый легион, руководимый Торнарсуком, великим чортом.

Они постоянно стараются умилостивить Торнарсука всевозможными дарами и часть добычи с охоты приносят ему в жертву. Вместе с тем, покидая снежный дом, эскимос непременно разрушит его, чтобы злые духи не могли найти в нем приюта, а прежде чем выбросить старую, поношенную одежду, туземец рвет ее на мелкие клочья, чтобы чорт не мог ею воспользоваться. Холодный и голодный дьявол, повидимому, менее опасен, чем сытый! Неожиданный и беспричинный лай или вой собак указывает на незримое присутствие Торнарсука, и эскимосы выбегают на улицу и хлопают бичами или стреляют из ружей, чтобы прогнать врага.

Нередко на борту «Рузвельта», во время зимовки, меня будил посреди ночи ружейный выстрел, но я не пугался, — я знал, что на корабле ничего не случилось — просто Торнарсук проехался верхом по ветру!

Сжимает ли лед железными клещами корабль, или ураган дует с разрушительной силой — эскимос взывает к своим предкам из потустороннего мира, чтобы они пришли ему на помощь. Проходя на санях вдоль утеса, туземец иногда останавливается, прислушивается и спрашивает: «Слышал ли ты, что сказал сейчас дьявол?»

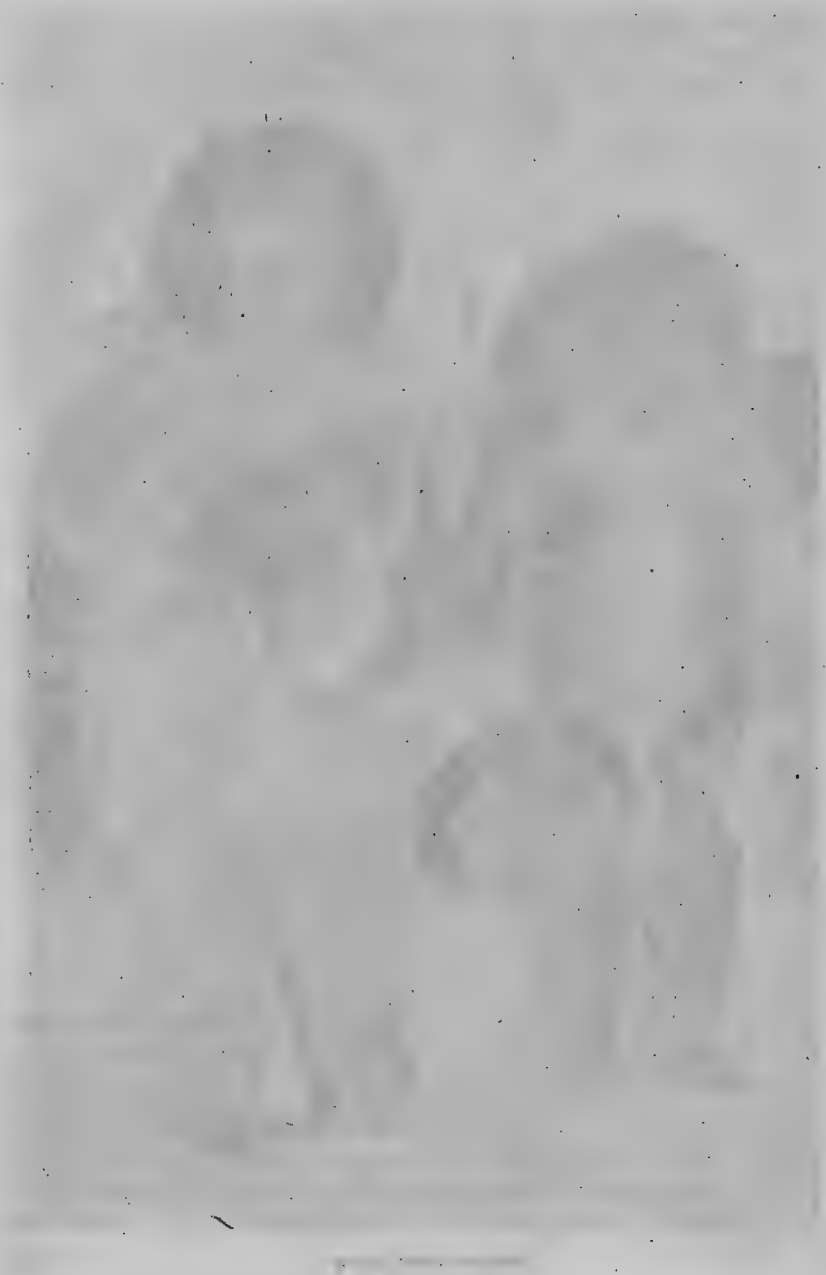
У эскимосов нет ни вождей, ни людей, наделенных властью; наибольшим авторитетом пользуются у них знахари. Ангакок (знахарь) обычно не слишком любим своими соплеменниками — ведь он предсказывает так много неприятного. Не имея лекарств, он «лечит» преимущественно колдовством. Иногда он предписывает больному оригинальную диэту на известное количество полнолуний: пациенту, например, не разрешается есть ни тюленье, ни оленье мясо, а только моржатину. Монотонные причитанья заменяют наши лекарства.

Представление уверенного в себе ангакока, если присутствуешь при нем впервые, создает известное впечатление. Пение, скорее вой, сопровождается конвульсиями тела и звуками примитивного барабана, сделанного из пузыря моржа и натянутого на моржовую кость. Ударами о край барабана другим куском кости обозначается ритм. Собственно говоря, это единственная попытка эскимосов музицировать.

Однажды, много лет назад, моим смуглым друзьям стало невтерпеж от одного ангакока, по имени Киоападо, предсказавшего слишком много смертей; они заманили его на охоту, с которой он уже больше не возвращался. Впрочем, такие радикальные меры ради покоя общества применяются очень редко.

Не лишен интереса погребальный ритуал туземцев. Когда эскимос умирает, его сейчас же хоронят. Тело одевают, заворачивают в шкуры, служившие постелью, и поверх натягивают еще кой-какие предметы одежды, чтобы душа не мерзла. Затем труп перевязывают толстой веревкой и волокут, головой вперед, из палатки или «иглу» по снегу до ближайшего места, где имеется достаточно камней, чтобы служить могилой. Эскимосы предпочитают не дотрагиваться до покойника, поэтому труп тащат наподобие саней. Дойдя до места, где предполагается погребение, процессия останавливается, труп обкладывается камнями, чтобы защитить его

Эскимосские дети



от собак, песцов и ворон, и погребальный церемониал закончен.

Согласно представлениям эскимосов загробный мир вполне реальное место. Если покойник был при жизни охотником, его сани и каяк, вместе со всеми необходимыми орудиями производства, ставятся рядом с могилой, а его любимые собаки, запряженные в сани, умерщвляются, дабы они могли совершить вместе с ним путешествие в невидимый мир. Когда умирает женщина, ее светильник и маленькая деревянная рама, на которой она сушила обувь и варежки, оставляются рядом с могилой. Сюда же приносят немного ворвани и несколько спичек, чтобы она могла зажечь светильник и сварить себе пищу во время переезда в потусторонний мир. В могилу кладут иголку, наперсток и другие принадлежности для шитья, а также чашку или горшечек для растапливания снега.

Если человек умирает в палатке, шесты с нее убираются, и палатка оставляется на земле, пока она не сгниет или не будет унесена ветром; палаткой уже никогда больше не пользуются. Если же смерть наступила в «иглу», обитатели покидают его, и домик долгое время пустует. Родственники умершего соблюдают некоторые обрядности в отношении пищи и одежды, а имя скончавшегося никогда не произносится.

В своих горестях и радостях эскимосы похожи на детей: они несколько дней оплакивают погибшего друга, а затем его очень скоро забывают. Даже мать, потерявшая ребенка, не долго печалится, время быстро осушает ее слезы.

Не удивительно, что в стране, где звезды в течение долгих зимних месяцев заменяют солнце, они привлекают к себе внимание туземцев. Эскимосы в своем роде астрономы. Им хорошо известны главные созвездия, видимые в северных широтах, которым они дают своеобразные названия и описания. В «Большом ковше» они усматривают стадо небесных оленей. «Плеяды» в представлении эскимосов — это собаки, преследующие белого медведя; а «Близнецы» — два камня у входа в «иглу». Луна — убегающая девушка, а солнце — преследующий ее возлюбленный.

Время играет весьма незначительную роль в жизни эскимосов; однако, в общении с нами они очень быстро усваивали понятия о времени и с исключительной точностью выполняли данные им поручения.

Эскимосы очень сильный народ и исключительно выносливый, если принять во внимание чрезвычайно тяжелые

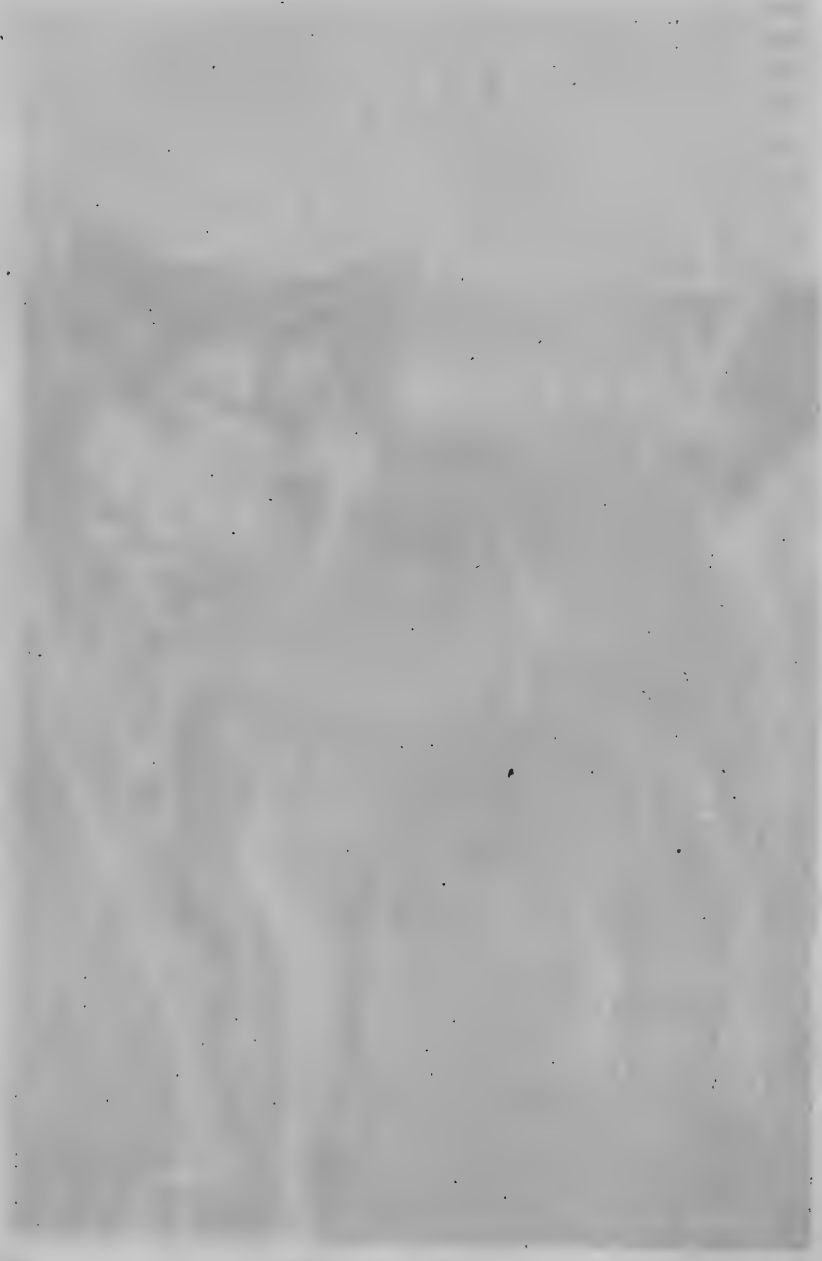
условия их существования. Распространенное мнение, что они нескладно сложены и мешковаты, не соответствует действительности и является лишним примером того, что нельзя судить о человеке по его одежде — костюм эскимоса, как известно, изяществом отнюдь не отличается.

Сделанные из шкур каяки эскимосов, вместе с их охотничьими принадлежностями, представляют собою высокую степень совершенства и свидетельствуют о богатых способностях и редкой ловкости этих северных туземцев. Поверх легкой рамы из многочисленных маленьких кусочков дерева, искусно соединенных ремнями, натягиваются дубленые тюленьи шкуры, которые предварительно тщательно сшиваются и смазываются тюленьим салом и сажей, что делает шкуры водонепроницаемыми. В результате получается изящное, прекрасно сидящее на воде суденышко, вполне соответствующее той цели, для которой оно предназначено; оно дает возможность охотнику бесшумно и плавно подкрасться к лежкам тюленей, моржей или белух. Обычно каяк имеет от 50 до 60 сантиметров в ширину и от 5 до 5½ метров в длину. В нем помещается один человек. Предоставив эскимосам лучший материал для изготовления рамы, я помог им внести некоторые усовершенствования в постройку этого своеобразного транспортного средства, но и идея и конструкция самого каяка является исключительно делом их рук и ума.

Я давно уже полюбил этот трудолюбивый, бесхитростный народ и научился ценить его замечательные качества. Ведь не надо забывать, что в течение четверти века я провел большую часть своей жизни в обществе эскимосов. Нынешнее поколение этого племени фактически выросло на моих глазах, и я знаю каждого человека, мужчину, женщину и ребенка так же хорошо, как старый домашний врач всех членов семьи, в которой он давно лечит. Глубокое взаимное доверие и тесные узы дружбы, связавшие меня с эскимосами, оказались бесценными при преодолении тех страшных трудностей, которые стояли между нами и полюсом.

Вот четверка молодых эскимосов — участников санной партии, на долю которой выпало счастье достичь столь желанной «90-й северной параллели». Старшему, Ута, около 35 лет. Ута прекрасный охотник, богатырски сложен и ростом почти в 1¾ метра; когда я познакомился с ним, он был еще подростком. Эгингва — второй член группы — большой, здоровый парень, весом около 4 пудов; ему 26 лет.

Эскимосская собака.



Сиглу — 24 года, а Укеа — всего 20 лет. Все четверо выросли на моих глазах, они привыкли смотреть на меня как на учителя и друга. Мне были прекрасно известны индивидуальные особенности каждого из них, и я избрал именно их для последней, решительной битвы, потому что знал, что они прекрасно справятся со стоявшей перед ними задачей.

Прежде чем вернуться к истории нашего похода, я хочу еще сказать несколько слов об эскимосских собаках, об этих замечательных созданиях, без помощи которых наша экспедиция никогда бы не увенчалась успехом. Что это за крепкие, неутомимые животные! Возможно, собаки других пород могут работать так же хорошо и бежать так же быстро и долго, когда они хорошо накормлены, но нет второй собаки в мире, которая могла бы осилить столь тяжелую работу без всякого отдыха, при арктических температурах воздуха, на голодном пайке. Кобель весит в среднем от 34 до 45 кило — у меня была собака, которая весила 56 кило. Сука несколько меньше. Особенности их экстерьера выражаются в заостренной морде, широко расставленных глазах, острых ушах, очень густой мягкой шерсти, сильных лапах и пушистом хвосте, похожем на хвост лисицы.

Эскимосские собаки бывают различной расцветки: черные, белые, серые, рыжие, пегие и пятнистые. По мнению некоторых ученых, они — непосредственные потомки полярного волка, однако, как правило, они привязчивы и слушаются своих хозяев, как наши домашние собаки. Питаются они исключительно мясом. На основании опыта я убедился, что они не выносят никакой другой пищи. Вместо воды они сосут снег.

Эскимосская собака круглый год живет на воздухе; летом и зимой ее привязывают около палатки, или «иглу». Она всегда на цепи. Иногда хозяин берет к себе в «иглу» суку с щенками; впрочем, щенки уже через месяц после рождения такие крепкие маленькие создания, что им не страшны суровые зимние холода.

Надеюсь, читатель составил себе известное представление об этой далекой северной стране и ее обитателях — мужественном маленьком народе, оказавшем мне неоценимую помощь в деле покорения арктических пустынь. Хотелось бы, чтобы он остался таким и впредь, чтобы цивилизация не разрушила того первобытного коммунизма, который жив у них еще и сейчас, и при котором всякая добыча охоты является общей собственностью племени, и часть

населения не умирает с голода, в то время как другая обжирается до дурноты.

Эскимосу чужды понятия о частной собственности, он не эгоист, как человек цивилизации; если у него два комплекта охотничьих принадлежностей, он отдаст один из них другому.

Вот этот обычай постоянной помощи и спас племя от вымирания.

Глава VIII

ВЕРБОВКА

Когда 1 августа «Рузвельт» вышел с мыса Йорк, на борту корабля находилось несколько эскимосских семей, а также около сотни собак, которых мы купили у эскимосов, вернее, не купили, так как этому народу неведомы деньги, а обменяли на дерево, ножи, охотничьи припасы, спички и т. д.

Наш путь лежал на северо-запад, мимо длинной полосы причудливых скал — «огненных утесов». Это название им дал в 1818 г. английский исследователь сэр Джон Росс[1] из-за «красного снега», яркой пеленой покрывающего скалы. Окраску сообщает вечному снегу *Protococcus nivalis*, один из простейших видов одноклеточных микроорганизмов, величиной от полусантиметра в диаметре до булавочной головки. Свою скудную пищу эти простейшие, представляющие собой почти прозрачную желеобразную массу, добывают из снега и воздуха. Издали снег похож на кровь. Это алое знамя Арктики неизменно приветствовало меня при каждом моем посещении Севера.

Пока мы плыли вдоль этих красочных скал, которые тянутся на расстоянии 30—40 миль, мои мысли были поглощены предстоявшей работой. Прежде всего надо было укомплектовать наш арктический персонал, а также запастись достаточным количеством собак.

После мыса Йорк «Рузвельт» бросил якорь в бухте Северной Звезды — Умуннуи, как называют бухту туземцы. Здесь нас ждал «Эрик». В Умуннуи состав экспедиции увеличился на две-три эскимосских семьи, в их числе был и Укеа, будущий член группы, достигшей Северного полюса;

[1] Английский полярный мореплаватель Джон Росс впервые проник в Смитов пролив (1818). Особенную известность Джону Россу доставила его четырехлетняя экспедиция для отыскания северо-западного прохода (1829—1833). *Прим. ред.*

Сиглу — другой участник группы — присоединился к нам на мысе Йорк.

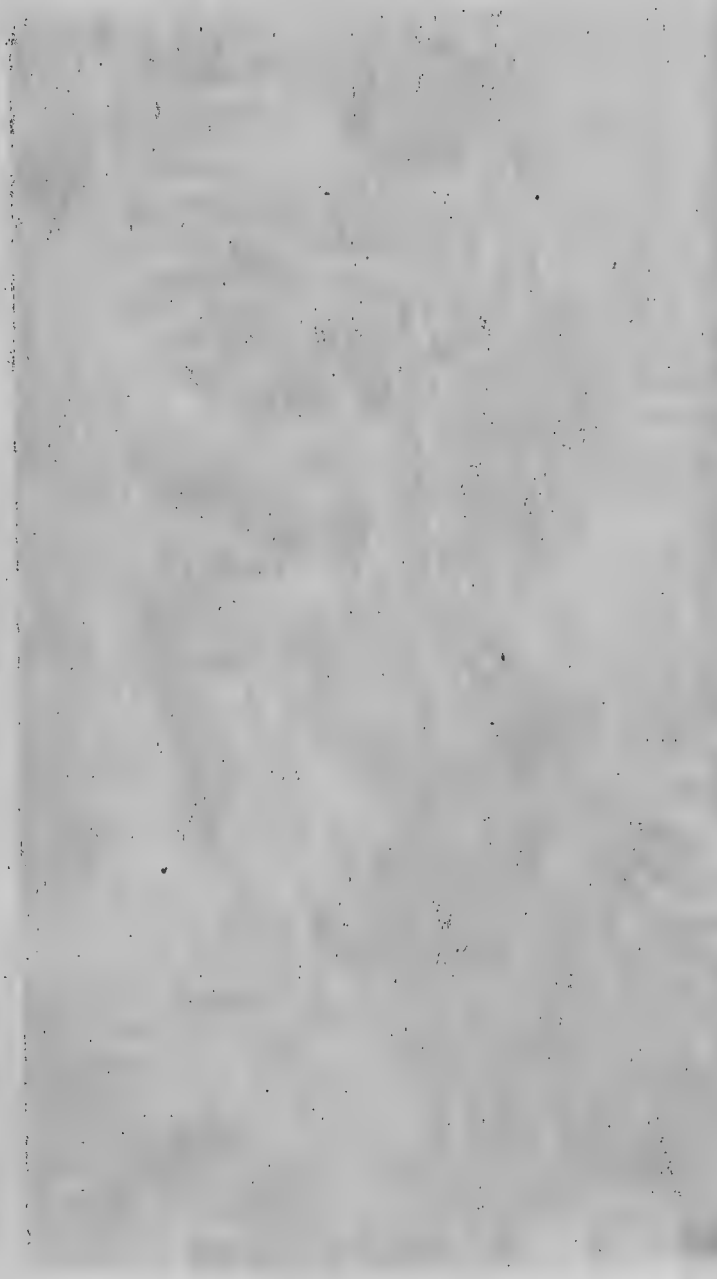
5 августа, в ясный солнечный вечер, между Хаклуйт и островами Нортемберлэнд, я покинул «Рузвельт» и перебрался вместе с Мат Хенсоном на «Эрик», на котором мы предполагали посетить несколько эскимосских поселков в заливе Инглефильда и вдоль побережья. «Рузвельт» же пошел вперед в Эта, чтобы приготовиться к серьезной ледовой битве, которая ему предстояла в бассейне Кэна.

Я с радостью и вместе с тем с грустью шел собирать своих смуглых помощников — с грустью потому, что я знал, что это наша последняя совместная работа на арктическом фронте. Вербовка заняла несколько дней. Сперва я посетил Карна на полуострове Рэдклиф, затем Кангердлуксоа и Нунатоксоа. Вернувшись обратно в Карна, мы пошли на юг к леднику Итиблу, оттуда обходным путем на северо-запад, вокруг островов в Кукан, в бухте Робертсона, затем к Нэрке на мысе Саумарец и, наконец, завербовав нужное нам количество эскимосов и имея на борту 246 собак, направились на север в Эта.

Мы не предполагали взять с собой в поход, в безлюдную, ледяную пустыню, всех эскимосов, находившихся на «Эрике» и «Рузвельте», а только самых сильных из них. Но многие семьи хотели переселиться из одного поселка в другой, и мы были рады облегчить им этот переезд. Сомневаюсь, чтобы где-нибудь на океанских водах можно было найти второй такой же живописный корабль, как наш — своего рода туристское судно для перевозки эскимосов, на котором царили непередаваемый беспорядок, суета и оживление и где от детского лопотания, странной гортанной речи туземцев и нескончаемого собачьего лая кружилась голова.

Представьте себе этот небольшой корабль, сверху донизу заполненный людьми и собаками, в безветреный летний день в Китовом проливе. Безбрежное море и высокая дуга небес яркоголубого цвета. Солнечные лучи золотыми бликами играют по лазури волн, и кажется, что все это происходит на благодатном юге, где-нибудь в Неаполитанском заливе, а не в далекой, студеной Арктике. Кристально-чистый, прозрачный воздух сообщает пейзажу необычайную красочность — сверкающая белизна айсбергов, оттененная голубыми жилками, перемежается с красными, серыми и коричневыми тонами скал, кое-где испещренными желтизной песчаников; поодаль глаз ласкает свежая зеленая трава ма-

На палубе „Рузвельта“.



ленького арктического оазиса, а вдали, у горизонта, исполинским алмазом блестит голубой пояс материкового льда. На фоне солнечного неба высоко летают маленькие кайры; они напоминают листья в лесу, тронутые ранними заморозками и подхваченные первым осенним вихрем, который кружит, носит, вертит их по воздуху. Говорят, прекрасна пустыня в Северной Африке и бесконечно красочны азиатские джунгли, но для меня ничто не может сравниться с сверкающим арктическим пейзажем в залитое солнцем утро.

11 августа «Эрик» прибыл в Эта, где его ждал «Рузвельт». Выгрузив собак на берег, мы занялись «Рузвельтом». Корабль был тщательно вымыт, котлы опорожнены и наполнены свежей водой, топки вычищены и грузы просмотрены и переложены; словом, судно было приведено в боевую готовность. С «Эрика» на «Рузвельт» были перегружены около трехсот тонн угля и около пятидесяти тонн моржового и китового мяса.

Мы оставили в Эта, под присмотром боцмана Мерфи и юнги Притчарда, 50 тонн угля, предназначавшиеся для обратного плавания «Рузвельта» в следующем году, а также двухлетний запас продовольствия для двух человек. К Мерфи и Притчарду присоединился Харри Уитней, пассажир «Эрика». желавший провести зиму в охоте за мускусными быками и белыми медведями. Я поручил Мерфи оказать всяческое содействие доктору Куку, который с 1907 г. находился в Арктике и, по моим предположениям, должен был вернуться в Эта, как только лед станет в проливе Смита.

На «Эрике» находилось несколько пассажиров: мистер Крафтс, прибывший на Север, чтобы произвести ряд магнитных наблюдений по заданию Отдела земного магнетизма Института Карнеги в Вашингтоне, затем Джордж Нортон из Нью-Йорка и Уолтер Ларнед, теннисный чемпион. Плотник «Рузвельта», Боб Бартлетт и матрос Джонсон также должны были вернуться на «Эрике».

Состав нашей экспедиции увеличился в Эта еще на несколько эскимосов. Всего мы взяли с собой 49 эскимосов — 22 мужчин, 17 женщин и 10 детей. Остальные туземцы, ехавшие в качестве пассажиров, остались в Эта и в соседних поселках. «Рузвельт» был нагружен до отказа; кроме обычных запасов снаряжения и продовольствия и большого количества угля, на нем находилось 70 тонн китового мяса, закупленного нами в Лабрадоре, и мясо и жир пятидесяти моржей.

18 августа мы расстались с «Эриком» и пошли на север. Погода стояла отвратительная: шел мокрый снег, дул резкий юговосточный ветер, и на море было сильное волнение. С «Эрика» раздался прощальный салют сиренами, и наша последняя связь с цивилизованным миром порвалась.

Впоследствии, когда я вернулся, меня спрашивали, тяжело ли мне было расставаться с моими товарищами на «Эрике». Откровенно говоря, особенного волнения я в тот момент не испытывал. Пусть читатель вспомнит, что это была моя восьмая арктическая экспедиция и я много раз уже разлучался с вспомогательным судном. От частого повторения притупляется самое острое переживание. Когда мы плыли на север из Эта, я был озабочен состоянием льда в канале Робезон, лед же в канале Робезон мог вызвать гораздо более серьезные переживания, чем любая разлука, — за исключением разлуки с самыми близкими и дорогими людьми, с которыми я расстался еще в Сиднее, в трех тысячах милях к югу.

Прежде чем достичь мыса Шеридан, где мы предполагали устроить нашу зимнюю базу, нам предстояло пройти 350 миль почти сплошным льдом. Я знал, что за проливом Смита наш путь будет тяжел и медленен; каждый шаг «Рузвельта» будет означать упорную борьбу с торосистыми льдами. Я знал также, что в течение двух-трех недель я буду, вероятно, и днем и ночью на ногах, с напряжением следя за исходом битвы, ибо гибель корабля и наше возвращение пешком по льду означало бы крушение мечты моей жизни и бесславный конец всей моей долголетней работы...

Скалы.

Глава IX

У ВОРОТ К ПОЛЮСУ

От Эта до мыса Шеридан! Представьте себе триста пятьдесят миль почти сплошного льда — льда всевозможных форм и очертаний, торосистых полей, айсбергов, битых образований льда, который на каждый фут, возвышающийся над водой, простирается на 7 футов под водой,[1] — это, поистине, такое поле сражения, которое по своей титанической мощи ни с чем не сравнимо.

А затем представьте себе маленькое черное суденышко, сильное, крепкое и выносливое, каким только может быть судно, построенное человеческими руками, но совершенно ничтожное по сравнению с холодным, белым противником, с которым ему предстоит сразиться. А на этом суденышке находятся 69 человек — мужчин, женщин и детей, добровольно отправившихся в этот забитый льдом кромешный ад, чтобы претворить в жизнь мечту, в течение многих веков толкавшую самых мужественных людей на неописуемые страдания, на страшную борьбу с холодом и голодом, на мученическую смерть...

18 августа 1908 г. мы покинули Эта и в тумане взяли курс на север. Начинался последний этап плавания «Рузвельта». Музыкой, услаждавшей наши уши, был вой 246 собак, сопровождавшийся глухим скрежетом льда и грохотом от столкновения корабля со льдинами. Теперь мы все на борту корабля были пленниками студеного Севера, и только смерть могла нас разлучить.

Медленно плывя в тумане, «Рузвельт» недалеко от гавани наскочил на маленький айсберг. Это явилось как бы

[1] Отношение между высотой надводной части льда и высотой подводной части подвержено значительным колебаниям, ибо оно зависит как от плотности льда (для морского льда колеблется в пределах от 0,85 до 0,92), так и от плотности морской воды и формы льдины. *Прим. ред.*

мрачным предостережением о том, что нас ждало впереди. Будь «Рузвельт» обыкновенным парусным судном — возможно, что на этом закончилась бы моя повесть; но наш стойкий корабль был так хорошо приспособлен к битве со льдами, что он лишь вздрогнул; айсберг же покачнулся от удара, треснул, громадный кусок льда с шипением низвергся в море, и «Рузвельт», лавируя между льдинами, пошел дальше.

Это маленькое происшествие произвело сильное впечатление на наших полярных «новичков», я же не счел нужным сказать им, что это лишь комариный укус по сравнению с тем страшным сжатием и натиском тяжелых льдов, которые предстоит испытать впереди. Мы продвигались в северозападном направлении, к Земле Эллесмера, держа курс на овеянный страшными воспоминаниями мыс Сабина. По мере того, как «Рузвельт» удалялся на север, лед становился все сплоченнее, и пришлось повернуть на юг, в поисках полыней. К югу от острова Бревурт нам посчастливилось найти полосу чистой воды, и мы снова пошли на север, держась близко к берегу.

На бо́льшей части пути от Эта до мыса Шеридан с корабля ясно видны оба берега — с восточной стороны побережье Гренландии, с западной — берега Земли Эллесмера и Земли Гранта. У мыса Бичи, в самой узкой и опасной части, ширина канала равняется всего одиннадцати милям, а благодаря удивительной чистоте и прозрачности воздуха кажется, что ружейная пуля долетела бы с одного берега на другой. За исключением особенно благоприятных в ледовом отношении лет, эти воды круглый год забиты мощным льдом, приходящим из Ледовитого океана и спускающимся в Баффинов залив.

Был ли этот канал проложен силой древних ледников, или же он представляет собой гигантскую расщелину, образовавшуюся в результате отделения Гренландии от Земли Гранта, — вопрос до сих пор не разрешенный геологами; но как бы там ни было, более опасного места для прохода судна не сыскать во всей полярной области.

Человеку, не побывавшему в Арктике, трудно себе представить характер льда, через который лежал путь «Рузвельта». Ровного льда, образованного непосредственным замерзанием морской воды, здесь в летние месяцы встречается мало, главную массу составляет мощный многолетний лед. Нередко тут можно встретить льдины, достигающие от 25 до 30 метров толщины. Но так как семь восьмых льда на-

ходится под водой, то не отдаешь себе отчета в мощности его, пока, неожиданно, под давлением полярного пака, исполинская льдина не окажется выброшенной на берег, где она возвышается зловещая, сверкающая холодными блестками, словно серебряная крепость, охраняющая эти ледяные, неприступные берега.

Узкие, запруженные льдом каналы между Эта и мысом Шеридан долго считались совершенно непроходимыми, и помимо «Рузвельта» лишь четырем кораблям удалось частично совершить по ним плавание. Один из них — «Полярис»[1] — погиб. Остальные три — «Алерт», «Дисковери»[2] и «Протеус»[3] — удачно прошли туда и обратно, но при повторной попытке «Протеус» затонул. «Рузвельт» в мою экспедицию 1905—1906 гг. дошел невредимым до мыса Шеридан, но уже на обратном пути получил сильные повреждения.

Плывя теперь на север, наш корабль должен был держаться близко к побережью, так как только у берега можно было найти полосы чистой воды. Пользуясь приливом и отливом, «Рузвельт» медленно двигался на север, имея с одной стороны береговой припай, с другой — дрейфующий пак.

В этом канале сталкиваются течения, приходящие из Баффинова залива на юге и из моря Линкольна[4] на севере, причем местом встречи является мыс Фразер. К югу от этой точки течение идет на север, а к северу от нее — на юг. О силе этих течений можно судить уже по тому, что на побережье Ледовитого океана уровень воды во время прилива возвышается в среднем на 40 сантиметров, в то время как в самой узкой части канала вода прибывает на 4—5 метров.

Когда смотришь с берега на канал, кажется, что в нем совсем нет воды, а лишь взломанный, развороченный лед. Во время отлива корабль следует по узкой полосе воды между берегом и движущимися массами льда, когда же начинается стремительное приливное течение, идущее на юг, судну приходится поспешно укрываться в какой-нибудь выемке припая или за утесом.

Однако, этот способ навигации сопряжен с постоянной опасностью: находясь между неподвижными скалами с од-

[1] Судно экспедиции Хола (см. примечание на стр. 38). *Прим. ред.*

[2] «Алерт» и «Дисковери» — суда экспедиции Нэрса в 1875—1876 гг. *Прим. ред.*

[3] Судно экспедиции Грили, дошедшее в 1881 г. до залива Леди Франклин. *Прим. ред.*

[4] Под морем Линкольна понимают залив Северного Ледовитого океана, расположенный между Землей Пири (крайняя северная часть Гренландии) и Землей Гранта. *Прим. ред.*

ной стороны и быстро дрейфующим льдом — с другой, корабль может в любую минуту быть раздавлен между ними. Знания ледовых и навигационных условий в этом канале я приобрел в течение многочисленных путешествий вдоль этих берегов. За время своих арктических походов я до восьми раз исходил пешком всю полосу побережья, от гавани Пайера на юге до мыса Жозефа Хенри на севере. Я знал каждую извилину берега, каждое место, могущее служить временным пристанищем для корабля, каждую точку, где обычно встречаются айсберги, а также те места, где течения особенно коварны. Когда Бартлетта одолевали сомнения в правильности какого-нибудь рискованного шага и он боялся за сохранность корабля, я ему, бывало, говорю:

«В таком-то месте, на таком-то расстоянии отсюда, находится маленькая бухта, куда мы сможем в случае надобности поставить корабль», или:

«Здесь айсберги почти всегда крепко сидят на мели, и мы найдем за ними защиту», или:

«Эти места чрезвычайно опасны для судна — лед тут обычно сильно торосится».

Это доскональное знание каждой пяди побережья Земли Эллесмера и Земли Гранта вместе с энергией и ледовым опытом Бартлетта позволили нам совершить четыре раза плавание между Сциллой и Харибдой арктических морей...

Около 9 часов вечера туман рассеялся, солнце выглянуло из-за туч, и когда «Рузвельт» поровнялся с гаванью Пайера на побережье Земли Эллесмера, мы увидели, ярко очерченным на снежном фоне, дом, где я зимовал в 1901—1902 гг. Вид его воскресил в моей памяти целый рой воспоминаний.

У пристани в гавани Пайера меня ждала моя жена и маленькая дочь, проведшие зиму 1900—1901 гг. на «Уиндуарде». В тот год, из-за исключительно неблагоприятных ледовых условий, корабль не мог ни достичь форта Конгер, на расстоянии 300 миль, где я находился, ни выйти к югу на чистую воду и вернуться домой. Весной 1901 г., находясь на пути к полюсу, я был вынужден в бухте Линкольна повернуть обратно, так как участники моей партии были слишком обессилены трудностями похода. В гавани Пайера я соединился со своей семьей, провел там зиму, и из этой же гавани следующим летом снова пошел на север, чтобы еще раз попытаться достичь желанной цели.

«Еще одно усилие», сказал я в 1902 г., но дошел только до 84°17′ северной широты.

Вельбот.

«Еще одно усилие», сказал я в 1905 г., но дошел только до 87°6′ северной широты.

И теперь, 18 августа 1908 г., неотразимая сила опять привела меня к этим берегам, и здесь же, у гавани Пайера, я должен был снова сказать: «Еще одно усилие». Только на этот раз я знал, что усилие это — последнее, каков бы ни был его исход.

В 10 часов вечера в отдалении стали вырисовываться безжизненные, ледяные утесы мыса Сабина, на котором история арктических исследований вписала одну из своих самых мрачных глав. Тут в 1884 г. голодной смертью погибли многострадальные участники экспедиции Грили — из партии в 24 человека осталось в живых лишь семь человек. Развалины грубой каменной хижины, построенной этими несчастными в последний год их жизни, до сих пор видны на глухом северном берегу мыса. Совершенно незащищенное от жестоких северных ветров, закрытое с юга скалами от солнечных лучей и осаждаемое ледяными полями, приходящими из бассейна Кэна с севера, — худшее место для зимовки трудно найти на всем полярном побережье!

Впервые я увидел эти мрачные, безрадостные берега в августе месяце 1896 г., во время ослепляющей пурги. Впечатления этого дня никогда не изгладятся из моей памяти. Трагические образы погибших не давали мне покоя, и у меня сжималось сердце от сострадания и скорби. Всего же тяжелее было для меня сознание, что разыгравшейся здесь трагедии можно было избежать. Не раз мои арктические спутники испытывали со мной и холод и мучительный голод, но ужасы мыса Сабина ни с чем не сравнимы. В истории американских арктических исследований это останется несмываемым пятном.

После мыса Сабина в плавании «Рузвельта» наступило некоторое облегчение: в разреженном льду появилось так много разводьев, что мы хотели было поставить паруса, но уже через короткое время лед стал более сплоченным, и нам пришлось отказаться от этого намерения. Приблизительно в 60 милях к северу от Эта, у мыса Виктория, наш корабль попал в сплошные поля тяжелого многолетнего льда, преградившие ему дальнейший путь. Все наши усилия вырвать «Рузвельт» из цепких ледовых объятий и пробиться вперед оказались тщетными — надо было терпеливо ждать улучшения ледовых условий. Во время этой вынужденной стоянки мы восстановили запасы пресной воды, наполнив цистерны для воды кусками льда.

На следующий вечер с юга подул сильный ветер, и мы стали медленно дрейфовать со льдом. Благодаря ветру во льду образовались полыньи, и мы направили судно на запад; впрочем, через несколько миль пути «Рузвельта» окружили большие тяжелые льдины, и мы снова остановились.

Доктор Гудсэл, Мак-Миллан и Боруп укладывали в шлюпки запасы продовольствия и медикаменты. Если бы наш милый «Рузвельт» погиб в ледовых объятиях, мы в мгновение ока спустили бы в воду шлюпки, снабженные всем необходимым, и вернулись бы в эскимосские поселки, а оттуда следующим летом нас забрал бы какой-нибудь китобой или же судно, посланное за нами клубом Пири. Таким образом гибель «Рузвельта» не означала бы нашей гибели, но, увы, она означала бы полный провал экспедиции.

В каждый из шести вельботов мы уложили 36 килограммов пеммикана, 25 килограммов сухарей, 5 килограммов сахару, несколько килограммов кофе и несколько банок сгущенного молока; керосинку и пять бидонов с керосином; винтовку и охотничье ружье; спички, топор, ножи, соль, иголки и нитки и всевозможные предметы для оказания первой помощи.

Лодки с полным ассортиментом весел, мачт, парусов и проч. мы поместили у шлюпбалок; продовольствия на них должно было хватить на неделю или десять дней. Покидая Эта, мы погрузили основные продукты, как чай, кофе, сахар, жиры, пеммикан и сухари, на палубу вблизи релингов, с обеих сторон корабля, дабы их можно было немедленно сбросить на лед в случае аварии судна.

Каждый человек на «Рузвельте», включая и эскимосов, имел наготове небольшой узел с вещами, с которым он мог бы без труда спрыгнуть с судна после того, как были бы спущены лодки и сброшены на лед все необходимые запасы. Никто не раздевался на ночь, а знаменитая ванна, находившаяся по соседству с моей каютой, могла бы с таким же успехом остаться в Нью-Йорке — так мало я ей уделял времени и внимания на всем пути от Эта до мыса Шеридан!

Глава X

СХВАТКА СО ЛЬДАМИ

Как ни тяжело протекало плавание «Рузвельта» в забитых льдом полярных водах, на борту корабля работа кипела, каждый участник похода имел какое-нибудь определенное занятие, и никто не оставался без дела. Таким образом мы не теряли драгоценного времени во время плавания, и население нашего плавучего дома, не располагая слишком большим досугом, не могло предаваться мало радостным размышлениям о грозившей нам опасности.

Эскимосы строили сани и шили собачьи сбруи, которые должны были быть готовы к моменту прибытия «Рузвельта» на мыс Шеридан, чтобы мы могли сразу же заняться осенней охотой. На корабле находились все необходимые материалы, и каждый эскимос, со свойственными этому народу искусством и ловкостью, мастерил себе нарту.

Женщины-эскимоски нас обшивали. Как только корабль вышел из Эта, они принялись шить нам зимние одежды, чтобы в случае аварии «Рузвельта» мы не замерзли на свежем воздухе. В Арктике мы носим ту же одежду, что и туземцы, вплоть до меховых носков с обращенным внутрь мехом. Иначе у нас вечно были бы отмороженные ноги. На корабле находилось всего 69 человек — мужчин, женщин и детей — поэтому недостатка в портняжеской работе у нас не наблюдалось. Старые одежды надо было поштопать и починить и сшить новые.

Битва со льдом началась не сразу, и наши арктические новички, Мак-Миллан, Боруп и доктор Гудсэл, на первых порах с большим интересом наблюдали за успехом шитья. Эскимоски — своеобразные портнихи. Они сидят на чем попало: на стуле, на ящике, на полу; прежде чем начать шить, они снимают обувь и кладут кусок материи между большим и вторым пальцем ноги; таким образом нога у них служит как бы третьей рукой.

Наши смуглые мастерицы хорошо знали цену своим портняжеским способностям и с добродушной иронией относились к советам неопытных мужчин. Бартлетт, присутствовавший при том, как одна из северных красавиц кроила ему малицу для весеннего санного похода, стал умолять ее сделать шубу как можно просторнее.

«Не беспокойся, капитан, — последовал ответ на смешанном эскимосско-английском наречии, — когда ты выйдешь на дорогу к Северному полюсу, тебе любая шуба покажется просторной и тебе надо будет захватить бечевочку, чтобы стянуть ее». Эта опытная женщина не раз видела, как мы возвращались из продолжительных санных поездок, и она прекрасно знала, что в результате длительной усталости и голодного пайка всякая одежда становится человеку широкой!

Эскимосы расхаживали по всему кораблю, но левая сторона передней рубки находилась всецело в их распоряжении. Вдоль стен рубки стояли широкие ящики, покрытые шкурами и служившие им постелью. Каждая семья имела отдельное маленькое помещение, отгороженное по бокам досками а у выхода занавеской. Эскимосы сами стряпали себе пищу, хотя Перси, наш кок, снабжал их горячим чаем, кофе и хлебом, а иногда они соглашались поесть вареные бобы, или другие овощи, приготовляемые для нас.

Казалось, эскимосы вечно жуют. Они не ели сообща и не придерживались определенных часов для еды, а каждая семья питалась отдельно, согласно велениям аппетита. Я снабдил их всевозможной кухонной утварью и керосинками и предоставил им днем и ночью свободный доступ в камбуз. Перси отличался большим терпением, и в конце концов отучил эскимосов полоскать руки в воде, предназначавшейся для варки мяса.

На третий день после нашего выхода в море в погоде наступило резкое ухудшение. Дождь лил как из ведра, и дул сильный южный ветер. Собаки на палубе стояли понурые, жалкие, с опущенными хвостами. Только во время еды в них пробуждалось некоторое оживление. Судно большую часть времени то стояло на месте, то медленно дрейфовало со льдом к устью бухты Доббин. К вечеру лед несколько разредился, «Рузвельт» пошел вперед, но не успел он пройти миль десять, как лопнул штуртрос, и вместо того, чтобы воспользоваться полосой чистой воды, нам пришлось остановиться для ремонта. Язык капитана в момент разрыва троса я предоставляю воображению читателя! Если бы это проис-

шествие имело место, когда «Рузвельт» находился между двумя большими льдинами, возможно, что крепость, именуемая Северным полюсом, и по сей день не пала бы... После полуночи мы снова вышли в путь, но уже через полчаса «Рузвельт» оказался перед непроходимыми льдами.

Весь следующий день мы стояли на месте. Дождь прекратился, засветило солнце, и мы воспользовались жаркими лучами, чтобы просушить нашу насквозь промокшую одежду. Осень еще не вступила в свои права, и мы не страдали от холода. К 9 часам вечера во льду появились многочисленные разводья, мы двинулись в путь, но около 11 часов густая завеса тумана опустилась перед кораблем. Ночь прошла в мучительной борьбе со льдом. «Рузвельт» лавировал между ледяными полями, останавливался, снова шел, дрейфовал со льдом, выбирался на открытую воду, снова шел, останавливался, — и так до утра.

Уордуэл, старший механик, стоял восемь часов на вахте наравне со своими помощниками; во время же плавания «Рузвельта» в этих опасных водах он почти безотлучно находился в машинном отделении, не спуская глаз с машин и зорко следя, чтобы ни одна часть механизма не вышла из строя. Когда судно медленно пробиралось по узкой полосе воды между ледяными полями, я, бывало, кричу ему в трубу, соединявшую капитанский мостик с машинным отделением: «Уордуэл, что бы ни случилось, держите корабль в движении».

Иногда «Рузвельт» попадал между двумя сходившимися льдинами. В такие минуты миг кажется вечностью. «Уордуэл, — кричал я старшему механику, — дайте полный ход!». Корабль содрагался и под давлением пара страшным рывком устремлялся вперед.

Благодаря особому приспособлению, установленному на «Рузвельте», передача пара производится непосредственно из котлов в цилиндр низкого давления, что на несколько минут удваивает мощность машин. Этот несложный механизм неоднократно спасал наше судно от смертельного сжатия льдов.

Пробитый подводной миной корабль немедленно идет ко дну. Гибель же его в результате ледового сжатия происходит не сразу — это медленный, все нарастающий процесс, пока лед не проникнет в сердце корабля. Бывали случаи, когда судно, зажатое между двумя исполинскими льдинами, оставалось на поверхности долгое время, пока отлив не ослабит сжатия, и тогда лишь оно начинало тонуть. Мне рас-

сказывали, что в заливе Лаврентия лед протащил корабль через торосы и скалы, словно яичную скорлупу, затем от него отделилось дно, точно срезанное ножом, так что содержимое трюма вывалилось наружу. От корабля остались одни лишь стенки; но он оставался в ледовом плену целые сутки, после чего пошел ко дну.

22 августа, на пятый день плавания «Рузвельта», — наша счастливая звезда работала, должно быть, сверхурочно, — мы прошли в этот день более ста миль, встречая по пути лишь небольшие ледяные поля. В полночь солнце прорвалось сквозь облака и ярким пламенем зажгло небеса. Это показалось нам хорошим предзнаменованием.

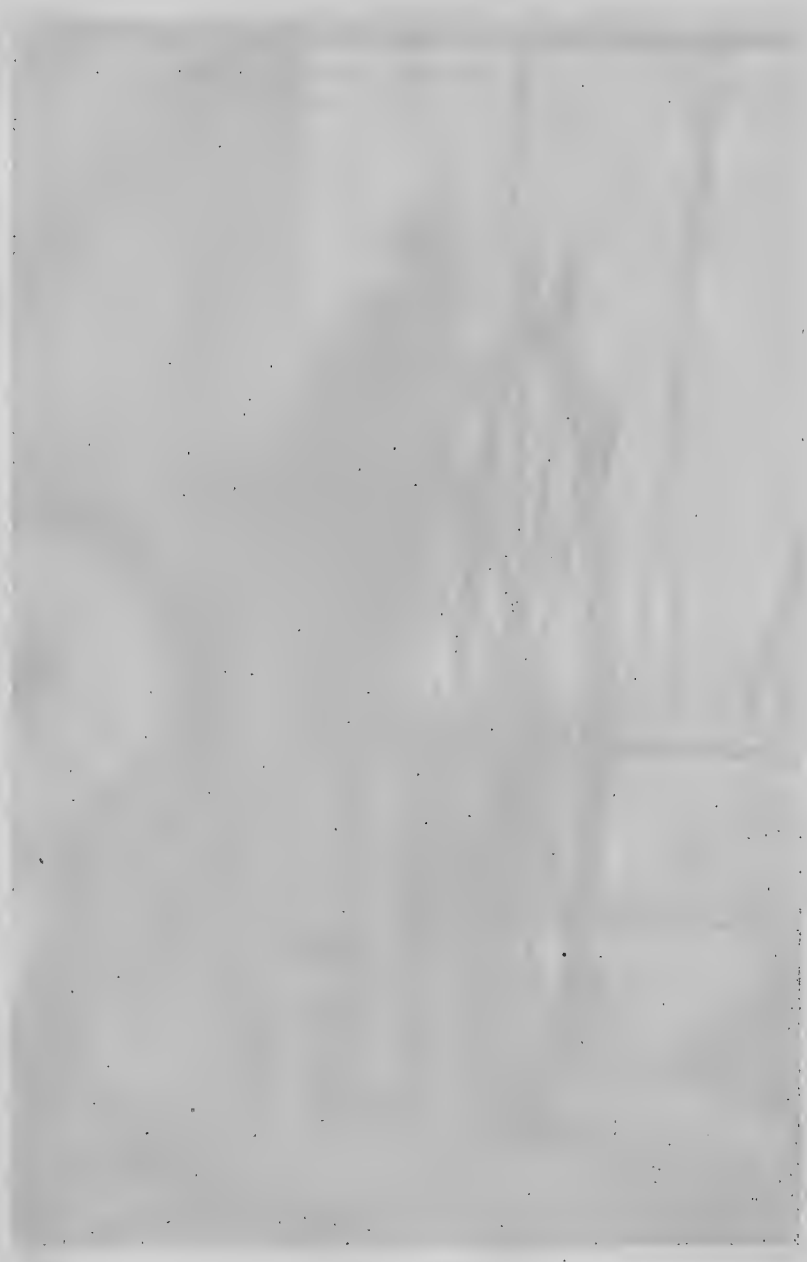
Могла ли долго продолжаться такая удача? Хотя я был настроен оптимистически, но по опыту прошлых походов знал, что медаль всегда имеет свою оборотную сторону. Мы за день прошли весь канал Кеннеди, и непосредственно перед нами тянулась полоса разреженного льда с многочисленными полыньями. Но впереди, в каких-нибудь тридцати милях, лежал канал Робезон, а навигатор, которого судьба хоть раз занесла в эти воды, хорошо знает, как они коварны.

Вскоре небо снова затянулось тучами, опустился туман, лед стал сплоченнее, и в поисках прохода «Рузвельт» был вынужден приблизиться к гренландскому берегу, у места зимовки «Поларис» в 1871—1872 гг. Я уже говорил, что во время отлива между берегом и пловучим паком часто тянется узкая полоса воды; но пусть читатель не думает, что это полоса чистой свободной воды, о нет, — плавание по ней означает непрестанную лавировку среди льдин.

Разумеется, «Рузвельт» все время находился под парами. Когда лед не казался абсолютно непроходимым, корабль под всеми парами шел то вперед, то назад, стараясь пробить себе дорогу силой. В результате стремительной атаки судну иногда удавалось пройти на несколько метров вперед, но порою лед не поддавался. Когда же сплошное поле многолетнего льда плотной стеной простиралось перед кораблем, мы, экономя уголь, терпеливо ждали, чтобы в ледовых условиях наступило улучшение. При малейшем шансе на успех мы не задумывались пускать наш корабль в битву, — для этого он собственно и был предназначен, — но, с другой стороны, уголь был весьма драгоценен, и мы не могли его тратить безрассудно. Имевшегося в наших бункерах запаса должно было хватить на год, до нашего возвращения в Эта.

Ледовая схватка, тягостная и мучительная, продолжалась почти без передышки. Погода стояла то туманная, то

У штурвала.



облачная, то солнечная, лишь одного мы не знали — темноты, ибо мы находились в царстве полярного дня, где солнце не заходит круглые сутки. Во время плавания по этим страшным каналам гранью между днем и ночью служили наши вахты, а не сон и бодрствование — сон стал роскошью, и мы спали только в те краткие промежутки, когда на ледовом фронте наступало затишье. Неусыпной бдительностью мы завоевали себе наш проход.

Я мог всецело положиться на Бартлетта, но каюта потеряла для меня всю свою прелесть: ведь жизни корабля и судьбе всей экспедиции грозила постоянная опасность. Но, помимо этого, во время ледовой атаки, когда льдины с грохотом ударялись о корабль, у самого Морфея пропало бы всякое желание спать!

Ввиду мощности льда, корабль оказался бы совершенно беспомощным, если бы он попал в тиски между двумя гигантскими льдинами. В таком случае всякому судну, построенному человеческими руками, пришлось бы навеки проститься с жизнью. Не раз, когда лед с особой силой обрушивался на корабль, наш «Рузвельт» содрогался и дрожал, как скрипичная струна; иногда же он поднимался на льдину, словно конь, берущий препятствие. Порою, когда обшитый сталью форштевень «Рузвельта» рассекал надвое льдину, раненый неприятель издавал страшный стон, в котором, казалось, слышалась вековая злоба арктической стихии против когорты своевольных безумцев, осмелившихся вступить с ней в неравный бой. Когда судну грозила особая опасность, эскимосы затягивали странную заунывную песню — они призывали души предков притти к нам на помощь из невидимого мира.

Большую часть времени Бартлетт проводил в наблюдательной бочке, на марсе. Я поднимался на ванты и обсуждал вместе с ним положение корабля.

Находясь в этом дрожащем «поднебесье», глядя вперед на ледяные поля и изучая движение льдин, осаждавших «Рузвельт», я слышал, как наш капитан разговаривал с кораблем, точно умоляя и ободряя его, наконец, приказывая ему пробить себе дорогу.

В такие минуты в этом смелом, неутомимом человеке воскресал дух бойцов-мореплавателей, когда-то на парусных судах завоевывавших мир и открывавших новые страны...

Глава XI

ЛЕДОВАЯ СХВАТКА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Чтобы рассказать все происшествия, которыми изобиловало плавание «Рузвельта» к мысу Шеридан, надо было бы написать целую книгу. Либо мы сражались со льдом, либо увертывались от него, либо же — и это было хуже всего — ждали за каким-нибудь выступом берега подходящего случая, чтобы снова начать бой.

На шестой день нашего выхода из Эта в ледовой обстановке наступило некоторое улучшение, и «Рузвельт» успешно продвигался вперед до бухты Линкольна, где корабль был остановлен плотным поясом льда. При помощи троса мы закрепили судно к большой льдине, тянувшейся мили на две к северу и на несколько миль к востоку.

Кто-то на судне заметил в отдалении какой-то черный предмет, и доктор Гудсэл, Боруп и два эскимоса отправились на разведки. Хождение по льдинам всегда сопряжено с опасностью — во льду обычно много расщелин, причем некоторые из них достигают большой ширины; в этот же день выпало много снега, и большинство трещин было перекрыто хрупким снежным мостом. Прыгая через трещины, наши разведчики чуть было не утонули, когда же они подошли на расстояние выстрела от черного предмета, оказалось, что это просто каменная глыба.

Тем временем ледяные поля сомкнулись вокруг корабля, и как только путешественники вернулись, мы выбрали трос, и «Рузвельт» стал дрейфовать со льдом. В эту ночь ледяные торосы таким тесным кольцом обступили корабль, что нам пришлось завалить шлюпки за шлюпбалки на палубу, чтобы защитить их от сокрушающих ледовых ударов. После продолжительных мытарств капитану удалось ввести корабль в полынью, в которой мы оставались несколько часов, идя под парами то вперед, то назад, дабы полынья не затянулась ледяной корой.

С четырех часов ночи «Рузвельт» снова шел на север сквозь разреженный лед, пока часов в девять утра мощный пак не преградил путь кораблю. По всем данным нам предстояла длительная стоянка; поэтому, чтобы избежать сжатия льдов и не быть увлеченными на юг быстрым течением, мы поставили судно вблизи берега под защиту большой неподвижной льдины.

После ужина Мак-Миллан, Боруп, доктор Гудсэл и два эскимоса решили пойти на берег, чтобы поохотиться за дичью. Однако, прежде чем они достигли побережья, начались сильные подвижки льда, и я стал опасаться за участь неопытных пешеходов. Раздался гудок сирены, и злополучные охотники повернули обратно по направлению к кораблю.

Ходьба по быстро дрейфующему льду оказалась не легким делом, тем более, что ружья сильно стесняли движения пешеходов; к счастью, они имели с собой шлюпочные багры, без которых им вряд ли удалось бы добраться домой.

Пользуясь баграми в качестве шестов, они прыгали со льдины на льдину. Когда же на их пути попадались широкие разводья, они переплывали их на небольших плоучих льдинах, отталкиваясь баграми. Не обошлось и без неприятных приключений. На маленькой льдине доктор поскользнулся и по пояс погрузился в ледяную воду. Его вытащил Боруп, который при этом сам потерял равновесие и тоже выкупался.

В это время вокруг «Рузвельта» образовалась широкая полоса открытой воды, и, чтобы подобрать находившихся на льду людей, пришлось переставить корабль к одной из больших льдин. Как только продрогшие путешественники оказались на судне, они сбросили с себя мокрое платье, отогрелись, и уже через несколько минут со смехом рассказывали обступившим их товарищам о своих ледовых подвигах.

Человеку, который страшится ледяной ванны и опасного перехода по движущемуся льду, не место в серьезной полярной экспедиции. Поэтому я почувствовал глубокое удовлетворение, видя, как наши арктические новички — Мак-Миллан, Боруп и Гудсэл — мужественно отнеслись к своему «ледовому крещению».

Я избрал их из сотни желавших принять участие в походе, считая, что они вполне отвечают предъявляемым требованиям. Доктор Гудсэл был хорошим врачом и очень крепким, хладнокровным человеком. Я надеялся, что ему, как специалисту-бактериологу, удастся добиться интересных ре-

зультатов в этой области науки, по которой исследования в Арктике еще не велись.

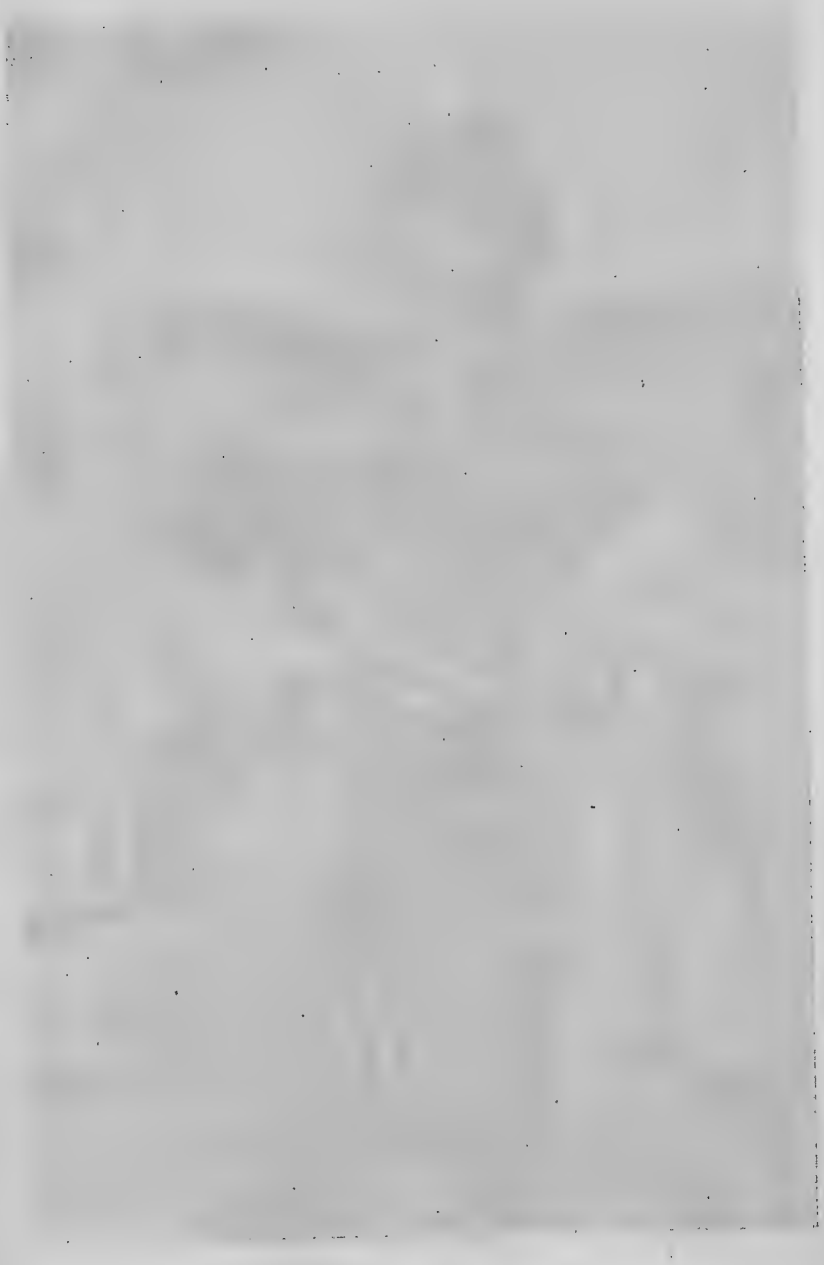
Мак-Миллана я знал давно. Он был прекрасным спортсменом, энтузиастом науки, горел желанием работать на Крайнем Севере и как по своим нравственным, так и физическим качествам вполне подходил для суровых условий Арктики. То же относилось и к самому молодому участнику нашей экспедиции — Борупу. Он оказался прекрасным полярным работником и обаятельным человеком.

Читатель, может быть, полюбопытствует узнать, как мы проводили наши досуги во время продолжительной ледовой осады корабля. Пожалуй, одним из главных развлечений участников экспедиции, в особенности «новичков», составляло изучение эскимосского языка. В те редкие моменты, когда ледовая атака утихала, на главной палубе собиралось многолюдное общество и царило большое оживление. На капитанский мостик, где я обычно находился, долетали звуки смеха и обрывки ломаной гортанной речи — это означало, что урок эскимосского языка в разгаре. Переводчиком служил Мат Хенсон. Прилежного «ученика» окружали жестикулирующие и смеющиеся эскимосы, пытавшиеся научить его говорить по-эскимосски. Наибольшие лингвистические способности выказывал Боруп: правда, «злые языки» объясняли это тем, что наши смуглые учительницы, питавшие, повидимому, большую симпатию к этому славному юноше, с особым рвением взялись посвятить его в тайны эскимосского языка.

После ночи, проведенной на месте, «Рузвельт» утром 25 августа снова двинулся в путь. У мыса Унион лед был сильно сплочен. Я поднялся на ванты, окинул взглядом ледяные пространства и, не найдя подходящего укрытия для корабля, решил вернуться в бухту Линкольна, где мы поставили судно между двумя сидевшими на мели айсбергами. Дул пронизывающий северный ветер, густая пелена снега покрывала палубы корабля, вода разводьев казалась мутной и черной, как чернила, а лед — мертвенно-серым.

На следующий день мы выгрузили на берег часть запасов. Опасность, угрожавшая кораблю, была очень велика, но даже если бы схватка со льдом окончилась благополучно, мы могли воспользоваться этим примитивным складом в сезон охоты. Вскоре на побережье возвышалась пирамида из деревянных ящиков с продовольствием. Мы надеялись, что странствующие морские зайцы, олени и мускусные быки не прельстятся консервными банками и деревянными ящиками.

Мак-Миллан.



Я сошел с корабля и бродил по берегу, пока мои шаги не привели меня к реке Шельтер. В памяти воскресли уже забытые мрачные картины. В 1906 г., когда я находился на мысе Хоббард, капитан Бартлетт вышел с мыса Шеридан и взял курс на юг, пытаясь подойти к бухте Линкольна, куда я должен был вернуться на корабль.

У реки Шельтер «Рузвельт», зажатый между плавучим паком и припаем, получил удар, оказавшийся почти смертельным. Корабль был буквально поднят из воды, ахтерштевень и руль разлетелись в щепки, и от гребного винта оторвалась лопасть. С судна сняли весь груз. Бартлетт опасался, что когда сжатие прекратится, «Рузвельт» пойдет ко дну.

Команда вместе со своим капитаном работала без устали, всеми силами стараясь приостановить образовавшуюся течь, и, когда лед расступился, «Рузвельт» остался на поверхности. Однако, судно лежало там целый месяц, причем оно неоднократно находилось на волосок от гибели.

Вернувшись из своего дальнего санного похода, я нашел «Рузвельта» у реки Шельтер беспомощным и изувеченным. Мы смастерили ему новый руль, с трудом ввели судно в бухту, откуда оно, ковыляя и хромая, в конце концов добралось до Нью-Йорка.

Воспоминания были отнюдь не веселые. Я покинул эти места, прошелся по побережью и вернулся на корабль. Боруп и Мак-Миллан тоже были на берегу в надежде раздобыть какую-нибудь дичь, но охота оказалась неудачной. День стоял тусклый, холодный и облачный. Мак-Миллан, Боруп, доктор и Гушу в виде развлечения стреляли из винчестеров в импровизированную мишень.

В мучительном однообразии тянулись дни. Плавучие льдины то и дело осаждали корабль. Мы лавировали между ними, находили временную защиту за ледяной горой, снова снимались с места перед наступавшим противником, делали несколько шагов и, найдя относительно безопасное укрытие, останавливались.

Борьба продолжалась и в светлые солнечные ночи. 28 августа около полуночи, под действием штормового ветра и прилива, от айсберга, к которому был пришвартован «Рузвельт», откололся кусок. Мы поспешно выбрали канат и ретировались, но прежде чем «Рузвельт» успел отойти на достаточное расстояние, плавучая ледяная гора ударилась о киль корабля, а задние поручни разлетелись вдребезги от натиска льдин.

Особенно тягостным оказался день 30 августа. Льдины швыряли и кидали «Рузвельт», словно футбольный мяч. Игра началась около четырех часов утра. Смертельно усталый я, не раздеваясь, прилег в своей каюте, как вдруг по корпусу судна пробежала такая сильная судорога, что прежде, чем я мог себе отдать отчет в случившемся, я уже был на палубе — на палубе, которая накренилась на правый борт на 12—15 градусов. В мгновение ока я очутился у левого борта и увидел, что произошло. Громадная льдина, увлекаемая течением, столкнулась с айсбергом, к которому был протянут с судна трос, подняла эту ледяную громаду, весившую тысячу тонн, точно детскую игрушку, и погнала ее вперед. Айсберг с страшной силой ударился о «Рузвельт» и пробил большую дыру в каюте Марвина.

Наш стойкий корабль мужественно выдержал удар; когда же крен прекратился, мы обнаружили, что трос, который был прикреплен к ледяной горе, запутался в гребном винте. С молниеносной быстротой мы привязали к тросу другой, более тяжелый трос и при помощи брашпиля в конце концов распутали канат.

Только мы покончили с этим делом, как большой айсберг, плывший вблизи корабля, раскололся надвое и лишь каким-то чудом не обрушился на «Рузвельт». Холодный пот выступил у меня на лбу. «Айсберги справа, айсберги слева, айсберги спереди, айсберги сзади», вдруг раздался в наступившей жуткой тишине чей-то веселый, молодой голос, и это шутливое восклицание мгновенно разрядило напряженную атмосферу.

Корабль находился теперь в полной власти дрейфующего льда, и под давлением пака «Рузвельт» стал снова крениться на правый борт. Я знал, что если судно окажется к берегу еще ближе, то нам придется выгрузить большую часть угля, чтобы не оказаться выброшенным на берег. Поэтому было решено взорвать лед динамитом.

Несколько патронов динамита мы прикрепили к концу длинных сосновых шестов, специально предназначавшихся для этой цели. Провод от батареи был соединен с детонатором. Затем мы опустили шесты, провод и динамит в трещины вблизи корабля. Население «Рузвельта» отошло на почтительное расстояние от места взрыва, и быстрым резким движением рубильника Бартлетт включил ток.

Трах, трах тарарах! Раздался страшный грохот, судно содрогнулось, и водяной смерч вместе с кусками льда поднялся в воздух.

Сжатие льдов прекратилось, и судно выпрямилось. Во время отлива «Рузвельт» оказался на мели и в зависимости от натиска льдин кренился то в одну сторону, то в другую. Это было странное укачивание, при котором малютки-эскимосы вываливались из своих люлек, собаки, ящики и бочки катались и прыгали по палубе и даже мы — опытные моряки — еле держались на ногах.

Когда начался прилив, мы приложили все усилия, чтобы снять корабль с мели. Капитан приказал дать полный ход, сперва вперед, затем назад. В течение нескольких минут судно не двигалось с места. Наконец, пары возымели желанное действие — «Рузвельт» медленно, словно нехотя, соскользнул и поплыл. Однако, за кораблем простиралось сплошное поле пака. Момент был отнюдь не веселый.

Глава XII

МЫС ШЕРИДАН!

Положение «Рузвельта» можно было без всякого преувеличения назвать опасным, даже при наличии столь опытного и стойкого ледового борца, как Бартлетт. День следовал за днем, а мы продолжали оставаться пленниками бухты Линкольна; и если бы нашему кораблю не пришлось уже в прошлом пережить подобную осаду, мы стали бы несомненно сильно тревожиться. Однако, я знал, что рано или поздно в ледовых условиях наступит улучшение, которым мы сможем воспользоваться, чтобы пройти остающиеся несколько миль до мыса Шеридан. Пока же надо было запастись терпением. Все же вынужденная стоянка действовала весьма угнетающе.

Вечером 31 августа Мак-Миллан сошел на берег; дойдя до утесов за рекой Шельтер, он увидел вдоль побережья широкую полосу чистой воды. Как только он вернулся, Бартлетт пошел на разведки. По словам капитана, пространство открытой воды было со всех сторон окружено большими торосистыми льдинам.

На следующий день Ута, Алета, Ублуя и Укеа, жаждавшие начать осеннюю охоту, покинули корабль и с одной упряжкой собак вышли в путь по направлению к озеру Хэзен. Предполагалось, что они будут там охотиться за мускусными быками и оленями, пока к ним не присоединятся другие наши охотники-эскимосы, когда корабль достигнет мыса Шеридан. Однако, ввиду отсутствия снега путь оказался чрезвычайно тяжелым даже для саней, нагруженных лишь легкой поклажей, и охотники вскоре вернулись.

Наконец, ночью 2 сентября «Рузвельт» покинул бухту Линкольна, где он стоял в течение десяти дней. Мы выбрали канаты, дали полный ход, и судно медленно, с трудом вышло из пака. На корабле все облегченно вздохнули. Подобные же чувства должно быть испытывает человек, когда пе-

ред ним растворяются двери тюрьмы. Вдоль берега простиралась узкая полоса воды, и, следуя по ней, «Рузвельт» неуклонно продвигался вперед, через час обогнул мыс Унион и вскоре затем дошел до мыса Блэк. Мы находились на полпути между бухтой Линкольна и мысом Шеридан.

Тут нашему плаванию пришел конец. Снова айсберги всевозможных форм и размеров, неприступные торосы и острые, взгромоздившиеся одна на другую льдины встали перед нами зловещей стеной.

Когда мы пришвартовывали корабль к припаю, осколок льдины, толщиной в 20 метров, с колоссальной силой ударился о берег, буквально в нескольких шагах от «Рузвельта». Если бы мы оказались на его пути... Впрочем, мореплавателю не следует в этих водах задумываться над такими возможностями.

Шел густой снег, покрывший палубы корабля. Я покинул «Рузвельт» и пошел через лед по направлению к мысу Блэк. Эти случайные прогулки служили приятным развлечением; хорошо было уйти от беспорядка и неудобств, царивших на корабле, ибо, благодаря нашим четвероногим питомцам, чистота на «Рузвельте» оставляла желать много лучшего. Когда я впоследствии рассказывал о своем плавании, мои слушатели выражали удивление, что мы могли мириться с присутствием 250 собак на палубе такого маленького судна. Впрочем, нет худа без добра, и не надо забывать, что без собак мы не завоевали бы полюса.

4 сентября подул сильный южный ветер, разогнавший лед, и мы попытались пробиться вперед; но изменившееся течение заставило нас вернуться обратно.

Я поднялся в дозорную бочку. К северу во льду нигде не видно было ни единой трещинки, ни малейшей полыньи, а полоса воды, по которой «Рузвельт» только что совершил обратный путь, затянулась ледяной корой. Невольно возникал вопрос — сможем ли мы когда-нибудь пройти остающиеся несколько миль и достигнуть намеченного места зимовки?

На наше счастье ветер крепчал, во льду началось заметное движение, и ночью, 5 сентября, к северу появилась все увеличивавшаяся полоса чистой воды. Медлить было нечего. Теперь или никогда! Был дан приказ поднять пары, корабль полным ходом обогнул мыс Раусон, и в отдалении стали вырисовываться очертания мыса Шеридан. Наконец-то! Нашим усталым глазам этот маленький, вдающийся в море кусочек суши показался прекраснее всего в мире.

«Рузвельт» обогнул мыс в 7 часов 15 минут утра. В течение тринадцати ночей мы с Бартлеттом не смыкали глаз.

Устроить ли здесь нашу базу? Впереди простиралась открытая вода. Я распорядился держать курс на север, в надежде, что мы дойдем до бухты Портер. Но уже через две мили пути непреодолимый ледовый барьер воспрепятствовал дальнейшему продвижению судна. Итак, и в эту экспедицию мысу Шеридан суждено было явиться нашей зимней базой. Мы повернули обратно, подошли к мысу и стали готовиться к выгрузке.

На душе у меня было легко и радостно. Эти две последние мили, пройденные «Рузвельтом», оказались рекордными: до сих пор ни одно судно не доходило на собственном ходу до 82°30′ с. ш.[1] Лишь один корабль — нансеновский «Фрам» — прошел дальше на север, но он дрейфовал, кормой вперед, находясь в полной власти льдов, и на этот раз наш маленький, крепкий «Рузвельт» оказался чемпионом.

Овладевшие мною чувства, когда корабль ошвартовывался у мыса Шеридан, трудно передать словами. Мы успешно выполнили первую часть нашего задания, разрешив сложную проблему доставки корабля из Нью-Йорка на побережье Ледовитого океана. Опасное плавание во льдах было благополучно завершено.

Теперь нам предстояло выполнить вторую часть нашей программы — санный поход от корабля до полюса.

Сознание, что «Рузвельт» невредимым прошел сквозь льды канала Робезон, придало нам новые силы, и как только корабль ошвартовался, мы тотчас же энергично взялись за выгрузку. Первыми были спущены на берег двести сорок шесть собак, превратившие наш корабль в кромешный, дурно пахнувший ад. Мы их просто выкинули за борт на лед, и спустя несколько минут побережье было усеяно нашими четвероногими питомцами, которые в ознаменование приобретенной свободы стали бешено носиться по снегу, оглашая воздух веселым визгом и лаем. За собаками последовали сани, построенные эскимосами во время плавания, — стройная флотилия из 23 саней.

Мы сделали сходни из досок, и по ним покатились наши запасы: бидоны с керосином, бочки, ящики, туши китового мяса, мешки с мукой и т. д. и т. п.

---

[1] Этот рекорд был побит только в 1935 г. советским пароходом «Садко», дошедшим в районе Северной Земли до широты 82°41′ N. *Прим. ред.*

Собаки экспедиции.

Выгрузка всех запасов и снаряжения заняла несколько дней. Каждая хорошо организованная арктическая экспедиция по достижении зимней базы начинает с этой работы. После того как грузы были на берегу, гибель корабля, вследствие пожара или ледового сжатия, означала бы лишь, что участникам похода пришлось бы добираться домой пешком. Если бы мы потеряли «Рузвельт» на мысе Шеридан, мы провели бы зиму в домах, построенных из ящиков, и весной попытались бы достичь полюса. Затем нам предстояло бы вернуться пешком, т. е. покрыть триста пятьдесят миль пути до мыса Сабина, пересечь лед пролива Смита и, достигнув Эта, ждать, чтобы за нами пришел какой-нибудь корабль.

На протяжении четверти мили побережье было усеяно нашими грузами, причем каждому предмету продовольствия и снаряжения было отведено отдельное место. Наше поселение, состоявшее из бочек и ящиков, мы назвали «Хоббардвиль», в честь председателя арктического клуба Пири, Томаса Хоббарда.

По выгрузке с корабля ящиков, служивших во время плавания ложем эскимосов, мы произвели генеральную чистку в помещении туземцев, разделили его перегородками для каждой эскимосской семьи, повесили спереди занавески и поставили широкие скамейки, сколоченные из досок. Под скамейками наши смуглые товарищи могли держать свои кухонные принадлежности и другой скарб.

Большие ящики, содержащие банки с салом, пеммикан, муку и проч., мы употребили для постройки на берегу трех домов, размером в 5 метров на 10 метров каждый. Все припасы были специально упакованы для этой цели в ящики особых размеров — это было одной из бесконечных деталей, обеспечивших успех экспедиции. При возведении домов верх ящиков был обращен внутрь, крышки сняты, и содержимое вынималось по мере надобности, как с полок; таким образом каждый дом представлял собой нечто вроде бакалейной лавки.

Паруса, натянутые на шесты, заменяли крышу; в домах мы установили печи, а к зиме покрыли стены и крышу плотным слоем снега, так что, если бы нам пришлось жить в наших ящичных домах, мы бы во всяком случае не замерзли.

Итак, мы высадились, целые и невредимые, на мысе Шеридан, и цель, к которой мы стремились, казалась нам близкой. Благодаря долголетнему опыту мы точно знали, что нам предстоит делать и как за дело взяться. Несколько месяцев

ожидания, осенняя охота и долгая темная полярная ночь — вот что отделяло меня от похода к полюсу. У меня были собаки, люди, опыт и твердое, непреклонное решение достигнуть поставленной цели, а исход лежал в руках судьбы, которая, говорят, благоволит к человеку, преследующему свою мечту до последнего вздоха....

Глава XIII

ЗИМОВОЧНАЯ БАЗА

Когда весь груз был снят с «Рузвельта», Бартлетт поставил корабль почти вплотную к берегу, на мелководье. Затем команда стала готовиться к зиме. Механики промыли котлы, законсервировали машины и просушили трубы, чтобы они не взорвались в большие морозы, а матросы тем временем ослабили оснастку и перед уборкой натянули все паруса, чтобы солнце и ветер их основательно просушили. Корабль являл собою красивое зрелище. Со вздутыми по ветру парусами, освещаемый солнцем, он напоминал яхту во время гонок, удерживаемую на месте белоснежным кольцом льдов.

Пока велась эта работа, небольшая партия эскимосов направилась к острову Хэзен на охоту, но за исключением нескольких морских зайцев они ничего не раздобыли, а мускусные быки, по их словам, казалось, окончательно вымерли. Это меня встревожило: я стал опасаться, что усиленная охота во время прошлых экспедиций либо истребила зверей, либо заставила их переменить свое местообитание.

Женщины-эскимоски поставили вдоль побережья, на протяжении пяти миль, капканы для песцов и, признаться, добились лучших результатов, чем представители сильного пола — за осень и зиму им удалось изловить штук сорок песцов. Эскимоски ходили также ловить рыбу в окрестных озерках и приносили на корабль много прекрасного гольца.

Эскимосы своеобразно ловят рыбу. Во льду делается прорубь и в нее опускают маленькую рыбку, искусно сделанную из моржовой кости. Когда настоящая рыба поднимается на поверхность, чтобы разглядеть диковинного гостя, ее бьют острогой. Эскимосская острога состоит из центрального древка с острым куском железа, обычно старым гвоздем, на конце. С каждой стороны древка находится по куску оленьего рога концом вниз, а в рога вбиваются гвозди,

острием внутрь. Когда острога захватывает рыбу, рога выпрямляются, ударяя ее в спину, а острия сверху и с боков не дают ей освободиться.

Голец, встречающийся у берегов Земли Гранта, красивая, пятнистая рыба, чрезвычайно вкусная и питательная, весом до 5—6 килограммов. В 1900 г. возглавляемая мною партия прокормилась гольцом в течение десяти дней, пока мы не нашли мускусных быков.

Новым членам экспедиции естественно хотелось познакомиться со всеми достопримечательностями мыса Шеридан. Хоббардвиль не мог, правда, похвастаться ни своей Эйфелевой башней, ни триумфальной аркой, но зато с корабля видны были гурии[1] «Алерта» и «Рузвельта» и могила Петерсена.

На расстоянии полуторы мили к юго-западу от нашей базы возвышался памятник Петерсону, датскому переводчику английской экспедиции 1875—1876 гг. Он погиб от истощения и холода во время санного похода, и его похоронили у стоянки «Алерта». Могила покрыта широкой плоской плитой, у головы — доска с медным листом, на котором выгравированы имя и фамилия погибшего. Более унылую могилу трудно сыскать на земле. Самого молодого, самого беспечного исследователя, при виде ее, невольно охватит чувство глубокой тоски и печали. Грозным и зловещим выделяется темный силуэт памятника на фоне снега — таинственная Арктика словно предостерегает человека, дерзнувшего переступить ее порог, что она, быть может, изберет и его своей следующей жертвой.

Гурий «Рузвельта», воздвигнутый Марвином в 1906 г., находится на приподнятом участке суши, приблизительно 100 метров над уровнем воды. Знак сложен в виде высокой пирамиды из камней; к дубовой доске, возвышающейся над камнями, прикреплена дощечка с надписью, сделанной рукой Марвина химическим карандашом. На верху доски выгравировано большое «Р».

Бедный, дорогой Марвин! Думал ли он, воздвигая этот знак — знак победы, что неумолимая, жестокая Арктика захватит и его в свои цепкие смертельные объятья!

Закончив работу по выгрузке запасов и постройке наших домов, мы стали готовиться к перевозке грузов на мыс Колумбия. Эскимосы запрягли по пять-шесть собак в упряжь и привязали их, в ожидании выхода в путь, к длинным ше-

[1] Гурий — знак, сложенный из камней. *Прим. перев.*

Семейство оленей (карибу).

стам, воткнутым в лед. Наши изящные лайки красивой вереницей выстроились на снегу. Чувствуя, повидимому, что их вынужденным каникулам пришел конец, они нетерпеливо тянули за постромки, помахивали пушистыми хвостами и возбужденно лаяли.

Северное солнце щедро ласкало нас своими лучами, и день от ночи мы различали лишь по часовым стрелкам. Благодаря интенсивной деятельности всех участников экспедиции во время плавания, у нас все было готово для осенней работы. Эскимосы построили сани, Мат Хенсон закончил конструкцию походных кухонь, а искусные руки наших северных портних заготовили каждому из нас по комплекту меховой одежды.

В Арктике наша одежда почти не отличается от туземной. Основной предмет одежды — по-эскимосски «кулета» — шуба с капюшоном мехом наружу без застежек; она надевается через голову и снабжена круглым, плотно облегающим шею воротником из песцовых хвостов. Для летнего сезона эскимосы делают верхнюю одежду из тюленьих шкур, а для зимы — из песцов или оленьего меха.

Затем следует «атэа» — короткая рубаха, обычно из пыжиков, с мехом, обращенным внутрь; эскимосы носят ее и летом. Женщины-эскимоски искуснее лучших нью-иоркских скорняков сшивают меховые шкурки. Вместо ниток они употребляют сухожилья из спины оленя. Сухожилье не ломается и не гниет от сырости. Для более грубых работ — шитья меховых сапог, каяков и палаток — они пользуются сухожильем из хвоста нарвала.[1] До того, как я им завез стальные иголки, они употребляли костяшки с дыркой в середине, посредством которых они продевали сухожилье, как сапожник дратву. Чтобы не повредить мех, эскимоски режут шкуры небольшим острым ножом, напоминающим старинную сечку.

Меховые брюки неизменно делаются из меха белого медведя. Затем следуют чулки из заячьего меха и обувь из тюленьих шкур. Добавьте к этому еще теплые меховые варежки — и вот полный комплект зимней одежды, которую мы носим в Арктике на корабле и во время санных походов.

Читателя, быть может, заинтересует вопрос, бывали ли среди жителей зимовочной базы случаи взаимного раздражения в результате скученного существования относительно большого количества людей в течение унылых месяцев по-

[1] Нарвал — из отряда китообразных. *Прим. перев.*

лярной ночи. До некоторой степени такие случаи наблюдались. Однако, в большинстве участники экспедиции были людьми с очень сильной волей, обладавшими колоссальной выдержкой, и это предотвращало какие-либо эксцессы. Фактически единственное столкновение имело место между одним из наших матросов и эскимосом, которого мы прозвали «Харриган».

Это прозвище Харриган получил благодаря музыкальным способностям. Команда часто напевала ирландскую песенку, которая кончается словами: «Харриган — это я». Нашему эскимосу так понравилась веселая мелодия песенки, что он не переставал ее напевать, пока не выучил ее, причем он очень недурно произносил последние три слова.

В дополнение к своим музыкальным талантам Харриган мастерски передразнивал мимику и интонации своих товарищей. Как-то находясь в баке, он решил показать свое искусство и к великому неудовольствию одного из матросов стал копировать каждое его слово. Никакие уговоры прекратить это занятие не помогали. В конце концов матрос так обозлился на своего преследователя, что накинулся на него с кулаками. Эскимосы прекрасные борцы, но боксеры они слабые... В итоге Харриган вбежал ко мне в каюту с фонарем под глазом, убежденный что с ним очень плохо поступили. В ответ на его горькие жалобы я подарил ему новую меховую рубаху, успокоил его и просил впредь держаться подальше от команды.

Через несколько часов инцидент был забыт, не оставив у сторон какого-либо горького осадка, и вскоре Харриган снова весело мурлыкал себе под нос: «Харриган — это я!».

Глава XIV

ОСЕННЯЯ РАБОТА

Главной целью осенних санных поездок была переброска на мыс Колумбия грузов для весеннего похода к полюсу. Мы избрали мыс Колумбия, расположенный в 90 милях к северо-западу от корабля, по двум причинам: во-первых, он являлся самой северной точкой на Земле Гранта и, во-вторых, находился на достаточном расстоянии от дрейфующих льдов в канале Робезон.

Переброска тысячи килограммов продовольствия для людей и собак на расстоянии 90 миль, в суровых условиях Арктики, представляла не легкую задачу. План предусматривал устройство ряда складов по пути следования, вместо того, чтобы посылать каждую партию до мыса Колумбия и обратно. Первый отряд предполагал дойти до мыса Белкнап, в 12 милях от корабля, сложить там припасы и вернуться в тот же день обратно. Второй отряд должен был устроить склад на мысе Ричардсон, находившемся приблизительно в 20 милях от «Рузвельта», вернуться на мыс Белкнап и доставить оттуда на мыс Ричардсон запасы, оставленные первой партией. Затем предполагалось устроить склад в бухте Портер, в гавани Сейл, на мысе Колан и, наконец, последний на мысе Колумбия. Таким образом по всему маршруту должны были находиться санные партии, которые занимались бы попутно охотой. Транспортным средством были, разумеется, эскимосские собаки. У нас имелись два типа саней: сани Пири, впервые применявшиеся в эту экспедицию, и обычные эскимосские сани. Первые имеют от 4 до 4½ метров длины, при ширине в 70 сантиметров и высоте в 18 сантиметров; длина эскимосских саней равняется 3 метрам, при той же ширине и высоте, как и первые. Эскимосские сани состоят из двух дубовых полозьев, толщиной в 3—4 сантиметра и шириной в 18 сантиметров со стальным ободком. Сани Пири более сложной конструкции: крепкие

дубовые боковины, соединенные ремнями из тюленьей кожи, имеют закругленную форму; ясеневые полозья снабжены ободком шириной в 5 сантиметров.

Сани Пири были сконструированы в результате моей двадцатилетней работы в Арктике; они считаются самыми крепкими и удобными для полярных переходов. На ровной поверхности грузоподъемность саней составляет от 500 до 600 килограммов.

Эскимосы пользуются своим типом саней с незапамятных времен. Прежде, когда у них не было дерева, которое им привезли из мира цивилизации, они делали сани из кости: из плечевых костей моржей или китовых ребер, с оленьими рогами в качестве копыльев.

Для собачьей сбруи я взял за образец эскимосскую упряжь, но применил другой материал. Эскимосская упряжь делается из тюленьей кожи; она состоит из двух петель, в которые продеваются передние лапы собаки, и соединяется на спине собаки, откуда тянутся постромки. Сбруя очень простая и гибкая, и она не стесняет движений лайки. Я отверг тюленью кожу, как материал для упряжи, из соображений «гастрономического» характера. Когда собаки на голодном пайке, они ночью в лагере поедают сбрую. Чтобы избежать этого неприятного явления, я стал употреблять для изготовления сбруй специальную очень прочную тесьму, шириной в 5—7 сантиметров, а для постромок — сплетенный льняной шнур.

Собак впрягают в сани веерообразно. Обычно упряжка состоит из 8 собак, но при быстрых переходах с тяжелым грузом упряжку увеличивают до 10—12 собак. Эскимосы погоняют собак, действуя бичом и уговорами. Они так искусно хлопают своими длинными бичами, достигающими от 4 до 6 метров длины, что кончик точно попадает на определенную собаку. Неопытному каюру не легко научиться пользоваться эскимосскими бичами, также как перенять точную эскимосскую интонацию слов: «хо-э, хо-э, хо-э», означающих «вправо»; «а-шу, а-шу, а-шу» — влево, и «хук-хук-хук», что соответствует нашему выражению — «вперед». Когда собаки не слушаются, эскимосы-каюры, вместо «хо-э, хо-э, хо-э» кричат «хо-оооооо». У человека, впервые ведущего запряжку эскимосских собак, температура может легко повыситься до 40°. И это не удивительно. Порою приходится согласиться с эскимосами, что черти владеют этими животными. Любимая шалость собак — прыгать друг через друга и при этом путать постромки в такой узел, по сравнению

Two Boys.

с которым знаменитый гордиев узел кажется детской игрушкой. Когда это случается, несчастному каюру приходится снимать теплые варежки и голыми руками, при арктическом морозе, распутывать постромки в то время, как собаки скачут вокруг него, лают, хватают его за руки, словом всячески ему мешают. В виде иллюстрации я расскажу о происшествии, часто имеющем место, когда новичок ведет упряжку эскимосских собак.

Один из участников нашей экспедиции — я не назову его имени, ибо сам бывал в его шкуре, — вышел в путь с упряжкой собак. Спустя некоторое время собаки пришли обратно на корабль... без саней и каюра. Неопытный каюр, пытаясь распутать постромки, нечаянно выпряг собак. Через 2—3 часа он вернулся, подавленный, огорченный и злой. Встреча, оказанная ему нашими эскимосами, была не из приятных: насмешкам их не было конца! Каюр собрал своих собак и поплелся за санями.

Постепенное ознакомление неопытного полярника с суровыми условиями Арктики является одной из задач коротких осенних переходов. Ему приходится привыкать к таким неприятным явлениям, как отмороженные нос, уши и пальцы на ногах; он должен научиться держать тяжело нагруженные сани в равновесии на рыхлом снегу, а также научиться носить меховую одежду.

16 сентября первая партия вышла к мысу Белкнап в составе Марвина, доктора Гудсэла, Борупа и 13 эскимосов. Грузы были уложены на 16 санях, которые тащили около двухсот собак. Стоял прекрасный день: ясный, безветреный, солнечный. Упряжки шли гуськом, вдоль подошвы льда,[1] образуя стройную процессию. До нас долго долетали крики эскимосов-каюров, хлопание бичей и скрип саней по снегу, напоминавший сухой шелест осенних листьев в лесу.

Мне нередко задавали вопрос: не замерзали ли мы во время езды на санях? Но мы почти не ездим, а преимущественно ходим; когда же путь особенно тяжел, то приходится тащить сани наравне с собаками. При этой работе скорее можно растаять, чем замерзнуть!

Партия вернулась в тот же день с пустыми санями, а на следующий день на базу пришли обратно с охоты два отряда эскимосов. Их добыча состояла из трех оленей, шести

[1] «Подошвой льда» называется прибрежное ледовое образование, являющееся частью припая и непосредственно связанное с берегом. Подошва льда не подвержена колебаниям при приливах и отливах. *Прим. ред.*

зайцев и двух гаг. Отрядам не посчастливилось напасть на следы мускусных быков.

18 сентября вторая партия вышла в путь. Она должна была доставить 56 ящиков пеммикана на мыс Ричардсон, провести там ночь, на следующий день перевезти грузы с мыса Белкнап на мыс Ричардсон и затем уже вернуться на корабль. Таким образом предстояла ночевка в поле.

Первая ночь, проведенная в брезентовой палатке в Арктике, обычно бессонная. Во льду слышатся таинственные звуки; собаки лают и дерутся у палатки, к которой они привязаны; воздух внутри, несмотря на холод, не слишком чист: одну маленькую палатку занимают, обычно, четверо, и всю ночь горит керосиновая печка; издали доносится рычанье волков, и в довершение всего, эскимосы нередко заводят среди ночи свою заунывную песню, призывая предков из загробного мира. Для нервов «новичка» это не легкое испытание.

Палатки делаются из легкого брезента с небольшим отверстием для входа; отверстие можно по желанию затянуть шнурком, и палатка становится совершенно «снегонепроницаемой».

Палатка имеет пирамидальную форму с шестом посредине, причем края удерживаются на земле полозьями саней или лыжами. Люди спят на полу не раздеваясь, подстилая под себя шкуру мускусного быка и накрываясь легкой оленьей шкурой. В своих экспедициях я не пользовался спальными мешками.

Наша походная кухня состояла из обыкновенного деревянного ящика, содержавшего две керосиновые печки с 10-сантиметровыми фитилями. В качестве котелков для варки пищи служили днища 10-литровых жестянок из-под керосина, с плотно прилегающими крышками. Перед тем, как закрыть ящик, котелки опрокидывались вверх дном над каждой керосинкой. На наших стоянках мы вносили в палатку или снежный дом походную кухню и откидывали крышку деревянного ящика, которая служила нам столом. Оба котелка наполнялись кусками льда и ставились на керосиновую печь; когда лед таял, вода одного котелка употреблялась для чая, а во втором котелке мы грели бобы или варили мясо, если таковое имелось.

У каждого участника похода была кружка для питья и охотничий нож, который служил многим целям. Одной чайной ложки должно было хватить на четверых, а таких изысканных вещей, как вилки и тарелки, у нас не имелось вовсе.

Добыча охоты.

Все ели из общего котла — втыкали нож и выуживали кусок мяса.

Согласно выработанному режиму, во время похода участники питались два раз в день: утром и вечером. Таким образом, светлый период дня был целиком посвящен работе. Бывали случаи, что приходилось итти целые сутки без остановки для еды.

Партия, отправившаяся к мысу Ричардсон, вернулась вечером 19-го, и 21-го снова вышла в путь к бухте Портер в составе 19 эскимосов с грузом в 3000 килограммов собачьего пеммикана на 22 санях. Мак-Миллан, заболевший гриппом, не участвовал в походах, но я не сомневался, что как только он поправится, он быстро наверстает упущенное время и приобретет опыт, полученный его товарищами в пути. Третья партия вернулась 24-го; участники убили по дороге 14 оленей и доставили на корабль мясо и шкуры убитых зверей.

28-го несколько отрядов одновременно покинули «Рузвельт». Хенсон с тремя эскимосами отправился на охоту к северу от озера Хэзен, отряд во главе с Маврином — к южной части озера, а Бартлетт, доктор Гудсэл, Боруп и 7 каюров вышли в путь по направлению к мысу Колумбия.

В осенней охоте и санных поездках преимущественно принимали участие молодые сотрудники экспедиции. После двадцати лет жизни в Арктике у меня притупился интерес ко всему, за исключением охоты на белых медведей; молодежь же жаждала деятельности. С другой стороны, на корабле у меня было много дела: надо было выработать подробный и точный план весеннего похода, кроме того мне хотелось сохранить всю свою энергию для решительной битвы.

Я не занимался систематической физической тренировкой, так как не вижу в ней особенной пользы. До сих пор мое тело всегда подчинялось воле, каковы бы ни были предъявляемые к нему требования. В течение зимы я был преимущественно занят подбором соответствующего снаряжения и вычислениями количества продовольствия, необходимого для похода к полюсу. Если бы не недостаток пищи, нам не пришлось бы в 1906 г. вернуться обратно с 87°6′ северной широты. С холодом можно бороться, но голод всемогущ. Он верный, непреоборимый страж арктических крепостей.

Все же я однажды разрешил себе прервать монотонное течение жизни на корабле, совершив в октябре санную поездку в бухту Клемента Маркхэма. Весной 1902 г., находясь на мысе Хекла, я заглянул в неисследованные пространства этого загадочного фиорда, и с тех пор мне хотелось проник-

нуть в него. В предыдущую экспедицию я дважды направлялся на санях к бухте, но оба раза поднявшаяся пурга заставляла меня повернуть обратно. Теперь же, не взирая на то, что солнце стояло низко над горизонтом и полярная ночь была уже близка, я решил осуществить этот поход.

1 октября я покинул корабль с тремя эскимосами, Эгингва, Ублуя и Кулатуна. Три упряжки, по 10 собак каждая, тащили сани, на которые мы уложили запас продовольствия на две недели. Собаки быстро передвигались с легким грузом по следу, проложенному санными партиями, и уже через несколько часов мы достигли бухты Портер, где расположились лагерем.

В бухте находились два эскимоса, Онвагипсу и Вишакупси, вышедшие за два дня до нас. Онвагипсу отправился обратно к «Рузвельту», а Вишакупси пошел с нами, чтобы помочь перебросить груз в гавань Сейл, откуда он должен был также вернуться на корабль.

Мы провели ночь в постоянной брезентовой палатке, которая была здесь поставлена первой осенней партией. Ночь была не очень морозная, и мы хорошо выспались, сытно поужинав бобами и чаем. Бобы и чай! Возможно, читатель совсем иначе представляет себе пиршество Лукулла, но после целого дня, проведенного в ходьбе по Земле Гранта, нам это казалось роскошным угощением!

Глава XV

ЗА БЕЛЫМ МЕДВЕДЕМ

Проведя ночь в палатке, мы рано утром двинулись в путь, прошли по льду бухту Портер и пересекли широкий перешеек, соединяющий бухту Портер с бухтой Джемса Росса. Каждый шаг пути был мне знаком и богат воспоминаниями. Достигнув бухты, мы снова спустились на лед и проследовали вдоль западного берега. Собаки, сытые и отдохнувшие, бежали веселой рысцой, подняв уши и помахивая хвостами; погода стояла тихая и ясная, и косые солнечные лучи отбрасывали на лед длинные причудливые тени людей и собак.

Вдруг острый взор Эгингва заметил движущуюся точку на склоне горы, по левую руку от нас. «Тукту!» [1] вскрикнул он, и его товарищи тотчас же остановились. Зная, что преследование самца-оленя означает продолжительный бег, я не погнался за ним, но сказал Эгингва и Ублуя, моим крепким, длинноногим юношам, чтобы они взяли винчестеры и попытали счастье. Через мгновение они уже мчались во весь дух по снегу, пересекая путь оленю.

Я глядел им вслед в бинокль. Олень, заметив погоню, побежал в другую сторону, то и дело оборачиваясь назад. Но вдруг он повернулся и остановился как вкопанный. Охотники находились на большом расстоянии и до нас не долетело ни единого шороха, но мы поняли, что они издали магический клич, из поколения в поколение передающийся от отца к сыну, клич эскимоса-охотника — особенный шипящий продолжительный звук, при котором олень мгновенно останавливается.

Охотники подняли ружья, и животное пало. Собаки с заметным волнением следили за всей этой сценой, когда же раздались звуки выстрелов, они не устояли на месте, и в следующую минуту мы уже спешили по направлению к берегу.

[1] Олень по-эскимосски.

Когда мы поровнялись с охотниками, они стояли подле убитого животного. Я просил их не трогать его, так как хотел сделать несколько фотографических снимков. Это было красивое создание, почти белоснежное, с мощными ветвистыми рогами. Как только я сфотографировал оленя, эскимосы сняли с него шкуру и разрезали его на части.

Картина ярко запечатлелась в моей памяти. Высокие горы, обступившие бухту Джемса Росса, снегом покрытое побережье, спускающееся к бухте, на юге низко висящее светило — огромный ярко-желтый шар, воздух, насыщенный медленно падающими ледяными кристаллами, и четыре в меха одетые человеческие фигуры вокруг убитого оленя, а несколько поодаль — собачьи упряжки — единственные признаки жизни в этой великой белой пустыне.

Шкуру оленя мы осторожно положили на сани, также как и мясо, которое Вишакупси должен был из гавани Сейл отвезти обратно на корабль.

Покончив с этим делом, мы отправились дальше, вдоль западного берега бухты, пока не подошли к маленькой бухте, лежащей на западной стороне полуострова Парри и названной англичанами гаванью Сейл.

В горле бухты, под защитой утесов, мы расположились на ночь. К ужину у нас было жаркое из оленины — блюдо, достойное богов!

После нескольких часов сна, на рассвете следующего дня, мы снова двинулись в путь — Вишакупси по направлению к мысу Шеридан, а мы — к устью бухты Клемента Маркхэм.

Приближаясь к бухте, мы напали на следы оленей, а через несколько шагов послышался взволнованный шопот нашего остроглазого Эгингва:

«Нануксоа!» [1]

Он дрожащим пальцем указал на середину фиорда. И действительно, мы увидели в отдалении неуклюже переваливающееся животное, медленно движущееся к устью фиорда. Это был белый медведь!

Если что-нибудь может вызвать чувство кровожадности в сердце эскимоса, так это вид белого медведя. Волнение моих спутников невольно передалось и мне.

Пока я стоял перед собаками с хлыстом в каждой руке, чтобы удержать их на месте, туземцы поспешно сбрасывали поклажу с саней.

---

[1] Белый медведь.

Белый медведь.

Как только груз был выкинут, Ублуя встал на сани и погнал собак. Эгингва последовал за ним; когда он поровнялся со мной, я вскочил в его нарту. За нами помчался Кулатуна с третьей упряжкой. Мы летели как вихрь.

Медведь, очевидно, услышал погоню — он стал большими прыжками удаляться от нас.

На середине фиорда глубокие снежные сугробы несколько замедлили движение собак, пока они не почуяли медвежий след — тут уже ни рыхлый снег, ни другие препятствия не могли их удержать, и они как безумные неслись вперед. Ублуя опередил нас; достигнув другого берега фиорда почти одновременно с медведем, он тотчас же распряг собак, которые погнались за добычей. На большом расстоянии лайки казались светлыми точками, быстро передвигавшимися по отвесному склону. Прежде чем наши упряжки добрались до берега, Ублуя уже поднялся на вершину склона, откуда он нам сигнализировал, чтобы мы объехали кругом, так как мы находимся на острове.

Когда мы достигли противоположной стороны, оказалось, что медведь снова спустился на лед. Он удирал к западному берегу, преследуемый Ублуя и собаками.

Эгингва был весьма поражен тем, что медведь, вопреки обычаю белых медведей в Арктике, не остановился, когда собаки поровнялись с ним, а продолжал убегать. По мнению Эгингва, это являлось почти что непреложным доказательством того, что сам великий чорт — страшный Торнарсук — находится в медведе. Мысль, что он гонится за чортом, еще более взволновала моего смуглого спутника.

Дойдя до склона, мы распрягли собак. Они быстро побежали по горячим следам, а мы последовали за ними, с трудом передвигаясь по мягкому снегу.

Вскоре мы подошли к глубокому ущелью. Судя по доносившемуся до нас лаю собак, медведь находился где-то под нами. Однако, стены ущелья были слишком отвесными, чтобы попытаться спуститься. Идя вдоль него, в поисках удобного спуска, я вдруг услышал голос шедшего впереди Эгингва. Он крикнул, что медведь спрыгнул вниз и теперь поднимается по другому склону. Я поспешил вперед и через несколько минут увидел зверя на расстоянии нескольких сот метров. Я поднял ружье, дал два выстрела, но оба раза промахнулся — медведь продолжал неуклонно подниматься. Поистине это был не медведь, а чорт!

Юнцы-охотники, Эгингва и Кулатуна, опередили меня и скрылись из виду. Я решил не продолжать погони по отвес-

ным скалам, спустился вниз и пошел вдоль припая. Но не успел я сделать несколько шагов, как в отдалении послышались крики, а затем я увидел на вершине холма эскимоса, возбужденно размахивавшего руками. Я не слышал его слов, но понял, что охота успешно закончилась.

Холм оканчивался глубоким оврагом. Я подошел к нему и стал ждать. Через короткое время появились счастливые охотники. Это была интересная процессия: по крутому скалистому оврагу медленно спускались собачьи упряжки; они тащили необычайную поклажу — огромную белую тушу, а за ними шли жестикулировавшие и смеявшиеся эскимосы.

Когда убитый медведь был наконец спущен на берег, я сфотографировал его, в то время как взволнованные охотники, торопясь и перебивая друг друга, рассказывали, как трудно было с ним справиться. По их словам, это объяснялось несомненным присутствием чорта. Не будучи знатоком арктических суеверий, я не стал с ними спорить и не спросил их, куда же делся Торнарсук после того, как ружье Ублуя разрушило его плотский образ?

Эскимосы сняли шкуру с добычи, ловко освежевали тушу своими острыми ножами и уложили мясо на берегу — возвращающиеся санные партии должны были впоследствии захватить мясо на корабль. Шкуру медведя мы взяли с собой и вернулись на ту сторону бухты, где сбросили с саней поклажу.

Мы все, включая и наших четвероногих друзей, изрядно устали и сильно проголодались. Поэтому было решено тут же устроить привал. Мы поставили палатку, зажгли керосиновую печь и с наслаждением отведали медвежьего бифштекса, который оказался особенно сочным и вкусным!

Глава XVI

МУСКУСНЫЕ БЫКИ

На следующий день, пройдя всего 6—7 миль и обогнув выступ на побережье, мы увидели в отдалении несколько черных точек на склоне холма.

«Мускусные быки!» — крикнул, обернувшись ко мне, Ублуя. Я улыбнулся и кивнул ему головой.

Для опытного охотника, имеющего с собой одну или две собаки, вид мускусных быков равен их добыче. Охота на них порою сопряжена с продолжительной погоней по занесенным снегом ухабам и рытвинам арктического бездорожья, когда ветер хлещет лицо и пронизывающий холод леденит кровь, но конец почти неизменно приносит с собою драгоценные трофеи в виде шкур, рогов и сочного мяса.

Я лично никогда не рассматривал охоту на мускусных быков как спорт: слишком часто в минувшие годы от них зависела жизнь моих спутников. В 1899 г., в бухте Индепенденс, нахождение стада мускусных быков спасло нас от голодной смерти, а в 1906 г., при возвращении с 87°6′ с. ш., если бы не мускусные быки на Земле Нэрса, возможно, что мы спали бы теперь вечным сном под густым снежным саваном.

Итак, увидя в отдалении знакомые очертания, мы направили к ним свои шаги. Когда нас отделяло от быков не более мили, мы выпрягли из саней двух собак, и не успели каюры распутать постромки, как лайки уже мчались со всех ног вперед.

Мы, не спеша, последовали за собаками, ибо знали, что, когда мы подойдем к стаду, быки будут неподвижно стоять на месте, образуя круг. Одиночка мускусный бык, увидя собак, удирает от них, но стадо становится в круг, головами вперед; затем вожак выходит из круга и наступает на собак. Когда вожак падает, застреленный, второй бык становится на его место и т. д.

Спустя несколько минут я увидел перед собой, как и прежде, в свои прошлые экспедиции, кучку косматых зверей, блестящие глаза и направленные на меня рога, — только на этот раз это не было связано с вопросом жизни и смерти.

Однако, когда я поднял ружье, мною снова овладело непередаваемое, жуткое ощущение, будто жизнь зависит от правильности моего прицела; я вспомнил щемящее чувство голода прошлых лет, мучительную жажду красного, теплого мяса — чувство волка, раздирающего свою добычу. Тот, кто в своей жизни когда-нибудь испытал настоящий голод, поймет меня.

Я спустил собачку, и вожак стада упал, смертельно раненый. Пуля попала под левую лопатку, куда надо всегда целиться, стреляя в мускусного быка. Стрелять в голову — значит тратить зря пули.

Как только бык упал, из стада вышла самка. Ее постигла та же участь. Со второй самкой и двумя годовалыми телятами я покончил в несколько минут. Ублуя и Кулатуна занялись убитыми животными, а мы с Эгингва пошли на поиски мускусного быка, находившегося на расстоянии двух-трех миль.

Увидя собак, бык побежал по холму и исчез из виду за ближайшей вершиной. Собаки последовали за ним, мы слышали их дикий лай и без особого труда нашли быка. Он укрылся среди высоких скал, где его обступили лайки.

Одного выстрела было достаточно. Эгингва стал снимать шкуру с убитого животного, а я пошел обратно. Мы решили разбить лагерь в том месте, где обнаружили стадо. Ублуя и Кулатуна освежевали туши быков, а затем, взяв с собой сани и упряжку собак, отправились на помощь Эгингва.

Оставшись один, я поставил палатку, разжег печь, согрел воду для чая и зажарил мясо. К приходу моих товарищей был готов роскошный ужин, которому мы воздали должное. Вот это действительно называлось жить за счет естественных ресурсов страны — мы питались то оленьими бифштексами, то медвежатиной, то сочным вкусным мясом мускусных быков!

На следующий день мы убили трех мускусных быков и подошли к устью неисследованной бухты. В этот вечер я заснул с приятным сознанием, что к карте мира прибавился еще кусочек дотоле неизвестной арктической территории.

В течение последующих двух дней мы закончили обход западного берега бухты и форсированным маршем направи-

лись к гавани Сейл, где я нашел записку от Бартлетта. Он сообщал, что прошел эту гавань накануне, на обратном пути с мыса Колумбия к судну.

Там мы провели ночь, а на рассвете, пока мои спутники складывали палатку и запрягали собак, я пересек полуостров и пошел по направлению к бухте Джемса Росса. Вскоре я увидел внизу, на берегу, несколько темных предметов — это оказался лагерь одного из наших отрядов, состоявшего из Бартлетта, Гудсэла и Борупа.

На мой зов у отверстий палаток показались заспанные лица путешественников. К этому времени эскимосы подоспели с санями и поклажей. Я могу без преувеличения сказать, что добыча нашей охоты произвела на моих товарищей, в особенности на молодого Борупа, ошеломляющее впечатление. На передней нарте возвышалась роскошная белоснежная медвежья шкура; позади виднелись ветвистые рога оленей и множество голов мускусных быков.

«Ну и молодцы-охотники!» воскликнул Боруп после нескольких секунд безмолвного удивления.

Для длительной беседы не было времени, — я хотел в тот же день вернуться на корабль, — поэтому, обменявшись краткими приветствиями, мы двинулись дальше, а наши товарищи вернулись в палатки наверстать прерванный сон.

Когда мы подошли к «Рузвельту», было уже совсем темно. Наш поход длился семеро суток; за это время мы прошли более 200 миль пути, произвели исследование бухты Клемента Маркхэма, положили ее контуры на карту и добыли прекрасные образцы трех представителей арктической фауны: оленя, белого медведя и мускусного быка, добавив, таким образом, несколько тысяч фунтов свежего мяса к нашим зимним запасам. Вполне удовлетворенный походом, я принял горячую ванну и заснул крепким, безмятежным сном.

Перевозка грузов и охота продолжались в течение всего октября. Капитан совершил две поездки от корабля к мысу Колумбия; в пути он добыл четырех мускусных быков.

Как только Мак-Миллан оправился от гриппа, я послал его в бухту Маркхэма произвести съемку бухты и поохотиться на мускусных быков и оленей. Небольшие отряды ежедневно выходили на охоту, так что в течение осени редко можно было найти всех участников одновременно на корабле.

С момента прибытия «Рузвельта» к мысу Шеридан в начале сентября и до нашего выхода к полюсу 1 марта, все

члены экспедиции интенсивно готовились к главному санному походу; но, кроме подготовки, их работа преследовала, если можно так выразиться, еще и воспитательную цель. Мы хотели приучить новичков-полярников к трудностям длительных переходов в мороз, пургу и ветер. Они должны были научиться правильно оберегать себя от постоянной опасности отморозить конечности, научиться рационально носить меховую одежду и умело обращаться с собаками.

Чтобы познакомить читателя с некоторыми характерными моментами арктического санного перехода, я приведу здесь записи из дневника доктора Гудсэла:

«Употребил много времени, — пишет Гудсэл, — чтобы высушить чулки и сапоги. Из-за холода и необходимости экономить топливо это оказалось не легким делом. Но, с другой стороны, нельзя же ходить в мокрых сапогах. Сухая обувь — лучшая гарантия, что не отморозишь ноги. К сожалению, на керосиновой плитке, с ее маленькой конфоркой, едва хватает места, чтобы высушить меховые варежки».

А вот другая запись, иллюстрирующая неудобства керосиновой кухни:

«Пока Мак-Миллан готовил в «иглу» чай, Токсингва и Високаси, из-за недостатка кислорода и обилия в воздухе алкогольных паров, почувствовали себя дурно. Мак-Миллан понял, в чем дело, и вышиб ногой снежную глыбу, заменяющую дверь. Спустя 15—20 минут эскимосы пришли в себя. То же явление имело место и с участниками отряда капитана».

Помимо этих помех, во время санной поездки всегда существует опасность провалиться сквозь тонкий лед. Я не буду подробно излагать, насколько серьезна эта опасность, скажу только, что профессор Марвин погиб в результате такого несчастного случая. Если даже предположить, что человеку, упавшему в воду, и удастся выкарабкаться на поверхность, то он, по всей вероятности, очень скоро замерзнет на льду.

«Только что я скинул с себя пару насквозь промокших сапог», пишет доктор. «Переходя полынью, покрытую тонким слоем льда, я одной ногой погрузился по колено в воду. К счастью, второй ногой я стоял на твердом льду; я бросился вперед и упал у края воды. В другом месте лед хрустнул подо мной, и лишь каким-то чудом я успел отскочить. Если бы я провалился по пояс в воду, исход был бы весьма сомнительный, так как сани находились на некотором расстоянии от меня, а температура воздуха держа-

Голова мускусного быка.

лась на 4° ниже нуля. При отсутствии по близости «иглу» и невозможности сейчас же сбросить с себя промокшую одежду, такая ледяная ванна должна неизбежно кончиться весьма печально».

Приведу для контраста другую запись доктора, в которой он красочно описывает очарование полярного ландшафта.

«Когда я подходил к мысу Гуд, я невольно то и дело останавливался, чтобы полюбоваться видом. Позади остались мыс Хекла и полуостров Парри; впереди виднелись вершины-близнецы мыса Колумбия. На севере, за сравнительно ровным припаем, возвышались блестящие, белоснежные торосы, а на юге, у горизонта — причудливые острые гребни горных цепей, простирающихся почти параллельно побережью. День стоял ясный, и снопы солнечных лучей щедро заливали горные вершины; они сверкали золотом на фоне розовых облаков, медленно плывших по небосводу.

«Какое изобилие красок, какие непередаваемые оттенки и световые контрасты!

«Сейчас темнеет. Я пишу полулежа в «иглу», Инигито держит свечку. У меня так окоченели руки, что я с трудом вожу карандашом по бумаге».

12 октября солнце рассталось с нами, и все удлиняющиеся сумерки затруднили работу на воздухе. Пришлось прекратить всякую фотографическую деятельность. Моментальные снимки не удавались с середины сентября; первая выдержка равнялась пяти секундам, а последняя — 28 октября — составила 90 минут. С каждым днем становилось холоднее, и 29 октября температура упала до 32° ниже нуля.

Осенняя работа окончилась 5 ноября. В этот день вернулся с мыса Колумбия последний отряд под начальством Бартлетта. Полярная ночь вступила в свои права. Чтобы производить еще какую-нибудь наружную работу, надо было ждать полнолуния.

Мы прибыли сюда в полярный день, работали и охотились в течение арктических сумерек, и теперь, когда солнце и свет покинули нас на долгие зимние месяцы, почти все грузы, предназначавшиеся для весеннего санного похода, находились на мысе Колумбия; на станции у нас имелся достаточный запас свежего мяса; здоровье всех участников экспедиции было хорошее, и мы вступили в великую тьму со спокойной душой.

Глава XVII

ПОЛЯРНАЯ НОЧЬ

Сомневаюсь, чтобы человек, которому не приходилось зимовать в Арктике, мог себе представить, что такое полярная ночь. Только тот, кто день за днем, неделя за неделей и месяц за месяцем вставал утром и ложился вечером при искусственном освещении, может понять, как прекрасен солнечный свет.

В течение долгой арктической ночи мы считаем дни до возвращения света, а иногда, к концу темного периода, мы отсчитываем дни на календаре: 31 день, 30 дней, 29 дней и т. д., пока мы снова не увидим солнца.

Представьте себе нас, кучку добровольных пленников, в нашей зимней квартире на «Рузвельте», в 450 милях от Северного полюса. Ледяная стена удерживает корабль на месте в 150 метрах от берега; окружающий нас мир покрыт густой пеленой снега; в снастях завывает ветер; температура воздуха колеблется между 20° и 50° мороза, и с каждым новым океанским приливом до нас доносится зловещий стон встревоженных ледяных полей.

В периоды с лунным освещением, продолжающиеся 8—10 дней, когда луна словно кружится по небу, молодые участники экспедиции почти всегда уходили на охоту, но в остальное время мы в полном составе находились на корабле. В ясную погоду звезды бросают на землю холодный, мертвенный свет, который — пользуясь образным выражением Мильтона — делает «тьму видимой». Когда же небо затянуто тучами, а это бывает весьма часто, темнота такая густая, что она кажется осязаемой. Если в такую черную ночь, при беснующейся пурге, человек отваживается выйти из каюты, невидимая страшная сила словно гонит его обратно.

В первую половину зимы эскимосы жили в передней рубке. Круглые сутки топились плита в камбузе и печи

в помещении команды. Днем я держал дверь из своей каюты открытой, и тепло из камбуза проникало ко мне. Бартлетт и другие члены экспедиции обычно зажигали у себя керосиновые печки.

1 ноября мы ввели зимний распорядок дня: завтрак в 9 часов утра и обед в 4 часа дня. Заведующий хозяйством Перси выработал меню на неделю, которого мы придерживались в течение всей зимы.

Чтобы читатель мог себе составить представление о том, как питается зимующая арктическая экспедиция, я приведу целиком это меню:

Понедельник.	Завтрак: каша, бобы, черный хлеб, масло, кофе. Обед: жареная печенка, макароны с сыром, хлеб, масло, чай.
Вторник.	Завтрак: овсяная каша, яичница с ветчиной, хлеб, масло, кофе. Обед: мясные консервы с зеленым горошком, пуддинг, чай.
Среда.	Завтрак: каша, рыба, хлеб, масло, колбаса, кофе. Обед: жаркое с томатом, хлеб, масло, чай.
Четверг.	Завтрак: каша, яичница с ветчиной, хлеб, масло, кофе. Обед: мясные консервы с горошком, пуддинг, чай.
Пятница.	Завтрак: каша, рыба, хлеб, масло, кофе. Обед: гороховый суп, рыба, пирог с брусникой, чай.
Суббота.	Завтрак: каша, мясной бульон, хлеб, масло, кофе. Обед: жаркое с томатом, хлеб, масло, чай.
Воскресенье.	Завтрак: каша, печенье, хлеб, масло, кофе. Обед: лососина, фрукты, какао.

Беседа за столом касалась главным образом нашей работы. Мы обсуждали все детали последнего санного похода, или разрабатывали план следующей поездки. Для всех участников экспедиции находилось какое-нибудь дело, и мы все были слишком заняты, чтобы предаваться традиционной тоске зимовочных арктических партий. Кроме того мои спутники были недюжинными людьми, умевшими стойко переносить и однообразие скученного существования, ограниченного четырьмя стенами, и гнетущую печаль полярной ночи.

Я никогда не вводил сурового режима для членов своих экспедиций. Были установлены определенные часы для еды и считалось желательным тушить свет в 12 часов ночи, но если кому-нибудь хотелось посидеть при свете и после полуночи, это не возбранялось.

Эскимосам дозволялось есть в любые часы дня и ложиться спать, когда им заблагорассудится, но свою повседневную работу по изготовлению саней и шитью меховой

одежды они должны были выполнять по определенным нормам. Одно правило являлось для них безусловно обязательным: не шуметь и не петь с 10 часов вечера до 8 часов утра.

Наша зимовка на «Рузвельте» во многом отличалась от обычной судовой жизни. Склянки били лишь в 10 часов вечера и ровно в полночь; первый сигнал означал: «прекратите всякий шум», а второй: «погасите огни». Вахты несли только дневной и ночной дежурный.

За исключением нескольких случаев гриппа, здоровье сотрудников экспедиции оставалось вполне удовлетворительным во время всей зимы. Грипп в Арктике представляет довольно редкое явление. В 1892 г. вслед за чрезвычайно сильным штормом, пронесшимся, повидимому, по всей Гренландии и имевшим следствием повышение температуры воздуха с —35° до —5°, все участники моей партии и даже несколько эскимосов заболели гриппом. Мы тогда предполагали, что инфекция занесена к нам штормом, который был, конечно, не местного происхождения.

В начале ноября наступило первое зимнее полнолуние, и 7-го числа Мак-Миллан отправился на мыс Колумбия для производства наблюдений над приливами и отливами, взяв с собой матроса Джека Барнеса, Эгингва с женой и Инигито с женой. Вспомогательная партия в составе Пудлуна, Ублуя и Сиглу сопровождала Мак-Миллана, чтобы перевезти необходимые запасы, а Вишакупси и Кешунгва направились к мысу Ричардсон, откуда они должны были доставить на корабль шкуры мускусных быков, оставленные там во время осенней охоты.

Наблюдения над приливами и отливами на мысе Колумбия должны были явиться дополнением к аналогичным наблюдениям, производившимся в течение осени и зимы на мысе Шеридан, а затем, позднее, на мысе Бриант, по другую сторону канала Робезон. Эта работа экспедиции 1908—1909 гг. представила собой самую северную из когда-либо производившихся серий непрерывных наблюдений.

Марвин и Боруп воспользовались ноябрьским полнолунием, чтобы продолжить наблюдения над колебанием уровня моря под влиянием приливов и отливов, начатые ими до наступления темноты. На льду, над приливной трещиной, [1]

[1] Приливная трещина образуется под влиянием приливо-отливных колебаний уровня моря на границе между подошвой льда (или берегом) и припаем. *Прим. ред.*

Упряжка эскимосских собак.

приблизительно на расстоянии 180 метров от корабля был построен обычный эскимосский снежный домик: он служил кровом нашим молодым ученым во время их работы. В трещину во льду вставлялся доходивший до самого дна футшток длиною в 4 метра, разделенный на футы и дюймы. Лед и «иглу» поднимались и опускались под влиянием приливо-отливов вместе с водой, футшток же оставался неподвижным; определяя по нему положение края льда, мы измеряли приливо-отливные колебания уровня моря.[1]

Приливы у северных берегов Земли Гранта отличаются незначительной амплитудой, колеблющейся между 55 сантиметрами у мыса Шеридан и 24 сантиметрами у мыса Колумбия, в то время как в Сэнди Хук, в штате Нью-Йорк, вода поднимается иногда до 3½ метров, в заливе Гудзона на 12 метров, а в бухте Фенди на 15 метров.

Эскимосские женщины пошли с партией Мак-Миллана на мыс Колумбия, потому что туземцы не любят разлучаться с семьей, когда они уходят в продолжительные походы. Эскимосская женщина оказывает большую помощь; она сушит и чистит меховую одежду, постоянно рвущуюся во время санных поездок, так ловко заправляет светильник, что он светло горит и совершенно не коптит, управляет собачьей упряжкой наравне с мужчиной и недурно стреляет. Я знал эскимосок, которые шли на охоту на мускусных быков и даже на белых медведей; и хотя они и не отваживаются итти на моржей, но управляют каяком не хуже мужчин.

Уже с начала ноября собаки стали нас не на шутку тревожить. Многие погибли; почти все были в плохом состоянии, а корма у нас было немного. 8 ноября у нас осталось 193 лайки из 246, с которыми мы покинули в августе Эта. Привезенное для них китовое мясо, очевидно, было недостаточно питательным.

До 10 числа нам пришлось застрелить 9 собак, находившихся в безнадежном состоянии. Затем мы попытались кормить их свининой, и в результате еще 7 погибли. Меня охватили тяжкие сомнения, хватит ли нам собак для весеннего похода к полюсу?

Совершенно невозможно предсказать, как поведет себя эскимосская собака. Животное может существовать при самых неблагоприятных условиях; собака без отдыха тащит

---

[1] Пири описывает так называемый «ледовый футшток», нередко применявшийся и в практике советских полярных станций. *Прим. ред.*

тяжелый груз на голодном пайке; с легкостью переносит свирепую арктическую пургу и неожиданно, в хорошую погоду, после продолжительного отдыха, хорошо накормленная, ложится и умирает.

25 ноября мы снова осмотрели и пересчитали наших четвероногих питомцев. Осталось всего лишь 160, причем 10 из них были больны. С этого дня мы стали кормить собак моржовым мясом, так как, испробовав всевозможные виды корма, мы нашли, что моржатина наиболее удовлетворяет их потребностям.

В полярной экспедиции вопрос о собаках приобретает первостепенное значение. Достаточное количество собак — основное условие, предопределяющее успех похода. Лишись мы наших четвероногих помощников, мы могли бы преспокойно вернуться в Соединенные Штаты. И человеческая воля, и деньги, и труд — все было бы бессильно, Северный полюс не был бы завоеван!

Глава XVIII

«РУЗВЕЛЬТ» В БЕДЕ

Не подлежит сомнению, что строительство в полярных странах ведется в скромных размерах, но зато каждый путешественник, предполагающий совершать длительные переходы, должен уметь возводить себе жилище. Если же он не научится быть хорошим «строителем», неизбежно придет время, когда он об этом пожалеет.

К концу осенней полевой работы в брезентовых палатках стало слишком холодно, и мы построили по пути следования партий постоянные снежные «иглу», в которых проводили ночь проходящие отряды. Марвин, Хенсон и эскимосы научили новичков экспедиции искусству строительства снежных домов, ибо нельзя путешествовать зимою в Арктике, не умея построить себе надежный кров от холода и пурги.

Размер «иглу» обычно зависит от количества людей в партии. Построенный для трех человек, он имеет величину 1½ на 2½ метра, а для пяти человек — 2½ на 3 метра.

Четыре человека могут построить такой снежный домик в час. Сперва надо снежным ножом вырезать глыбы из снега. Своеобразные снежные ножи имеют в длину около 45 сантиметров; они сделаны из крепкой, негнущейся стали, с острием на одной стороне и пилой — на другой. Снежные глыбы вырезаются различных размеров: предназначающиеся для нижнего ряда дома больше и тяжелее, чем для верхних рядов; поставленные рядом, они должны образовать круг. Толщина стен зависит от плотности снега. Если снег очень плотный, стены могут равняться лишь нескольким сантиметрам; если снег рыхлый, глыбы должны быть соответственно больше. Иногда фундамент, т. е. нижний ряд, состоит из глыб, достигающих 1 метра длины и 60 сантиметров высоты; но бывает, что они и гораздо меньше, ибо твердых правил на этот счет не существует.

Когда нарезано достаточно глыб, чтобы построить «иглу», избирается место, где будет воздвигнут дом; затем «строитель» становится в середине будущей постройки, а его товарищи подносят снежные глыбы и укладывают их кольцом вокруг человека в центре, который ловко сглаживает неровности своим ножом-пилой. Второй ряд укладывается на первый, третий на второй и т. д., причем круг каждый раз несколько суживается; таким образом постройка имеет вид поднимающейся вверх спирали или пчелиного роя, пока не остается небольшое отверстие, которое заполняется одной глыбой.

Человек, находящийся в «иглу», поднимает изнутри глыбу, вставляет ее в отверстие в «крыше», поворачивает и при помощи ножа крепко устанавливает на место.

У подножья дома вырезается дыра, позволяющая человеку вползти в дом; у стены против входа снег утрамбовывается — это возвышение для сна; а на остальном пространстве выгребается яма, чтобы жители дома могли выпрямиться, не касаясь головой крыши.

Когда кров готов, путешественники вносят в дом спальные принадлежности и походную кухню, затем, накормив и привязав на ночь собак, они вползают в «иглу», плотно закрывают вход снежной глыбой, зажигают керосинку, согреваются, ужинают и, утомленные дневным переходом, быстро засыпают.

К счастью, бессонница мало тревожит полярника!

В санные походы мы не берем с собой будильников. Тот, кто просыпается первым, смотрит на часы, и, если время настало выйти в путь, он будит товарищей. После поспешного завтрака лагерь снимается, и отряд отправляется дальше.

В свою последнюю экспедицию я не принимал участия в зимних поездках, а оставался на корабле, разрабатывая план весенней кампании — санного похода к полюсу. Я изучал новый тип саней Пири, испытывал различные виды меховой одежды и вносил усовершенствования в новую модель спиртовой походной кухни. Кроме того, учитывая, что вес является чрезвычайно важным фактором в санном походе, я испробовал всевозможные виды снаряжения, стремясь добиться максимальной эффективности при минимуме веса. Часы досуга я посвящал набивке чучел животных, применяя для этого новый метод.

Вечером 11 ноября вокруг луны образовалось блестящее, яркое кольцо, и 8 ложных лун показались на небе. Это

явление[1] можно нередко наблюдать в Арктике; оно объясняется наличием в воздухе ледяных кристаллов. Мы долго любовались чудесным сказочным зрелищем, пока набежавшая туча не скрыла от нас мягкого сияния многочисленных маленьких лун.

На следующую ночь наш вечный недруг — лед, относившийся до сих пор к нашему присутствию вполне благосклонно, разгневался и пожелал отбросить «Рузвельт» к негостеприимному берегу.

Подувший днем ветер к вечеру усилился до шторма, и по кораблю пробежал жалобный стон. Я лежал на своей койке и прислушивался к завыванию ветра, а лунный свет, проникая в каюту, наполнял ее причудливыми тенями. Около полуночи к шорохам, слышавшимся на корабле, присоединился другой зловещий звук — скрежет разбуженного льда.

Я поспешно оделся и вышел на палубу. Вода прибывала, и во льду начинались заметные подвижки. При свете луны мы увидели, как стал разламываться пак и льдины взгромоздились одна на другую вблизи «Рузвельта». Спустя несколько минут вся эта масса с оглушительным грохотом низверглась в воду, образуя в нескольких метрах от корабля новое торосистое нагромождение, высотою в 10 метров.

По мере того как возрастал прилив, сжатие и движение льда усиливались; ледяные поля надвигались все ближе и ближе, пока, наконец, небольшой айсберг не столкнулся с «Рузвельтом». На мгновение мне показалось, что судно будет выжато на берег.

Мы вызвали команду и затушили все огни. Я не боялся, что корабль будет раздавлен льдом, но не исключалась возможность, что он накренится, и тогда от рассыпавшихся горячих искр мог начаться пожар на судне — этот непередаваемый ужас полярной ночи. Эскимосы сильно встревожились и затянули свою душераздирающую песню. Несколько семейств собрали пожитки, и вскоре женщины и дети спрыгнули через борт на лед и направились к ящичным домам на берег.

«Рузвельт» продолжал крениться, пока под утро не начался отлив. Сжатие прекратилось, но корабль выпрямился уже только весной. В эту ночь температура воздуха достигла 30° мороза, но мы отнюдь не чувствовали холода.

---

[1] В метеорологии это явление носит название «гало». Различного рода гало бывают как около луны, так и около солнца, причем в полярных странах это явление наблюдается особенно часто. *Прим. ред.*

«Иглу» Марвина, в котором он производил наблюдения над приливами, раскололся надвое, но наш невозмутимый молодой ученый продолжал наблюдения, представлявшие в эту ночь особенный интерес. Как только подвижки льда прекратились, я послал несколько эскимосов отремонтировать домик.

Трудно себе представить ту силу, которой достигают зимою арктические ураганы. Наиболее холодным является ветер, дующий с северо-запада, но по силе ничто не может сравниться с южными и югозападными ветрами.

Иногда шторм приходит постепенно. Сила ветра с каждым часом возрастает, пока он не переходит в безумный, ослепляющий ураган со снежными смерчами. Во время урагана на палубе невозможно устоять на ногах, а свет сильного прожектора становится совершенно невидимым на расстоянии десяти шагов.

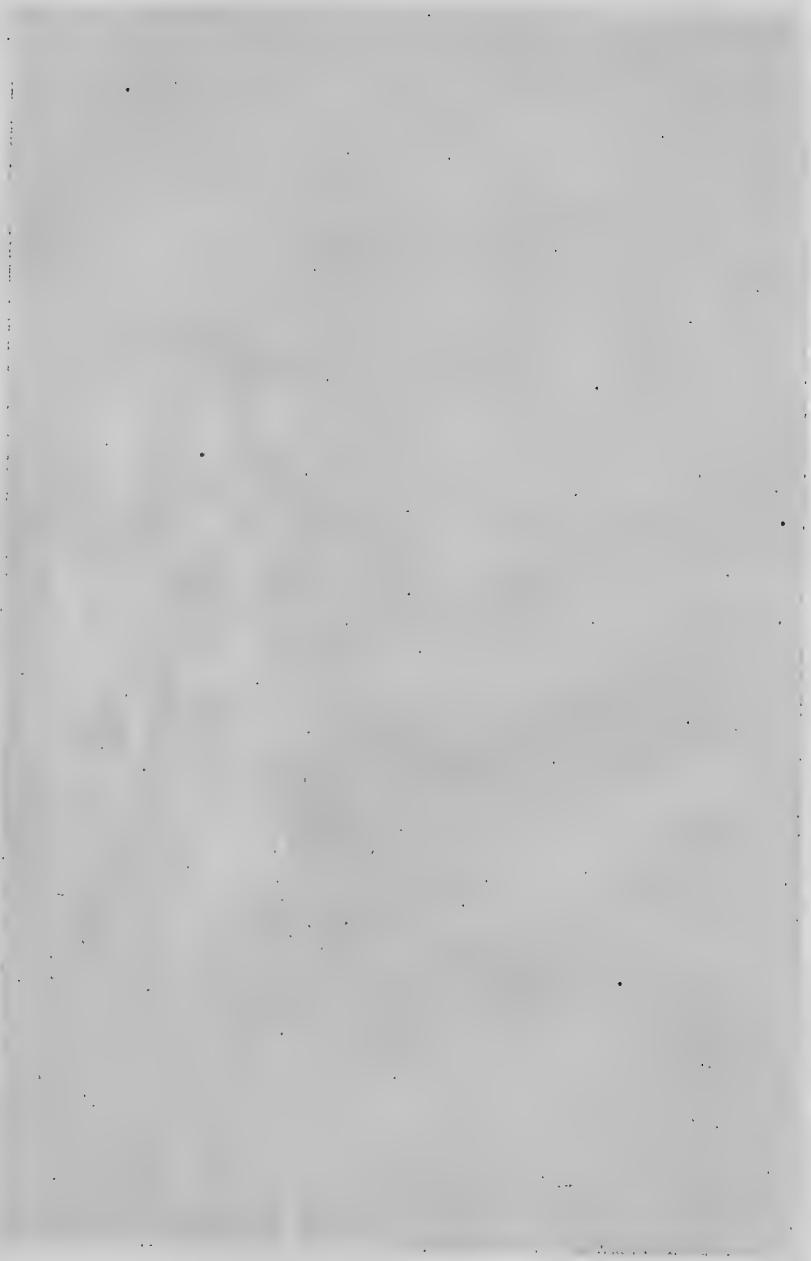
Когда во время санного похода путешественников настигает пурга, они волей-неволей остаются в снежном «иглу», пока метель не утихнет. Если же поблизости нет «иглу», они должны как можно скорее построить себе надежный снежный кров, как только заметят, что надвигается буря.

В декабрьское полнолуние многочисленные партии покинули корабль: капитан Бартлетт с двумя эскимосами на двух упряжках вышел на охоту к острову Хэзен; Хенсон отправился в бухту Клемента Маркхэма; Боруп с семью каюрами на семи санях поехал к мысу Колан и мысу Колумбия, а доктор Гудсэл — к бухте Джемса Росса. Партии взяли с собой обычный арктический паек, состоявший из чая, пеммикана и сухарей, в случае же успешной охоты путешественники питались бы свежим мясом. Помимо охоты, целью отрядов была перевозка грузов вдоль берега из одного склада в другой для облегчения весеннего похода.

Чтобы внести разнообразие в работу, участники экспедиции, остававшиеся в течение одного полнолуния на корабле, в следующий месяц совершали санные поездки. Судовой состав — машинисты, матросы и кочегары — редко выходил на охоту: было слишком опасно оставить «Рузвельт» без надежного присмотра.

У нас никто не скучал, потому что никто не оставался без дела. В часы досуга мы много читали. Я уже говорил, что в моей каюте имелась недурная библиотека, содержавшая почти полный комплект книг по вопросам полярных исследований. Тут были и труды Нансена, и описания экспедиций герцога Абруццкого, Грили, Хола, Хейса, Кэна и дру-

„Рузвельт", сжимаемый льдом.



гих, и целый ряд сочинений по исследованиям Антарктики. Все эти книги пользовались большим успехом и живо всеми обсуждались. Затем мы играли в шахматы, в карты, в домино, матросы музицировали — у одного была гармоника, у другого банжо, а по вечерам Перси, в ведении которого находилась пианола, устраивал для нас концерты. В итоге могу сказать, что за всю зиму я не слышал, чтобы кто-нибудь пожаловался на скуку или тоску по дому.

Глава XIX

КОНЕЦ ПОЛЯРНОЙ НОЧИ

Охота декабрьских партий успехом не увенчалась, Бартлетт застрелил всего лишь пять полярных зайцев. Путешествие капитана не обошлось без происшествия, которое легко могло окончиться весьма трагично. Находясь у острова Хэзен, он оставил своих спутников-эскимосов в «иглу», а сам пошел на разведки. Только он напал на оленьи следы, как густая туча надвинулась на луну, и беспросветная мгла окутала землю.

Делать было нечего, капитан стал ждать, пока небо очистится, а тем временем эскимосы, решив, что Бартлетт заблудился, вышли его разыскивать по направлению к кораблю. Как только луна снова выглянула из облаков, капитан пошел к югу от «иглу» и, к счастью, встретился со своими товарищами. Если бы он с ними разминулся, ему пришлось бы, чтобы дойти до корабля, покрыть одному 80 миль пути, без продовольствия, при надвигавшейся пурге.

На обратном пути партию преследовала плохая погода. Морозы стояли небольшие, но небо было преимущественно в тучах, а дорога тяжелая; при таких условиях итти, при почти абсолютной темноте, оказалось чрезвычайно мучительным. Фонаря у партии не было. Взамен него Бартлетт приспособил жестянку из-под сахару. Он вырезал по бокам жестянки небольшие отверстия и вставил в нее горящую свечку. Этот доморощенный светильник оказал бы партии немалую помощь, если бы не ветер, ежеминутно задувавший пламя свечи. По словам Бартлетта, он потратил в этот переход больше спичек, чтобы держать фонарь зажженным, чем эскимосская семья за целую зиму.

Вскоре после Бартлетта на корабль вернулись и остальные отряды . . . с пустыми санями.

Из-за неудавшейся охоты зимних партий нам пришлось еще сократить количество собак. Мы произвели осмотр на-

ших питомцев, в результате которого четырнадцать самых слабых, вряд ли переживших бы зиму, были убиты и использованы в качестве корма для других собак.

Многих интересует вопрос, чем питаются зимой дикие травоядные животные — мускусные быки и олени — в этой снегом покрытой стране. Как это ни странно, частые ураганы являются как бы союзником в их борьбе за существование, ибо ветры, сдувая снег с обширных участков земли, обнажают сухие травы и ползучие низкие кустарники, где животные и пасутся.

22 декабря наступила «полярная полночь» — в этот день солнце начало свое обратное путешествие на север. После обеда я собрал на палубе эскимосов и в кратких словах объяснил им, что скоро к нам вернется свет. В ознаменование этого события Марвин позвонил в корабельный колокол, Мат Хенсон тремя выстрелами приветствовал далекое светило, а Боруп пустил несколько ракет. Затем в кают-компании состоялось торжественное чаепитие, на котором всем жителям «Рузвельта» были розданы подарки: конфекты женщинам и детям и табак мужской части населения.

На маленького Пингашу, двенадцатилетнего мальчика, помогавшего Перси в камбузе, празднество произвело сильное впечатление. Истосковавшись по дневному свету, он сошел с корабля и побежал через ледяные холмы на юг, чтобы встретить солнце. Через несколько часов разочарованный мальчик вернулся на корабль, и я слышал, как Перси его утешал, объясняя ему, что хотя солнце и возвращается к нам, ему предстоит еще совершить длительное, трехмесячное путешествие.

На следующий день мы обнаружили, что наш запас пресной воды подходит к концу, и я выслал несколько эскимосов исследовать окрестные озерки. В мою предыдущую экспедицию нам приходилось растапливать зимою лед, а теперь оказалось, что в одном из озерков, расположенном на расстоянии мили от «Рузвельта», довольно много воды. Эскимосы построили над прорубью во льду снежный «иглу», подвезли к проруби бочки, наполнили их водой и на санях доставили на корабль.

29 декабря все участники экспедиции в последний раз собрались вместе за обедом — в этот вечер Марвин, капитан и участники их партии вышли в путь к гренландскому побережью, а когда мы снова встретились на корабле, после моего возвращения с полюса, Марвина уже не было с нами, он навсегда ушел от нас, став жертвой ледяной пустыни.

После капитана Бартлетта Росс Марвин был самым ценным работником экспедиции. В отсутствие капитана Марвин его замещал; кроме того на долю Марвина выпала не всегда благодарная работа по обучению новых членов экспедиции всем тонкостям полярного ремесла. В свою предыдущую экспедицию на «Рузвельте» Марвин лучше, чем кто-либо другой, усвоил основные принципы работы в Арктике.

Вместе с ним я детально разработал новый метод авангардных и вспомогательных отрядов. Этот метод, при наличии определенного протяжения маршрута, может быть математически вычислен; он дал прекрасные результаты при проведении санного похода в Арктике.

Партия, вышедшая вечером 29 декабря к гренландскому побережью, состояла из Марвина, капитана, 9 эскимосов-каюров и 54 собак. Их путь лежал на юг, вдоль берега до мыса Унион, а затем через лед канала Робезон к мысу Бреворт. Отсюда отряд Марвина вместе со вспомогательной партией должен был последовать на север к мысу Бриант, где Марвин предполагал в течение месяца производить наблюдения над приливами, а отряд капитана — на юг, вдоль льда бухты Ньюмэн до мыса Поларис, чтобы заняться там охотой.

На следующий день два отряда, один под начальством доктора Гудсэла, а другой во главе с Борупом, направились к мысу Белкнап. Доктор предполагал охотиться в бухте Клемента Маркхэма, а Боруп — у ледников, к северу от острова Хэзен.

Партия Борупа вернулась на корабль 12 января, убив на охоте 83 полярных зайца. Боруп рассказывал, что у ледника они обнаружили целую колонию, насчитывавшую около ста маленьких белых зверьков. Полярные зайцы дикостью не отличаются; они так близко подходят к охотнику, что их можно почти что взять голыми руками. Им неведом страх перед человеком, ибо человек очень редкий гость этих студеных областей. Боруп и каюры тесным кольцом окружили зайцев и, вместо того чтобы тратить на них патроны, били животных прикладами винтовок.

Возвращаясь с добычей к «иглу», Боруп и эскимосы заблудились. Ножи-пилы, необходимые для постройки снежного домика, остались в «иглу». Бушевала метель, небо было в тучах, и стоял трескучий мороз. Несчастные путешественники без конца шагали взад и вперед по снежной пустыне, чтобы не замерзнуть. Наконец, совершенно обессиленные, они опрокинули на бок сани, руками и ногами вырыли яму и легли отдохнуть. Когда буря утихла и небо прояснил-

Шири среди эскимосов на „Рузвельте"

лось, им очень быстро удалось найти свой снежный дом, который находился от них на расстоянии полумили.

Через несколько дней после Борупа вернулись и остальные отряды, кроме Марвина, оставшегося работать на мысе Бриант. Удачной охотой никто не мог похвастаться.

К концу января в часы полудня алая полоса стала появляться над южным горизонтом, и день заметно увеличился. Последняя зимняя луна медленно плыла по небу. Я записал в дневнике: «Конец лунам — скоро вернется к нам дневной свет».

В февральское полнолуние Бартлетт отправился к мысу Хекла, отряд Гудсэла перебросил грузы с мыса Хекла на мыс Колан, а Боруп снова вышел на охоту в бухту Маркхэма. Прежде чем покинуть корабль, доктор закончил вычисление средних месячных температур воздуха, причем оказалось, что все зимние месяцы, за исключением октября, были значительно холоднее, чем три года назад, в нашу предыдущую зимовку.

Последняя февральская партия вернулась 9 числа, и с этого дня мы все энергично занялись подготовкой к нашему большому санному походу. 14 февраля я в краткой беседе рассказал эскимосам о наших планах, о поручаемой им работе и о той награде, которую получат те, кто дойдет со мной до самой северной точки: лодку, палатку, ружья, винтовки, охотничье снаряжение, табак, трубки, патроны, ножи и проч.

Страх перед «великой полыньей», еще свежий в памяти участников экспедиции 1906 г., мгновенно улетучился при этих заманчивых перспективах, и когда я стал отбирать людей для своих санных партий, один только Паникпа выказал признаки страха. Большинство эскимосов уже столько раз ходили со мной в прошлом на далекий север, что они и сейчас готовы были попытать счастье.

Бартлетт вышел в путь 15 февраля с заданием пройти прямо к мысу Колумбия. Три отряда, следовавшие за Бартлеттом, должны были доставить грузы на мыс Колумбия, затем вернуться к мысу Колан, где у нас имелся склад, и перебросить запасы на мыс Колумбия. Партия Гудсэла вышла во вторник 16 февраля. Мак-Миллан и Хенсон — 18-го и Боруп — 19-го. Я рассчитывал встретиться с ними на мысе Колумбия в последних числах февраля.

Марвин со своей партией вернулся после полуторамесячного отсутствия с мыса Бриант 17 февраля, и снова вышел в путь — последний путь — 21 числа. Таким образом,

все партии, кроме моей, покинули корабль. Я должен был отправиться на следующий день.

Необычайная тишина и покой воцарились на «Рузвельте». Этот последний день я посвятил тщательному пересмотру всех деталей уже проделанной работы, чтобы быть уверенным, что ничего не забыто и ничего не упущено.

Когда я наконец убедился (чего мне не удавалось сделать во время шума и беготни последних суетливых недель), что все случайности предусмотрены и необходимые предосторожности приняты, я снова подверг анализу все моменты предстоящего похода и вспомнил те времена, когда я, как и сейчас, находился накануне выхода в безлюдный, неведомый Север.

В эту ночь я уснул с сознанием, что я сделал все, что было в моих силах и в моем разумении, и что каждый член экспедиции, также как и я, приложит все усилия, чтобы добиться успеха в нашем общем начинании. Исход же таился во власти стихии — он зависел от капризов арктической природы и от качества наших физических и нравственных сил.

Настал решающий момент в моей жизни. Утренний выход знаменовал собою натягивание тетивы прежде чем спустить последнюю стрелу в моем колчане.

Глава XX

ПРАВДИВОЕ ОПИСАНИЕ САННОГО ПОХОДА ПО АРКТИЧЕСКИМ ЛЬДАМ

Чтобы помочь читателю составить себе правильное представление о той работе, которую предстояло теперь выполнить экспедиции, я постараюсь ему объяснить, что означает путешествие на собаках по льду Ледовитого океана, а также опишу условия, с которыми нам пришлось столкнуться, и методы, применявшиеся нами для преодоления трудностей, возникавших на нашем пути.

Между зимней стоянкой «Рузвельта» на мысе Шеридан и мысом Колумбия — северной оконечностью Земли Гранта, избранной мною как точка отправления санных партий, — путь лежит то по подошве льда, то по суше; этот путь, длиной в девяносто миль, мы должны были сделать, прежде чем начать странствование по безграничным ледяным полям арктического моря.

От мыса Колумбия нам предстояло итти прямо на север по льду Ледовитого океана — покрыть путь в 766 километров.

Быть может, читатель, вспомнив замерзший пруд, на котором он в детстве катался на коньках, представит себе Ледовитый океан, как исполинский каток с ровной поверхностью, по которому весело мчатся собаки, помахивая пушистыми хвостами, в то время как укутанный в меха путешественник дремлет, покачиваясь на санях. Как ошибочны такие представления, как они далеки от истины!

Между мысом Колумбия и Северным полюсом нет ни суши, ни ровного, гладкого льда.

Первые несколько миль после того, как покидаешь материк, путь сравнительно легкий, так как идешь по припаю, достигающему местами нескольких миль в ширину. Внешняя кромка припая поднимается и опускается вместе с приливом и отливом, припай же в целом остается неподвижным, за

исключением мест, где огромные глыбы льда откалываются от него и уплывают в Ледовитый океан.

За припаем простирается неописуемая поверхность прибрежной полыньи — зона, где происходит вечная борьба между тяжелым пловучим льдом и неподвижным припаем. Прибрежная полынья постоянно открывается и закрывается, она открывается во время ветра, дующего с берега, и в сизигийный отлив, и закрывается, когда дуют северные ветры, и в сизигийный прилив.[1] Громадная сила ветра и течений разламывает лед на отдельности всевозможных размеров и очертаний, прибивает их к кромке припая и, нагромождая одну льдину на другую, образует огромные торосистые гряды, тянущиеся параллельно берегу.

Торосистая гряда имеет в высоту до 20 метров, а в ширину от 15—20 метров до четверти мили. Отдельные льдины, из которых образуются торосы, соответственно колеблются от размера бильярдного шара до величины небольшого дома.

Проход через торосистые гряды представляет исключительные трудности. Нередко приходится наравне с собаками тащить сани, при помощи ледорубов пробивать себе путь, а порою и поднимать через ледяные горы тяжелый груз — адская работа, от которой нестерпимо ноет спина и кажется, что мышцы отрываются от костей. Пространство между торосистыми нагромождениями обычно заполнено старыми, более или менее гладкими полями. Вопреки широко распространенному мнению, эти льдины не образовались от непосредственного замерзания морской воды; они представляют собой огромные куски льда, отколовшиеся от припая Земли Гранта и Гренландии и вынесенные в океан. Эти ледяные поля, всевозможных форм и очертаний, достигают свыше 30 метров толщины. Дрейфуя по воле ветра и течений, они ударяются друг о друга и раскалываются на части, причем отдельные льдины, нагромождаясь одна на другую, образуют бесформенные, неприступные торосы. В результате этой вечной борьбы, поверхность Ледовитого океана зимой совершенно чудовищна; мне кажется, нет слов, которые могли бы ее описать.

По меньшей мере девять десятых поверхности океана между мысом Колумбия и полюсом состоят из этих разво-

[1] Сизигийные приливы, при которых наблюдается наибольший подъем воды, случаются тогда, когда приливное действие луны совпадает с приливным действием солнца. Это обычно бывает сутки или двое после новолуния и полнолуния. *Прим. ред.*

роченных ледяных масс. Остальная часть — это лед, образовавшийся от непосредственного замерзания морской воды осенью и зимой. Толщина его никогда не превышает 2½—3 метров.

Условия погоды, господствующие в осенние месяцы, в значительной мере определяют характер поверхности океана во время зимы. Частые ветры с моря, в то время как все увеличивающийся холод словно цементирует ледовые массы, прибивают тяжелые льды к берегу, и края ледяных полей у стыка их взгромождаются в ряд торосистых гряд.

Если, с другой стороны, в период замерзания поверхности Ледовитого океана атмосферные условия относительно благоприятные и ветра мало, то часть огромных льдин откалывается от ледяных полей, и между ними образуются полосы сравнительно ровного, молодого льда.

Впрочем, описанные свыше торосистые нагромождения еще не самое большое зло арктического льда. Гораздо более мучительными и опасными являются полыньи, возникающие вследствие движения льда, гонимого ветром и течениями. Полыньи — это настоящий бич полярного путешественника: по дороге на север они могут преградить дальнейшее продвижение, а на обратном пути — отрезать путешественника от суши, оставив его блуждать по ледяной пустыне, пока он не погибнет голодной смертью. Появление полыней нельзя ни предсказать, ни рассчитать. Они открываются без всякого предупреждения непосредственно перед путешественником, вопреки всем известным физическим законам. Полыньи — это неизвестная величина полярного уравнения.

Иногда полыньи в виде небольших трещин пересекают почти по прямой линии многолетние льдины; порою они представляют собою зигзагообразные разводья, настолько широкие, что их невозможно перейти; но бывает — это целые реки, достигающие двух миль ширины и простирающиеся на восток и запад дальше, чем может охватить глаз.

Имеется немало способов, чтобы пересечь полынью. Можно итти вдоль нее в надежде, что найдется место, где противоположные края льда достаточно близко подходят друг к другу, чтобы перетащить через полынью наши длинные сани. Или, если имеются указания, что полынья затягивается, путешественник может обождать, пока образуется более или менее крепкий ледяной покров, чтобы перебросить упряжки. Или же можно вырезать снежными ножами и топорами большую глыбу льда и употребить ее в качестве па-

рома для перевозки саней и собак на другую сторону полыньи.

Однако, все эти способы нередко обречены на неудачу, когда подходишь к «великой полынье», расположенной у края материковой отмели, где последняя опускается в Ледовитый океан. Здесь можно обычно встретить зону открытой воды или непроходимый для собачьих упряжек молодой лед, что и случилось в наш поход на север в 1906 г., также как и во время незабываемого обратного пути экспедиции, когда «великая полынья» чуть было не явилась местом нашей гибели.

Бывает, что лед дает трещину непосредственно под основанием «иглу», и жители домика оказываются в ледяной воде. Хотя при этом человек и может выкарабкаться на поверхность, но при морозе в 45 градусов такая ледяная ванна весьма мало приятна.

По этой причине я никогда не пользовался спальными мешками, путешествуя по полярному льду. Я предпочитаю иметь руки и ноги на свободе, чтобы быть в любую минуту готовым ко всяким случайностям. Можно себе легко представить, какая участь ждет человека в спальном мешке, неожиданно проснувшегося в воде.

Трудности и лишения похода к Северному полюсу слишком многочисленны, чтобы их можно было перечислить в одной главе. Поэтому мы ограничимся кратким изложением наиболее существенных, а именно: неровная с торосистыми нагромождениями поверхность льда, по которой исследователю приходится путешествовать с тяжело нагруженными санями; страшные ураганы, сбивающие с ног и людей и собак; неожиданно возникающие полыньи, которые надо каким-то образом пересечь; лютые, ледянящие кровь морозы, порою достигающие 50° ниже нуля, и, наконец, мучительнейшие усилия, направленные к тому, чтобы перетащить через коварный полярный пак достаточно пеммикана, сухарей, чая, сгущенного молока и жидкого топлива для поддержания жизни участников партии.

Во время нашего последнего похода бывало так холодно, что водка замерзала, керосин становился белым и вязким, а дыхание собак стлалось густым паром, скрывающим из вида самих животных.

Бывает, идешь целый день при ослепляющей пурге, против беснующегося ветра, словно раскаленными иглами режущего лицо и тело сквозь малейшее отверстие в одежде. Те из моих читателей, которым когда-либо приходилось со-

вершать хотя бы небольшую прогулку в сильный ураган при легком морозе, наверно сохранили о ней яркое воспоминание. Возможно, они также помнят, каким блаженством им показалось тепло домашнего очага, к которому они поспешили вернуться. Так пусть же они представят себе путешественников, странствующих в течение долгих, нескончаемых часов в метель, при 35-градусном морозе, среди хаотически нагроможденных льдин; путешественников, которых не ждет в конце их дневного похода надежный кров, а лишь тесный, холодный снежный дом, который они притом должны сами себе построить, прежде чем преклонить усталые головы.

Меня часто спрашивают, испытывали ли мы чувство голода во время похода. Я затрудняюсь ответить на этот вопрос. Утром и вечером мы питались пеммиканом, сухарями и чаем; если бы мы ели больше, нам бы не хватило наших запасов. В общем, могу сказать, что с момента выхода с корабля и до возвращения на него я лично потерял 13½ килограммов в весе.

Однако, физическая и нравственная выносливость и закалка сами по себе еще недостаточны для достижения Северного полюса. Для этого нужны и многие годы упорной работы в полярных странах, и общие усилия опытных участников экспедиции, и исчерпывающие знания Арктики и всех ее коварных свойств — только при наличии всех этих условий человек может достичь далекой цели и невредимым вернуться домой.

Глава XXI

ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ УСПЕХА

Кто-то уже сказал, что наш поход к Северному полюсу менее всего походил на рискованный, молодеческий «набег» на полюс. И это сущая правда. Ничто не делалось случайно, ибо все было предусмотрено задолго до выхода экспедиции, и каждый шаг ее соответствовал плану, тщательно разработанному до мельчайших подробностей.

Главным фактором, определившим успех экспедиции, была стройная, математически обоснованная система. Все, что можно было учесть, было учтено, а силы, находящиеся вне контроля человека, как штормы, полыньи и т. п., были приняты во внимание, и, по возможности, предусмотрены методы преодоления их.

Мы знали, что сани будут ломаться в пути, а собаки погибать, поэтому мы сконструировали сани таким образом, чтобы из двух сломанных нарт можно было сделать одни, и взяли с собой количество собак с учетом высокого процента их смертности.

Так называемая «система Пири» слишком сложна и содержит слишком много технических деталей, чтобы ее можно было полностью привести на страницах популярной книги, но основные моменты ее заключаются приблизительно в следующем.

Корабль экспедиции должен пройти через льды к самой северной точке на материке, откуда он мог бы вернуться обратно в следующем году.

Во время зимовки вести интенсивную охоту, чтобы у участников имелся всегда запас свежего мяса.

Взять с собой на 60% больше собак, чем потребуется.

Подобрать трудоспособных, выносливых и безусловно преданных общему делу людей, в числе которых обязательно должны быть уроженцы крайнего Севера — эскимосы, как наиболее приспособленные к суровым условиям Арктики.

Торосистая гряда.

Предварительно доставить к месту выхода экспедиции в санный поход достаточно провианта, топлива, одежды, походных кухонь (керосиновых и спиртовых) и других предметов снаряжения, дабы главная партия могла дойти до полюса, а вспомогательные отряды до места назначения и обратно.

Экспедиция должна быть обеспечена лучшим типом саней.

В составе экспедиции предусмотреть определенное число вспомогательных отрядов, каждый под начальством опытного полярника.

Тщательно проверить и испытать каждый предмет снаряжения, чтобы убедиться, что он наилучшего качества, вполне соответствует той цели, для которой предназначается, и имеет минимальный вес.

Досконально знать, как лучше пересечь любую полынью.

Вернуться по тому же самому пути, по которому экспедиция шла на север, используя проложенную дорогу и уже построенные по пути следования снежные дома. Этим сберегается время и силы, которые в противном случае пришлось бы потратить на постройку «иглу» и проложение нового пути.

В точности знать физические и нравственные свойства участников, равно как и предел трудоспособности каждого человека и собаки.

Наконец, начальник экспедиции должен пользоваться абсолютным авторитетом у всех участников экспедиции, дабы любое его приказание беспрекословно исполнялось.

Вот перечень условий, дающий известное представление о «системе Пири».

Отряд под начальством Бартлетта был нашим авангардом; он должен был находиться впереди главной партии на расстоянии одного дня пути. В свою последнюю экспедицию я решил держать авангардный отряд вблизи главной партии, чтобы он не оказался отрезанным от последней быстро образующейся полыньей, не имея с собой достаточного запаса продовольствия.

Отряд Бартлетта состоял из него самого и трех эскимосов: Пуадлуна, «Харригана» и Укеа, одной упряжки собак и саней, с легким грузом провианта, рассчитанного на пять дней.

Второй отряд, состоявший из Боруна, 3 эскимосов — Кешунгва, Сиглу и Карко — и 4 упряжек со стандартными

грузами, играл роль передовой вспомогательной партии. Этому отряду поручалось сопровождать Бартлетта в течение трех переходов, затем устроить склад и, оставив там груз и одни нарты, поспешно вернуться с пустыми нартами на мыс Колумбия, нагрузиться вновь и догнать главную партию, покинувшую материк на следующий день после обоих отрядов.

Чтобы читатель мог составить себе ясную картину нашего путешествия по льду Ледовитого океана, ему необходимо понять и усвоить теорию и практику авангардных и вспомогательных партий. Без этой системы, как было доказано многочисленными прошлыми экспедициями, оказалось бы физически невозможным дойти до Северного полюса и вернуться с него.

Мысль о применении в Арктике вспомогательных партий, разумеется, не нова,[1] хотя в наш последний поход осуществление ее получило невиданный доселе размах; но авангардный отряд — целиком мое детище, поэтому я позволю себе несколько дольше остановиться на его заданиях и целях.

Авангардный отряд состоял из четырех наиболее сильных и опытных членов экспедиции. Он отправлялся в путь с легким грузом продовольствия на 5—6 дней и лучшей упряжкой собак. Когда мы покидали мыс Колумбия, авангардный отряд, под начальством Бартлетта, вышел на 24 часа ранее главной партии. Позднее, в полярный день, когда солнце светило круглые сутки, расстояние между авангардным отрядом и главной партией сократилось до 12 часов, т. е. до одного дня пути.

По возложенному на него заданию авангардный отряд должен был ежедневно совершать определенный переход, невзирая ни на какие помехи, за исключением, разумеется, непроходимых полыней. Свирепствовала ли пурга, бушевал ли ураган, встречались ли по пути торосистые нагромождения — свой маршрут авангардный отряд должен был пройти. Опыт показал, что любой путь, пройденный передовым отрядом со своим легким грузом, может быть покрыт за такое же, или меньшее время, и главной партией со своими тяжело нагруженными санями, потому что она идет по уже проторенной дороге, не теряя времени на разведки. Другими словами, авангардный отряд является как бы ме-

[1] В частности метод вспомогательных партий применялся в экспедиции герцога Абруццкого к Северному полюсу. *Прим. ред.*

рилом пути, пройденного экспедицией, ибо покрытое им расстояние соответствует продвижению главной партии.

Начальник отряда, в данном случае, Бартлетт, шел впереди упряжек, обычно на лыжах. Таким образом, начальник авангардного отряда шел в авангарде своей партии, а весь отряд — в авангарде главной партии.

Весьма важно, чтобы мучительная работа по проложению пути через неровный торосистый лед была выполнена последовательно одним отрядом за другим, дабы сохранить силы участников главной партии для их последнего перехода. Благодаря сравнительно большому количеству людей в моей партии я мог всегда отозвать участников авангардного отряда, обессиленных тяжелыми переходами и отсутствием сна, и выслать на их место другой отряд.

Вспомогательные партии необходимы для успеха экспедиции, потому что участники одной партии, из какого бы числа людей и собак она ни состояла, не могут тащить до полюса и обратно (приблизительно девятьсот миль) потребное на все время пути количество продовольствия и жидкого топлива для людей и собак этой партии. Легко понять, что за несколько дней похода по безжизненной ледяной пустыне, где нет никакой возможности добыть хотя бы один грамм пищи, продовольствие одной или нескольких нарт поглощается людьми и собаками. Когда это случается, каюрам с пустыми санями приходится немедленно вернуться на сушу. Это — лишние рты, на которые нельзя тратить оставшиеся драгоценные запасы провианта.

Чем дальше идет партия, тем больше освобождается нарт, которые вместе с упряжками собак и каюрами должны быть отосланы обратно, чтобы обеспечить успешное продвижение главной партии.

Впрочем, у наших вспомогательных партий было еще одно задание: держать в порядке проложенный путь для быстрого возвращения главной партии.

Важность этой задачи ясна. Во время сильного ветра поверхность Ледовитого океана, даже в середине зимы, претерпевает за сутки значительные изменения: ледяные поля надвигаются друг на друга, образуя в одних местах торосистые нагромождения, а в других — разводья и полыньи. Последовательно возвращающиеся вспомогательные отряды восстанавливают проложенный ими же по дороге на север путь.

Таким образом, главная партия свой обратный поход совершает по проторенной дороге. Этим сильно облегчается

и сокращается путешествие: партия не теряет времени в выборе пути, собакам легче итти по старому следу; кроме того участники избавлены от постройки по вечерам снежных домов, ночуя в «иглу», построенных по пути на Север.

Когда вспомогательные партии заканчивают свою важную работу по проложению пути и перевозки грузов, главная партия, в момент выхода в последний переход, должна состоять из очень небольшого количества участников, тщательно отобранных, т. е. из самых сильных и выносливых членов экспедиции. Придя на материк, вспомогательные отряды на лед уже не возвращаются.

У нас каждый отряд состоял из 4 человек. Он имел с собой полный комплект походного снаряжения и являлся совершенно самостоятельной единицей. На каждой нарте находился провиант для людей и собак и одежда каюра. Стандартный груз саней содержал продовольствие для каюра и упряжки собак на пятьдесят дней. В этот поход мы пользовались исключительно новым типом спиртовых кухонь, усовершенствованных мною во время зимы. Керосиновые печки у нас были только совсем маленькие, с фитилем в 5 сантиметров; на них мы сушили варежки.

Обычный порядок погрузки саней таков: на дно во всю длину и ширину саней укладывают красные банки с пеммиканом для собак; затем банки с сухарями, на них синие банки, содержащие пеммикан для людей; жестянки со спиртом и сгущенным молоком; небольшую шкуру, служащую одеялом во время ночевок в снежных домах; лыжи и запасную пару обуви и, наконец, на самом верху, ледоруб и снежный нож для нарезания глыб из снега. В наш поход к полюсу мы взяли с собой еще несколько пар эскимосских тюленьих пим, — легко себе представить, как быстро изнашивается обувь, когда идешь несколько сот миль по неровной поверхности льда. Мы старались придать грузу максимальную компактность для бóльшей устойчивости саней.

Стандартный дневной паек на одного человека во время похода к полюсу состоял из 500 граммов пеммикана, 500 граммов сухарей, 115 граммов сгущенного молока и 15 граммов чая, всего 1130 граммов провианта и 170 граммов жидкого топлива (спирта или керосина) на человеко-день.

На этом пайке, содержащем большое количество калорий, человек может очень долго существовать, много работая при самых низких температурах воздуха.

Дневной паек собаки составлял 500 граммов пеммикана; но эти животные — потомки полярного волка — настолько

выносливы, что они могут выполнять в течение долгого времени самую тяжелую работу почти без всякой еды. Впрочем, я всегда старался распределить провиант таким образом, чтобы собаки питались не хуже меня.

Одним из разделов научной работы экспедиции явились измерения глубины моря, производившиеся на всем пути от мыса Колумбия до полюса. Измерительный прибор состоял из двух деревянных барабанов, соответствовавших по величине ширине саней; съемных деревянных рукояток к ним; специальной стальной фортепианной проволоки, диаметром в 0,7 миллиметра, и лота, весом 6½ килограммов, на конце которого находился маленький бронзовый двустворчатый ковш, захлопывающийся при соприкосновении со дном и захватывающий образцы грунта. На каждый барабан наматывалось 1830 метров проволоки, весившей 20 килограммов.

Один измерительный аппарат находился у главной партии, а другой — у авангардного отряда. Переходя полынью, мы производили измерения с края ее. Когда не было открытой воды, мы делали прорубь во льду, если он был для этого достаточно тонок. Благодаря небольшому весу аппаратуры двое участников могли легко производить промеры.

Расстояние, которое мы проходили день за днем, сперва определялось счислением, а затем проверялось полуденными наблюдениями высоты солнца. Наш метод счисления был весьма примитивен: направление мы определяли по компасу, а для вычисления расстояния брали среднее моих предположений, Бартлетта и Марвина о длине пройденного за день пути. На борту корабля счисление ведется по компасному курсу (для направления) и по лагу (для расстояния). Но на полярном льду, говоря откровенно, счислением являются личные предположения путешественников о пройденном расстоянии, от времени до времени проверяемые астрономическими наблюдениями.

В нашей экспедиции имелось трое столь опытных путешественников по арктическому льду, что они могли почти точно определить пройденное за день расстояние. Это были Бартлетт, Марвин и я. Когда мы сверяли наше счислимое положение, путем астрономических наблюдений, оказывалось, что среднее наших догадок удовлетворительно сходится с результатами наблюдений.

Разумеется, одно счисление, совершенно не проверяемое астрономическими наблюдениями, было бы недостаточно для научных целей. На первых порах нашего похода солнца не

было, и мы не могли производить наблюдений. Позднее, когда мы шли при солнечном свете, мы делали наблюдения, необходимые для исправления наших счислений, но не более, так как мне не хотелось, чтобы мои товарищи тратили слишком много энергии и утомляли свое зрение.

Фактически наблюдения производились через каждые пять переходов.

Глава XXII

ПО ЛЬДУ ЗАМЕРЗШЕГО ОКЕАНА

Настоящая работа экспедиции началась с момента выхода санных партий к мысу Колумбия. Предыдущим летом мы совершили плавание через предательские льды, простиравшиеся от Эта до мыса Шеридан; осенние сумерки провели в охоте, чтобы запастись свежим мясом; в долгую, мрачную полярную ночь готовились к весне и с нетерпением ждали возвращения солнца, чтобы сразиться с полярной стихией и завоевать проход через безжизненные пространства ледяной пустыни. Теперь все это было уже позади.

22 февраля, в 10 часов утра, я наконец покинул корабль и направил свои шаги на север. Со мной шли два молодых эскимоса — Арко и Кудлукту; у нас были две нарты и 16 собак.

Свинцовые тучи затянули небосвод, валил снег, и температура держалась на 35° ниже нуля. Было уже достаточно светло, чтобы итти без фонаря.

В пути находилось семь участников моей экспедиции, 19 эскимосов, 140 собак и 28 саней. Как уже было указано, я должен был встретиться с передовыми отрядами на мысе Колумбия в последних числах февраля. Все партии точно придерживались маршрута, выработанного осенью во время перевозки грузов на мыс Колумбия. Мы шли большей частью вдоль берега, по припаю, изредка сворачивая, ради сокращения, на сушу.

В последний день февраля Бартлетт и Боруп вместе со своими отрядами отправились в ледовый поход. Погода стояла ясная, безветреная и морозная. После ухода авангардного отряда я произвел осмотр всех оставшихся саней, чтобы удостовериться, что на каждой нарте находится стандартный груз и полный комплект снаряжения. Покидая «Рузвельт», я располагал достаточным количеством собак, чтобы отправить на лед 20 упряжек по 7 собак в каждой,

но уже на мысе Колумбия у нас погибло 6 собак; таким образом осталось всего 19 упряжек.

Недомогание двух членов экспедиции внесло дальнейшее расстройство в мои планы. Я решил организовать «дорожную бригаду», снабженную ледорубами, состоявшую из Марвина, Мак-Миллана и доктора Гудсэла, которой поручалось итти впереди главной партии, чтобы расчищать и сглаживать путь. Но тут неожиданно оказалось, что двое эскимосов не смогут пойти в поход: один отморозил себе пятку, а у другого распухло колено. Такое уменьшение числа каюров означало, что Марвину и Мак-Миллану придется управлять упряжками. Итак, «дорожная бригада» сократилась до одного человека — доктора Гудсэла.

Когда я проснулся на рассвете 1 марта, вокруг снежного домика гулял ветер. Я выглянул в отверстие «иглу» и с облегчением увидел, что небо безоблачное и звезды сверкают, как алмазы.

После завтрака, как только занялся свет, мы вышли из «иглу» и осмотрелись кругом. Дул сильный восточный ветер, и над ледяными полями на севере, также как и над низменной частью суши, стлался сероватый туман, обычный признак надвигающегося снежного шторма.

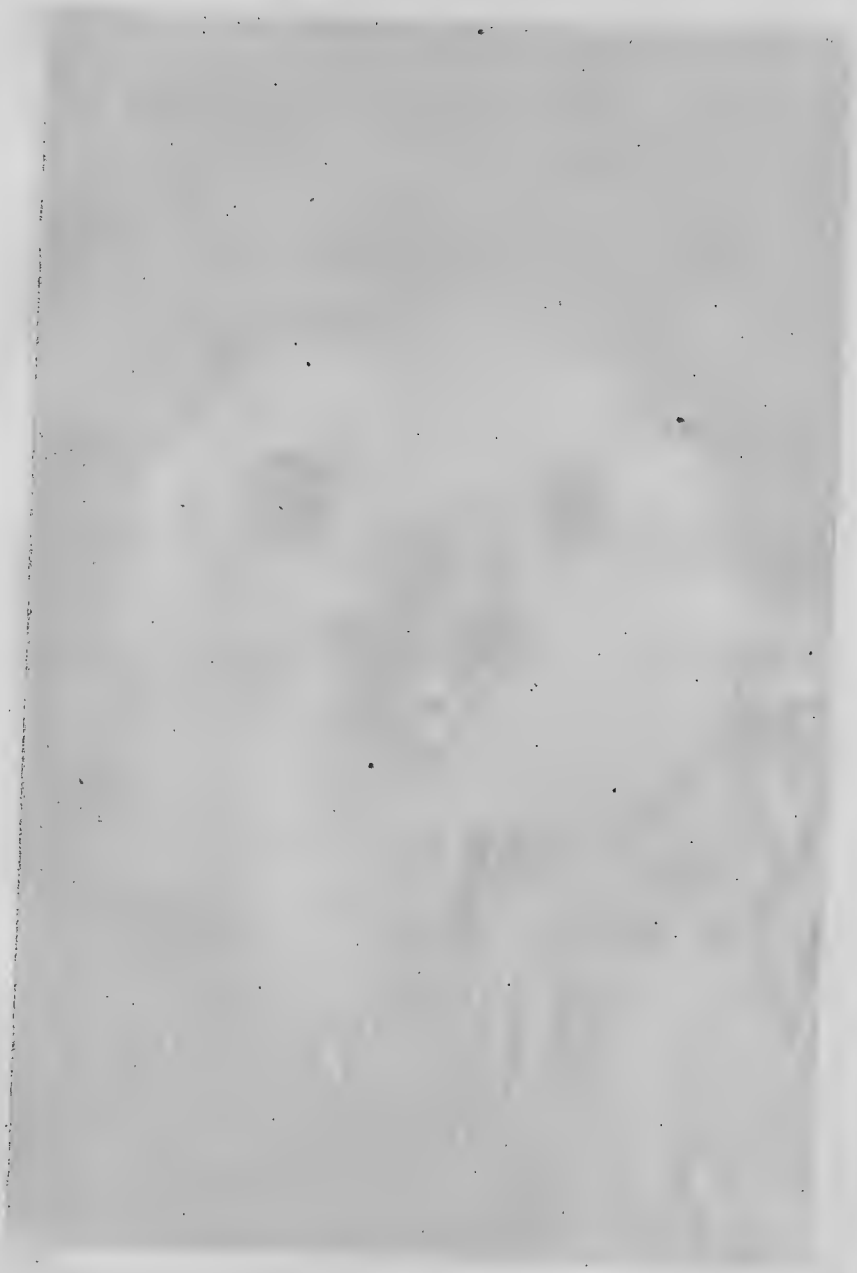
Если бы мы были хуже одеты, возможно, пришлось бы отложить выход партий. Но наученный долголетним опытом я распорядился, чтобы все участники экспедиции носили во время перехода с корабля на мыс Колумбия свою старую зимнюю одежду и надели бы новый комплект, специально сшитый для санного похода, когда будут покидать Колумбию. Итак, на нас были наши новые, сухие меховые малицы и брюки, и мы могли попытать счастье и в пургу.

Упряжки выстроились гуськом, раздались крики каюров, хлопание бичей, и отряды, один за другим, двинулись в поход, следуя по пути, по которому накануне прошли упряжки Бартлетта. Отъезд процессии был бесшумным — восточный ветер уносил все звуки; уже через несколько мгновений людей и собак поглотили туман и падающий снег и скрыли их из наших глаз.

Мой отряд замыкал шествие. Прежде чем выйти в путь, мы привели в порядок разбросанные по всему лагерю грузы и запасы; затем я сказал двум больным эскимосам, чтобы они дожидались в «иглу» возвращения первой вспомогательной партии, которая должна была доставить их на корабль.

Через час пути мой отряд дошел до края припая. Вся экспедиция, состоявшая из 24 человек, 19 саней и 133 собак,

Полярная сова.



находилась наконец на льду Ледовитого океана, приблизительно на 83-й параллели.

Погода продолжала оставаться ненастной. К счастью, мы шли по уже проложенному пути, по которому могли следовать с опущенной головой и полузакрытыми глазами, поэтому ветер не причинял нам слишком большого беспокойства. Тем не менее я знал, хоть и старался не задумываться над этим, что действие ветра на поверхность льда впереди неизбежно сопровождается появлением полыней и разводьев, которые могли легко оказаться поперек нашего пути.

Дорога становилась все тяжелее и тяжелее. Вскоре перед нами возвышались ранее описанные торосистые нагромождения, и тут уж, несмотря на работу ледорубами, трудно пришлось и людям и собакам. Новые сани «Пири», благодаря их длине и особенной форме, легче скользили по льду, чем сани старого эскимосского типа. Когда мы наконец миновали чудовищную полосу приливной трещины и оказались на многолетнем льду, у нас у всех вырвался вздох облегчения. Снег, плотно убитый зимними ветрами, лежал не очень глубоко. Все же поверхность была очень неровная, и наши деревянные сани, ставшие хрупкими от сильного холода, скрипели и стонали.

Мы неуклонно двигались вперед, как вдруг нам навстречу попался Кыута, из отряда Марвина, спешивший обратно на материк с пустыми санями. Он сломал свою нарту, и Марвин предпочел послать его за запасными санями на мыс Колумбия вместо того, чтобы заняться на месте починкой. Простившись с нами, Кыута помчался дальше. Он должен был, не теряя ни минуты в пути, достигнуть мыса Колумбия и в тот же вечер вернуться на лед и соединиться с нами.

Несколько дальше мы встретили Кудлукту. Сломав нарту, он также возвращался на землю.

Через некоторое время мы догнали два наших отряда, которые вынуждены были остановиться, чтобы заняться починкой саней, получивших сильные повреждения при столкновении с острыми льдинами.

Наконец, к вечеру мы дошли до первой стоянки капитана, в десяти милях расстояния от берега. Тут нас ждали два снежных домика, построенные нашими двумя авангардными отрядами.

Мой отряд занял один из них, а отряд Марвина—второй. Партиям Гудсэла, Мак-Миллана и Хенсона предстояло в этот вечер построить себе жилища.

Пока Бартлетт и Боруп шли впереди, они строили два «иглу» на каждой стоянке. Мои преклонные лета давали мне право занимать один из них, а очередность занятия второго уже построенного домика партиями Марвина, Мак-Миллана, Гудсэла и Хенсона была решена путем жребия в Колумбии, причем первая очередь досталась Марвину. Позднее, когда только отряд Бартлетта шел в авангарде, на стоянках имелся один лишь «иглу».

Последняя упряжка достигла лагеря, когда уже было совсем темно. Полярные путешественники, утомленные тяжелым переходом, поспешили построить «иглу» и накормить собак, после чего они влезли в свои снежные жилища, предоставив ледяную пустыню темноте, морозу и ветру. Мне лично переход дался не легко — впервые за много лет у меня сильно разболелась нога, которую я сломал в Гренландии в 1891 г.

Только я собирался закрыть снежной глыбой отверстие в «иглу», как к нам вбежал один из эскимосов отряда Хенсона. Дрожа от страха, он сообщил мне, что Торнарсук несомненно находится в лагере. По мнению эскимоса, только присутствием «великого чорта» можно было объяснить странное явление, что спирт не горит в их плите. Меня это чрезвычайно удивило: прежде чем выйти в поход, мы испробовали наши плитки, и все они прекрасно действовали. Я пошел в «иглу» Хенсона; оказалось, он уже употребил целую коробку спичек в безуспешных усилиях зажечь спиртовку. Наши походные кухни были совершенно новой конструкции, без фитилей, и после беглого осмотра я понял, в чем дело.

При большом холоде спирт почти не испаряется, ввиду чего он и труднее воспламеняется, чем при более высоких температурах. Кусочек зажженной бумажки, брошенный в печку, мгновенно разрешил вопрос, и инцидент окончился ко всеобщему удовлетворению.

Глава XXIII

ПЕРВАЯ ОТКРЫТАЯ ВОДА

С первым серьезным препятствием мы столкнулись уже на следующий день, т. е. через два дня после выхода в путь. Небо было облачное, и восточный ветер продолжал дуть с неослабевающей силой. Я снова сознательно шел позади партий; это давало мне больше возможности следить за общим порядком и помогать отставшим товарищам. Путь был такой же тяжелый, как накануне, — люди и собаки мучительно медленно подвигались вперед.

Когда мы уже покрыли три четверти дневного маршрута, я увидел впереди, у северного горизонта, темную зловещую тучу — верный предвестник открытой воды. Над полыньями всегда стелется туман. Испарения воды сгущаются в холодном воздухе и порою образуют такой густой туман, что он напоминает дым лесного пожара.

Мои предположения оказались правильными. Мы заметили на льду многочисленные черные точки, которые при приближении превратились в людей, собак и сани. Они были остановлены полосой чистой воды шириной, приблизительно, в четверть мили. Полынья образовалась накануне, после прохода отряда капитана. Ветер возымел свое действие!

Я распорядился разбить лагерь (ничего другого не оставалось делать), и пока мы строили снежные дома, Марвин и Мак-Миллан измерили в полынье глубину моря, которая оказалась равной 175 метрам.

Ночью во льду начались подвижки, сопровождавшиеся своеобразным скрежетом. Полынья затягивалась. Как только рассвело, я поднялся и разбудил своих товарищей. Утро было ясное, но ветер все не унимался.

Наспех позавтракав, мы стали переправляться через полынью по молодому, непрерывно двигавшемуся льду. Такой переход не лишен опасности: в любую минуту и сани, и упряжка, и каюр могут очутиться в ледяной воде. К счастью,

у нас все обошлось благополучно. На другой стороне полыньи мы не обнаружили следов отряда Бартлетта. Повидимому, во время подвижек льда дорогу унесло.

Приблизительно через час ходьбы две новые полыньи преградили нам путь. Молодой, недавно образовавшийся лед на западной полынье, хотя и слишком тонкий, чтобы переправить по нему тяжело нагруженные сани, все же был достаточно крепок, чтобы удержать человека. Воспользовавшись этим, я послал Кыута на запад разыскать следы отряда капитана, в то время как другие эскимосы, устроив из снежных глыб укрытие от ветра, стали чинить сани.

Вернувшись через полчаса, Кыута сообщил, что он нашел след Бартлетта. Вскоре после его возвращения берега полыньи сомкнулись; найдя более или менее безопасную переправу, мы поспешили перетащить сани, после чего направились на запад, где мили через полторы обнаружили путь, проложенный авангардным отрядом.

Тут мы увидели по ведущим на юг следам, что партия Борупа, в соответствии с выработанной программой, недавно прошла эти места на обратном пути к мысу Колумбия. Участники партии, повидимому, пересекли полынью и теперь искали наши следы где-нибудь на южной стороне.

В тот же день я послал обратно в Колумбию Марвина и Кыута.

Мною руководили следующие соображения. В случае возникновения каких-нибудь осложнений в пути и на мысу новичку Борупу могла понадобиться помощь более опытного человека; кроме того часть наших жестянок со спиртом и керосином дали течь в результате сильных сотрясений, и нам нужно было пополнить запас топлива. Перераспределение грузов заняло несколько минут, и вскоре Марвин со своим смуглым спутником исчезли из виду.

К вечеру мы дошли до третьего лагеря капитана. В течение целого дня нам сопутствовал ветер, и по «водяному небу» мы знали, что нас окружают полыньи. К счастью, разводья не пересекали непосредственно нашего пути, и дорога особенных трудностей не представляла.

Я забыл упомянуть, что в этот день мы видели далеко на юге, над вершинами высоких гор, яркое желтое зарево — другими словами, спустя почти пять месяцев мы снова видели солнце, медленно плывшее вдоль южного горизонта. Еще несколько дней, и оно должно было воссиять во всем своем блеске. Чувства полярного путешественника к возвращающемуся светилу после бесконечно долгой полярной ночи

трудно понять тому, кто привык каждое утро просыпаться при солнечном свете.

На следующий день, 4 марта, погода сильно изменилась. Небо затянулось тучами, ветер переменил направление с восточного на западное, пошел снег, и температура поднялась до —23°. После пятидесятиградусных морозов нам положительно казалось, что наступила жара. Полыней было еще больше, чем накануне: их присутствие выдавали тяжелые темные тучи. Вначале полыньи тянулись параллельно нашему маршруту, не препятствуя продвижению партий.

Однако, около полудня я увидел далеко впереди, приблизительно милях в пятнадцати к северу от нас, широкую, зловещую черную полосу на небе, простиравшуюся на восток и на запад. Это меня сильно встревожило. Повидимому, лед двигался во всех направлениях, а резкое потепление и снег — следствия западного ветра — способствовали образованию большого количества разводьев.

Перспективы были не из приятных; зато, как бы в виде компенсации, дорога представляла меньше трудностей. По мере нашего продвижения меня удивляло то обстоятельство, что ни одна полынья не врезалась до сих пор в след Бартлетта. Собаки быстро двигались по проторенной дороге, и хотя переход был несомненно длиннее, чем предыдущий, мы до темноты дошли до «иглу» авангардного отряда.

Здесь я нашел записку от Бартлетта, доставленную, очевидно, одним из каюров, в которой капитан сообщал, что он разбил лагерь на расстоянии мили к северу, остановленный непроходимой полыньей. Это явилось объяснением черной зловещей полосы, которую я уже в течение нескольких часов наблюдал над северной частью горизонта; теперь эта страшная туча находилась уже почти над нами.

Мы пошли вперед и вскоре достигли стоянки капитана. Тут моим глазам открылось столь знакомое мне по прошлым походам безрадостное зрелище: белоснежное ледяное поле, перерезанное поясом изсиня-черной воды. Густой пар поднимался с воды, образуя над головой мрачную тучу; по временам она понижалась и затемняла противоположные берега этой предательской реки.

Полынья открылась непосредственно в многолетнем льду. Если учесть, что лед достигает 30 метров толщины, то приходится признать, что сила, которая могла образовать в нем такую реку, аналогична тем силам, которые сбрасывали горы на материках и прорывали каналы между землями.

Бартлетт рассказал мне, что предыдущей ночью, будучи в лагере, где я нашел его записку, т. е. на расстоянии мили к югу, он проснулся от грохота, которым сопровождалось вскрытие этой огромной полыньи. Теперь ширина полосы открытой воды составляла около четверти мили, она тянулась на восток и запад. Подвижек льда не наблюдалось. Полынья представляла собой колоссальную трещину во льду, образовавшуюся под влиянием ветра и сизигийного прилива.

Капитан Бартлетт, со своей обычной заботливостью, предусмотрительно построил для моей партии снежный домик по соседству со своим «иглу». Пока остальные три отряда возводили себе жилища из снега, капитан измерил в полынье глубину, которая оказалась равной 198 метрам. Мы находились в 45 милях к северу от мыса Колумбия.

Следующее утро настало ясное, тихое и «прохладное» — термометр показывал 30° ниже нуля. Около полудня показалось солнце — огромный желтый шар с южного края небес. Это было чудесное зрелище, заставившее нас на краткий миг забыть о наших огорчениях.

За ночь полынья несколько сузилась и в нескольких местах покрылась коркой молодого льда. Затем, под действием прилива, несмотря на непрерывное образование нового слоя льда, она снова вскрылась и стала расширяться на наших глазах. Я послал Мак-Миллана с тремя каюрами и тремя упряжками за поклажей, оставленной Марвином и Кыута в том месте, где последние вернулись на сушу. Остальные участники чинили сани и сушили одежду над нашими маленькими керосиновыми печками.

Дни следовали за днями, а мы продолжали оставаться пленниками зиявшей перед нами непроходимой полосы черной воды. Арктическая природа словно насмехалась над нами. Стояла хорошая, ясная погода, ветер утих, снаряжение наше было в порядке, собаки здоровы, люди полны энергии, словом, все, казалось, нам благоприятствовало, но двинуться в путь мы не могли. Я ходил взад и вперед по льдинам, проклиная ветер, поднявшийся в первый день нашего похода и явившийся главной причиной этой непреодолимой преграды. В эти дни мы с Бартлеттом мало разговаривали. Бывают периоды, когда молчание выразительнее слов; по-видимому, этот момент наступил сейчас.

Время шло, а отряды Марвина и Борупа, которые давно уже должны были присоединиться к нам, не показывались на горизонте. Отсутствие их стало меня серьезно тревожить.

Только тот, кто находился в аналогичном положении, может понять муку этих дней вынужденного безделья и ожидания. Я бродил по ледяному полю, то и дело взлезал на верхушку небольшого тороса, находившегося позади наших снежных домов, и, напрягая зрение, глядел на юг, в надежде увидеть темные, движущиеся фигурки людей и собак. Но пейзаж оставался неизменным: белоснежная ледяная пустыня, перерезанная на севере огромной полыньей. Ночью я почти не спал, я вскакивал при малейшем шуме, в котором, мне казалось, я различал скрип саней по снегу и звук шагов.

К моему беспокойству примешивались тяжкие воспоминания о «великой полынье», оказавшей столь пагубное влияние на весь ход экспедиции 1906 г. В общем, думаю, что в эти дни я нравственно пережил больше, нежели в остальные пятнадцать месяцев нашего пребывания в Арктике.

От добавочного запаса керосина и спирта, который должны были нам доставить Марвин и Боруп, в значительной мере зависел успех экспедиции. Но даже если бы наши товарищи не пришли, я уже не мог повернуть обратно.

Блуждая по льду, я представлял себе, как мы сперва будем употреблять дерево саней в качестве топлива, чтобы согревать воду, а затем будем обходиться без горячего чая и для утоления жажды сосать снег. Словом, в эти дни вынужденной стоянки я тоже составлял планы, но это были планы отчаяния.

Глава XXIV

ТЕРПЕНИЕ ИССЯКАЕТ

Продолжительная задержка экспедиции перед непроходимой полыньей, явившись тяжким испытанием для терпения всех участников похода, психологически деморализовала некоторых из наших эскимосов. Уже через два-три дня я стал замечать в них признаки все растущего возбуждения. По вечерам они собирались небольшими группками на некотором расстоянии от снежных домов и что-то взволнованно обсуждали. Наконец, двое из них, Пуадлуна и Паникпа, участники многочисленных моих прошлых походов, которым я всегда доверял, пришли ко мне и стали жаловаться на якобы сильное недомогание. Я не пытался их удержать, а велел им поскорей возвращаться на корабль и дал им записку для Марвина, в которой просил его по возможности торопиться. Пуадлуна и Паникпа сразу повеселели и, не теряя времени, стали собираться в путь.

Вскоре за ними последовали другие тоже с жалобами на мнимое нездоровье. Такое массовое бегство меня сильно озадачило.

9 марта мы собственно могли попытаться перейти полынью по молодому льду, но, вспомнив 1906 г., когда моя партия чуть было не погибла, пересекая на обратном пути «великую полынью», а также принимая во внимание, что Марвин к этому времени несомненно должен был находиться где-то поблизости, я решил обождать еще два дня, чтобы дать ему возможность нас догнать.

Все это время Мак-Миллан оказывал мне неоценимую помощь. Видя неспокойное состояние, в котором находились эскимосы, он без всякого указания с моей стороны стал их всячески развлекать, придумывая всевозможные игры и атлетические соревнования. Это заинтересовало всех участников похода и несколько разрядило напряженную атмосферу ожидания.

Утром 11 марта полынья настолько затянулась, что я дал приказ отправляться в путь. Бесконечная стоянка сделалась невыносимой; лучше было итти без запаса керосина и спирта в надежде, что Марвин нас догонит, чем оставаться на месте.

Сперва я подумывал, не вернуться ли мне обратно, чтобы выяснить причину отсутствия отрядов, но затем отказался от этой мысли. Слишком тяжело было увеличивать путешествие еще на 90 миль, не говоря уже о неблагоприятном психологическом действии, которое это могло оказать на участников экспедиции.

Я не боялся за участь людей. Я был уверен, что отряд Борупа без проволочек достиг земли, а Марвин, если его и остановило появление береговой полыньи, имел с собой достаточно продовольствия. Меня удивляла только длительность их отсутствия.

Покидая лагерь, я оставил в моем «иглу» следующую записку для Марвина:

«4-й лагерь. 11 марта 1909 г.

«Мы стояли здесь 7 дней. Больше ждать не можем. У нас нехватает топлива. Продвигайтесь как можно скорее, чтобы нас догнать. Буду оставлять записку на каждой стоянке.

«Полагаю через 3—4 перехода послать обратно отряд доктора Гудсэла. Должно быть, он вас встретит и сообщит вам наше местонахождение.

«Мы перейдем полынью в северовосточном направлении.

«Подвижек льда не наблюдалось уже в течение 7 дней. Не разбивайте здесь лагеря. Перейдите полынью. Хорошенько накормите собак и торопитесь.

«Необходимо, чтобы вы нас нашли и передали топливо.

«Уходим в путь. Вторник, 11 марта, 9 часов утра.

Пири».

Мы благополучно перебрались на другую сторону полыньи и за день прошли не менее 12 миль. В этот переход мы пересекли еще 7 полыней, покрытых совсем тонким, недавно образовавшимся льдом. Все отряды, включая и отряд Бартлетта, шли вместе.

К вечеру мы перешли 84-ю параллель. Ночью вокруг нашего лагеря лед стал трескаться под действием прилива.

Непрерывный грохот и скрежет не помешал нам, однако, спать; мы были очень утомлены, а наши «иглу» стояли на старой тяжелой льдине, которой не грозило непосредственной опасности.

Утро наступило ясное и холодное — температура упала до —43°. Мы снова прошли около 12 морских миль, причем в первую половину дня поперек нашего пути оказалось много трещин и узких разводьев, а вторую половину маршрута мы шли по сплошному ледяному полю. Мы с Бартлеттом были того мнения, что зона многочисленных полыней, пройденная нами в последние два перехода, и была «великая полынья», которая теперь осталась позади.

Я надеялся, что отряды Марвина и Борупа с ценным грузом топлива перейдут «великую полынью», прежде чем поднимется ветер. Достаточно было бы шести часов сильного ветра, чтобы совершенно уничтожить, из-за подвижки льда, след наших партий, и тогда нас искать в обширной снежной пустыне было бы так же бесцельно, как искать иголку в скирде сена, о которой говорится в поговорке.

На следующий день стало еще холоднее. Когда мы вышли в путь, термометр показывал —47°, а к вечеру температура упала до —50°. Но при ярком солнце, благодаря отсутствию ветра, мы не страдали от холода в наших меховых одеждах. Спирт, разумеется, замерз; керосин стал белым и вязким, а вокруг собак стлалось белое облако от их собственного дыхания.

В этот переход я шел впереди своего отряда и, когда я оборачивался назад, я не видел ни людей, ни собак, а лишь низкую полосу тумана, отливающую серебром в косых лучах солнца — этот туман образовывался из паров дыхания собак и людей.

Мы покрыли довольно большое расстояние, хотя первые пять миль шли по очень неровной, изборожденной поверхности льда. К вечеру мы расположились лагерем на большой старой льдине, под защитой высокого тороса.

По окончании постройки снежных домов один из каюров влез на вершину тороса и оттуда во все горло крикнул нам:

«Клинг-мик-су!» (Собаки идут).

В мгновение ока я оказался рядом с ним. Глядя на юг, я увидел далеко впереди серебристо-белое облако, низко стелющееся на нашем пути. Это были, несомненно, собаки. Через короткое время Сиглу из отряда Борупа примчался на легких санях, запряженных 8 собаками. Сиглу привез нам

Эскимосские сани.

радостную весть, что оба отряда с ценным грузом керосина и спирта уже перешли «великую полынью» и завтра рассчитывают соединиться с нами.

В соответствии с этим я распорядился, чтобы отряд Хенсона вышел на следующее утро в путь и в течение ближайших пяти переходов шел впереди нас в качестве авангардного отряда. Остальные участники, за исключением доктора и двух каюров, возвращавшихся на землю, должны были ждать на месте партии Марвина и Боруна, чтобы произвести необходимый ремонт саней и просушить одежду. После прихода наших отставших товарищей я предполагал перераспределить грузы и отослать обратно всех лишних людей, собак и сани.

В эту ночь я впервые уснул со спокойной душой. На рассвете Хенсон с тремя эскимосами — Ута, Аватинга и Кулутингва — и тремя упряжками вышел на север, а немного позже доктор Гудсэл с Вешакупси и Арко с одной нартой и 12 собаками отправились в обратный путь.

Доктор оказался чрезвычайно стойким и выносливым полярным путешественником, и мне было очень жаль с ним расставаться. Но его настоящее место было, разумеется, на «Рузвельте», где оставалось много людей, среди них женщины и дети, и где могла понадобиться медицинская помощь. Поэтому я не счел себя в праве дольше подвергать его опасностям полярного перехода. Доктор вернулся на материк с 84°29′ с. ш.

Вечером 14 марта серебристое облако на нашем пути возвестило о приближении отрядов. Вскоре мы услышали лай собак, скрип саней и, наконец, увидели Марвина, который шел впереди упряжек. Легкий груз саней, состоявший преимущественно из жестянок с керосином и спиртом, позволил отрядам быстро передвигаться. Никогда еще встреча с Марвином не доставляла мне такой радости, как в этот раз.

На отремонтированные сани мы положили уже описанные стандартные грузы, но несколько нарт вышли совершенно из строя, и у нас оказалось всего 12 годных саней. Таким образом получился некоторый излишек людей и собак, поэтому когда опечаленный Мак-Миллан сообщил мне, что он отморозил себе пятку (у него уже несколько дней болела нога, но он это скрывал), я мог ему совершенно искренно сказать, что мы без него обойдемся и что он безусловно должен вернуться на сушу.

Я вполне разделял огорчение Мак-Миллана; в соответствии с моими планами я надеялся, что он сможет дойти до

сравнительно высокой широты, все же его уход не наносил ущерба экспедиции. У меня было достаточно персонала, также как и продовольствия, саней и собак, а незаменимых людей на свете очень мало.

Здесь следует сказать, что ни один член экспедиции не знал, как далеко он пойдет, и где ему будет предложено повернуть обратно. Разумеется, у меня была определенная программа, но непредвиденные обстоятельства могли в любой момент потребовать коренных изменений, поэтому я не считал нужным огласить ее. Впрочем, на качестве работы это никак не отражалось. Ведь мои спутники были недюжинными людьми. Лучшего, более сплоченного и дисциплинированного коллектива нельзя было себе представить. Все, как один, готовы были пожертвовать и личными пожеланиями и честолюбием ради успеха нашего общего начинания.

После ужина Марвин произвел измерение глубины, приблизительно на расстоянии полумили к северу от лагеря. Глубина моря оказалась равной 1509 метрам. Эти данные явились как бы лишним доказательством, что мы пересекли «великую полынью». Полынья, повидимому, следует вдоль материковой отмели, которая, судя по данным измерения, находится на 84-й параллели. Материковая отмель представляет собою погруженное плато, окружающее материк, причем «великая полынья» связана с северным краем отмели, там, где она опускается в полярное море.

В понедельник, 15 марта, погода стояла ясная и холодная; морозы достигали 45° ниже нуля. Дул пронизывающий восточный ветер. После завтрака Бартлетт и Марвин, захватив с собою кирки и топоры, чтобы сглаживать дорогу, отправились в путь; за ними шли их отряды, вместе с отрядом Борупа.

Мак-Миллан направился обратно к мысу Колумбия с двумя каюрами, двумя нартами и двумя упряжками по 7 собак в каждой. Главная партия теперь состояла из 16 человек, 12 саней и 100 собак. 7 нарт были нового «типа Пири», а 5 — старого эскимосского образца.

Простившись с Мак-Милланом, я последовал за вышедшими на север тремя отрядами. Переход был сравнительно легкий: мы шли по старому, многолетнему льду.

К вечеру со всех сторон стал раздаваться гул взрывов, напоминавший орудийный бой. Это лед трескался и грохотал. Вскоре широкая полынья преградила нам путь; на противоположной стороне ее было ясно видно движение льда.

Полынья как будто к западу сужалась, поэтому мы направились вдоль нее, пока не дошли до такого места, где огромные куски пловучего льда, размером в 20—30 метров, образовывали нечто вроде понтонного моста.

Мы стали переправлять собак и сани с одной льдины на другую. Сначала все шло гладко, как вдруг одна из собак Боруна поскользнулась и вся упряжка очутилась в воде. Одним прыжком наш ловкий молодой атлет оказался впереди саней и, ухватившись за ремень и постромки, тянущиеся от упряжки к саням, с большим усилием вытащил собак из воды. Только человек, наделенный такой богатырской силой, как Боруп, мог спасти и упряжку и сани с их грузом в 250 килограммов, который для нас, в этой безжизненной ледяной пустыне, представлял бóльшую ценность, чем такой же груз брильянтов. Разумеется, если бы сани погрузились в воду, они своим весом потащили бы собак на дно моря.

Глубокий вздох облегчения вырвался из моей груди. Не имея возможности проявить (за отсутствием времени и подходящего места) обуревавшие нас чувства, мы поспешили перейти полынью и последовали дальше. Однако, через короткое время новая полоса открытой воды образовалась перед нами, и мы вынуждены были расположиться лагерем.

Строительство снежных домов в леденящую кровь стужу никак нельзя было назвать приятным занятием, но мы были так рады, что удалось спасти ценный груз, что с удвоенной энергией взялись за работу.

Глава XXV

МЫ РАССТАЕМСЯ С БОРУПОМ

Ночь была беспокойная, шумная, и мы почти не спали. Час проходил за часом, а лед все грохотал и трескался, и нас бы не удивило, если бы образовалась трещина поперек нашего лагеря или даже в середине одного из наших «иглу». Положение сулило мало хорошего, поэтому все участники были рады, когда, наконец, настало утро и можно было двинуться в путь.

Дорога становилась все тяжелее и тяжелее. Торосистый лед сменялся бесконечными разводьями и полыньями, и уже через 6 часов после выхода, обессиленные и измученные, мы остановились на ночь.

Следующий переход оказался не легче. Через несколько миль пути мы догнали участников нашего авангардного отряда, во главе с Хенсоном, которые остановились, чтобы чинить сани; из двух сломанных нарт они делали одну.

После короткого отдыха я послал вперед Марвина. Спустя некоторое время за ним последовали Бартлетт, Боруп и Хенсон, вооруженные ледорубами для сглаживания неровной ледовой поверхности; позади них шли их упряжки с каюрами и, наконец, мой отряд.

В конце этого перехода, вечером 19 марта, я изложил оставшимся членам похода мою дальнейшую программу. На следующий день я предполагал отослать обратно Борупа с 3 эскимосами-каюрами, 20 собаками и одной нартой; затем через пять переходов — Марвина с 2 эскимосами, 20 собаками и одной нартой и, наконец, еще спустя пять переходов — Бартлетта с 2 каюрами, 20 собаками и одной нартой. Таким образом, после ухода последнего вспомогательного отряда, главная партия состояла бы из 6 человек, 40 собак и пяти саней.

Я надеялся, что при хорошей погоде и более или менее сносной поверхности льда Боруп сможет дойти до 85°, Мар-

вин до 86° и Бартлетт до 87° с. ш. Как потом оказалось, мои расчеты были правильны, и нам удалось точно выполнить намеченную программу.

На этой стоянке мы оставили продовольствие, снаряжение и запасную одежду участников отряда Борупа, которые они должны были забрать на обратном пути.

Утром 20 марта над нами сияло безоблачное, голубое небо. Начинался полярный день. Сероватые сумерки возвещали о наступлении ночи.

Несмотря на яркое солнце стоял пятидесятиградусный мороз, если судить по замерзшему спирту и по густому пару, который образовывался из дыхания собак и людей. Пузырьки воздуха в наших спиртовых термометрах мешали нам произвести точный отсчет температуры. Эти пузырьки появлялись вследствие разрыва столбика из-за постоянного сотрясения термометра в пути. Пузырьки можно было удалить на наших стоянках, но это требовало известной затраты времени, а получение точных температурных данных в наш поход к полюсу и обратно я не считал столь важным, чтобы каждый вечер исправлять термометр. Я это делал, когда бывал не слишком утомлен.

Мы шли по следу Марвина, который был в авангарде, и в этот день прошли около пятнадцати миль, сперва по очень изборожденной, развороченной поверхности, а затем по более или менее гладким большим льдинам. Впрочем, чтобы не вводить читателя в заблуждение, должен сказать, что то, что мы называем ровной поверхностью полярного льда, на суше считалось бы убийственной, ухабистой дорогой.

К концу дневного перехода мы оказались между 85°7′ и 85°30′ с. ш. Бартлетт считал, что мы находимся на 85°30′ с. ш., Марвин называл цифру 85°25′, а я — 85°20′. Действительное место, вычисленное позднее от той точки, где мы впервые смогли произвести широтное наблюдение, благодаря более высокому положению солнца, оказалось 85°23′ с. ш.

Наутро Бартлетт снова стал во главе авангардного отряда и, взяв с собою 2 эскимосов, на двух упряжках двинулся на север. Мы остались в лагере, где отряд Борупа готовился в обратный путь к берегу.

Мне было искренно жаль, что обстоятельства заставляли меня отослать обратно Борупа во главе второго вспомогательного отряда. Наш славный молодой силач был ценным участником экспедиции. Он всей душой отдался работе, а ловкость, с которой он управлял упряжками и перетаски-

вал тяжело нагруженные сани, вызывала всеобщее восхищение; в этом отношении он мог соперничать с нашими эскимосами. Но при всем своем энтузиазме, он был еще мало опытный полярный путешественник, и мне не хотелось его подвергать дальнейшему риску. Кроме того он, также как и Мак-Миллан, отморозил себе ногу.

Борупу очень не хотелось возвращаться на сушу. Он имел все основания гордиться своей работой, так же, как я им гордился. Количество миль, пройденное им по полярному льду, равнялось пути Нансена во время его похода с корабля до самой северной точки.

Я ясно вижу перед собой умное, молодое лицо Борупа, слегка затуманенное печалью, когда он прощался со мной, прежде чем пуститься в обратный путь по безлюдной ледяной пустыне.

После того, как Боруп покинул нас, Хенсон с 2 эскимосами, тремя санями и 24 собаками последовал за Бартлеттом на север. Марвин и я с 4 каюрами и 5 упряжками должны были остаться в лагере в течение 12 часов, чтобы дать возможность авангардному отряду пройти расстояние дневного перехода. С уходом вспомогательного отряда Борупа в главной партии осталось 12 человек, 10 саней и 80 собак.

Теперь каждый отряд состоял из трех человек, вместо четырех, но я не уменьшил нормы продовольственного пайка, полагавшегося каждому отряду; поэтому люди стали немного лучше питаться. Кроме того троим в «иглу» было удобнее, чем четверым, а меньший размер наших снежных домов возмещал — в смысле затраты времени и энергии — меньшее количество людей, оставшихся для их постройки.

Мы возобновили метод следования авангардного отряда и главной партии, нарушенный в течение последних двух переходов. Отсутствие темноты, т. е. возможность находиться в пути круглые сутки, позволило внести изменение в установленный порядок, направленное к тому, чтобы соединять через каждые 24 часа оба отряда. Главная партия оставалась в лагере в течение 12 часов после выхода авангардного отряда. Последний совершал переход, разбивал лагерь, и участники останавливались на отдых. Когда главная партия доходила до стоянки авангардного отряда, участники ее занимали снежные дома, построенные отрядом, который сейчас же по прибытии партии снова пускался в путь.

Таким образом я через каждые сутки держал связь с отрядом Бартлетта; это давало мне возможность перераспределять грузы, когда в этом встречалась необходимость, и

следить за общим порядком. На этом этапе нашего похода партия Хенсона шла вместе с авангардным отрядом, а отряд Марвина со мной.

На следующей стоянке Марвин произвел измерение глубины моря и к нашему удивлению достиг дна уже на глубине 567 метров; к сожалению, когда он стал вытаскивать проволоку, она разорвалась, и лот остался на дне моря.

Вскоре после полуночи мы двинулись в путь и миль через десять достигли лагеря Бартлетта. Авангардный отряд задержался вследствие поломки саней.

Марвин снова произвел измерение глубины, но, вытравив 1280 метров проволоки, дна не достал, а при сворачивании проволоки потерял два топорика, которые мы привязали к проволоке вместо лота. Стояло ясное, солнечное утро, с севера дул легкий ветерок, а температура держалась на —40°.

22-го мы прошли не менее 15 миль. Сперва путь был чрезвычайно мучительный: мы шли по острым, взгромоздившимся льдинам, и люди и собаки совсем уже было потеряли силы, как вдруг дорога улучшилась, и мы оказались на ровном, более или менее гладком льду. Поздно вечером мы достигли лагеря, но не застали уже нашего авангардного отряда.

В общем, трудностей на этом этапе похода было не мало, но мы точно придерживались выработанного плана и были полны надежд.

Глава XXVI

ПРОЩАЙ, МАРВИН!

До сих пор мы не производили определения широты. Низкое положение солнца не давало возможности делать точные наблюдения. Кроме того среднее наших предположений, основанное на нашем ледовом опыте, было достаточно для счисления. Но 22 марта день выдался ясный, тихий, с температурой около 40 градусов ниже нуля, и Марвин решил проверить наше счисляемое положение. Для этой цели каюры построили из снега укрытие от ветра, чтобы Марвин мог определить широту, измерив высоту солнца при прохождении через меридиан.

Мы нагрели в «иглу» ртуть искусственного горизонта;[1] построили из снежных глыб полукруглое укрытие от ветра с выходом на юг; разложили на снегу шкуру мускусного быка; установили на снегу, у южного края укрытия, мой ящик с инструментами; на ящик поставили искусственный горизонт и, наполнив его ртутью, накрыли стеклянной крышкой.

Когда все эти приготовления были закончены, Марвин лег на шкуру мускусного быка, лицом к югу. Локти его упирались в снег, а в руках он достаточно устойчиво держал секстан, чтобы «поймать» край солнца в узкой полосе ртутного горизонта. Под правой рукой Марвина лежали карандаш и открытая тетрадка, в которую он записывал полученные высоты. В результате наблюдений Марвина наше местоположение оказалось 85°48′ северной широты.

Следующий переход был совершен при температуре —35° и в тумане, образовавшемся, повидимому, вследствие наличия поблизости открытой воды. И действительно,

[1] Измеряя, при отсутствии видимого горизонта, высоту светила с помощью морского угломерного прибора, называемого секстаном, пользуются «искусственным горизонтом», т. е. какой-либо жидкостью (обычно ртутью), в которой светило отражается. *Прим. ред.*

отойдя миль пять от лагеря, мы оказались перед широкой полыньей.

Переправа через нее заняла несколько часов. Вырезав снежными ножами и топорами большую ледяную глыбу, мы приспособили ее в качестве плота, на котором при помощи двух канатов переправили на противоположный берег сани, собак и людей. Из воды, на некотором расстоянии от нас, неожиданно вынырнула голова тюленя.

В следующие два дня мы прошли около 30 миль. По пути попадались высокие бесформенные торосы, на которые мы взбирались с огромным трудом, наравне с собаками перетаскивая тяжело нагруженные сани.

Торосы сменялись полыньями, затянутыми тонким ледком и покрытыми обманчивым ковром недавно выпавшего снега. Вдоль одной из полыней мы увидели на льду свежие следы белого медведя.

Утром 25 марта мы подошли к лагерю, где, согласно моему распоряжению, нас ждали, после пяти переходов, авангардные отряды во главе с Бартлеттом и Хенсоном. Разбудив спавших товарищей, мы позавтракали, а затем занялись починкой саней и перераспределением грузов.

Пока велась эта работа, Марвин, воспользовавшись ясной погодой, вторично измерил высоту солнца в меридиане и определил широту. Наше местоположение было 86°38′ с. ш. Итак, мы побили рекорд итальянской экспедиции герцога Абруццкого и за последние 3 перехода покрыли расстояние в 50 минут широты, делая в среднем $16^2/_3$ мили за один переход.

Я был очень доволен результатами наблюдений, в особенности за нашего дорогого Марвина, работа которого была выше всякой похвалы.

Около четырех часов дня Бартлетт с Укеа и Карко, двумя санями и 18 собаками вышли на север. Уходя, Бартлетт сказал мне, что он намерен в последующие пять переходов, после которых ему предстояло вернуться на сушу, пройти за 88-ю параллель. Я искренно надеялся, что это ему удастся.

После его ухода мои спутники, утомленные ночным переходом и дневной работой в лагере, легли спать. Я не мог последовать их примеру: надо было написать ряд писем и распоряжений для отсылки их с Марвином на корабль, а также разработать подробную программу исследовательской поездки, которую Марвин предполагал совершить на мыс Джезуп.

На следующее утро, 26 марта, мы встали в начале шестого. Сразу же после завтрака Хенсон, Ута и Кешунгва на трех упряжках последовали по пути Бартлетта.

В половине десятого утра Марвин с Кудлукту и «Харриганом», одной нартой и 17 собаками вышли на юг.

Ничто не омрачало момента нашего расставания. Утро стояло ясное, морозное; солнечные лучи веселыми бликами играли на поверхности льда; собаки после продолжительного сна были полны сил; воздух был чист и прозрачен, и сам Марвин, хотя ему и не хотелось поворачивать назад, был счастлив, что вошел в таинственную область, простирающуюся за 86°34′ с. ш., куда никому еще, за исключением партии Бартлетта и моей, не удавалось проникнуть.

Эти последние дни, проведенные с Марвином, никогда не изгладятся из моей памяти. Преодолевая препятствия, возникавшие на нашем пути в виде бесконечных торосов и полыней, мы обсуждали с Марвином план его дальнейшей работы, и он делился со мною своими надеждами на будущее, на будущее, которое ему, увы, не суждено было узнать!

«Остерегайся полыней, мой друг», сказал я ему в виде напутствия.

Итак, мы пожали друг другу руки в унылой, белоснежной пустыне и расстались навсегда... Марвин пошел на юг, навстречу смерти, а я направил свои шаги на север, к полюсу.

Глава XXVII

МЫ ПОБИВАЕМ ВСЕ РЕКОРДЫ

Вскоре после ухода Марвина в его трагический, последний путь густая свинцовая туча, словно мрачный предвестник, надвинулась на солнце.

Серые тона неба, мертвенно-бледная поверхность льда и снега и специфический для арктических областей лишенный теней рассеянный свет — все это в совокупности создавало отвратительную видимость; уже на расстоянии нескольких метров глаз не мог ни определить расположения предметов, ни различить их очертания.

Отсутствие теней нередко наблюдается на ледяных полях Ледовитого океана, но мы впервые сталкивались с этим явлением после того, как покинули сушу. Нельзя было себе представить более гнетущей, безрадостной атмосферы: небо и лед казались совершенно безжизненными и нереальными.

Несмотря на сознание, что я был первым человеком, проникшим так далеко на север, и что цель, к которой я стремился, была уже близка, похоронные тона, в которые оделась в этот день природа, в день расставания с Марвином, — невольно сообщились мне и тяжелым камнем легли на сердце.

Первую часть маршрута мы шли по прямой линии через более или менее ровные, снегом покрытые льдины, окруженные торосами; но во вторую половину дня дорога вела по молодому, взломанному льду. Мы придерживались пути, проложенного нашим авангардным отрядом, все же итти было очень тяжело, в особенности из-за плохой видимости.

Чтобы достигнуть лагеря, мы вынуждены были сделать большой круг на запад и обогнуть образовавшуюся перед нами полынью. В этот день было сравнительно тепло (—25°), а подъем температуры всегда возвещает открытую воду. Когда мы наконец дошли до стоянки авангардного отряда, Бартлетт уже собирался в путь.

За ночь небосвод очистился, ветер разогнал мрачные тучи, и утро настало светлое, солнечное, яркое. Небо сияло лазурью, а лед был ослепительно белый, и если бы не темные очки, которые носили все участники партии, кто-нибудь из нас наверно заболел бы снежной слепотой.

Температура в этот переход снова упала до 40° ниже нуля, дул резкий северовосточный ветер, и вокруг собак стлалось белое облако их дыхания. На полярном льду мы приветствуем сильный холод, ибо слабый мороз и снегопад всегда означают открытую воду, опасность и задержку. Такие же мелкие неприятности, как отмороженные и кровоточащие щеки и уши, мы рассматриваем как часть великой игры. Гораздо хуже отморозить себе ногу, потому что это мешает ходьбе. Словом, боль и неудобства неизбежны, но в общем не столь важны.

Этот маршрут был самым тяжелым за много дней. Сперва мы шли по взгромоздившимся, острым льдинам, которые кололи нам ноги сквозь оленьи сапоги и меховые чулки, а затем по крупно-битому льду, покрытому высокими сугробами снега, через которые мы с адским трудом, еле переводя дух, поднимали и тащили сани.

В течение дня мы напали на следы двух песцов в этой далекой ледяной пустыне, на расстоянии 240 морских миль от северного побережья Земли Гранта.

Поздно вечером моя партия соединилась с отрядом Бартлетта, который незадолго до нашего прихода разбил лагерь. И люди, и собаки авангардного отряда были обессилены мучительной работой по проложению пути.

Я посоветовал Бартлетту хорошенько выспаться, прежде чем выйти на север; пока же участники моей партии строили снежные дома, я снял с саней капитана и его спутников около 50 килограммов поклажи, чтобы облегчить их путь по тяжелому льду. Бóльший груз был менее обременителен для моей партии, чем для авангардной.

За переход, несмотря на отвратительную дорогу, мы прошли не менее 12 миль.

В эту ночь я уснул с легким сердцем: мы пересекли 87-ю параллель, имея с собой достаточно продовольствия, причем участники были здоровы, а собаки в хорошем состоянии. Три года тому назад я вынужден был вернуться обратно с 87°6′ — спутники мои были обессилены, собаки истощены, а запасы наши пришли к концу. Я тогда думал, что повесть моей жизни закончена, печальная повесть, в которой слово «поражение» начертано кровавыми буквами.

С тех пор прошло три года, полных забот и волнений, я стал на три года старше, и вот я вновь находился за 87-й северной параллелью, стремясь вперед к цели, которой я желал достигнуть уже столько лет. Но даже сейчас, когда все, казалось, сулило мне удачу, я не окрылялся надеждой— ведь между мной и полюсом простиралось 180 морских миль предательского льда. В течение двадцати лет я верил, что выйду победителем из поединка с полярной стихией, что в этом заключается моя судьба, но вместе с тем я всегда помнил, что много было людей, стремившихся так же горячо, как и я, достигнуть поставленной цели и бесславно погибавших на пути.

На следующий день, 28 марта, мы проснулись при ярком солнце, но впереди нависла густая, низкая туча и дул пронизывающий северовосточный ветер, что в арктической терминологии означает открытую воду. Неужели нам предстояла новая задержка? На этот вопрос никто не мог ответить. Отряд Бартлетта давно уже покинул лагерь. Как уже было указано, авангардный отряд должен был всегда находиться в пути, пока участники главной партии отдыхали, и наоборот, так, чтобы оба отряда могли ежедневно держать друг с другом связь.

Быстро передвигаясь вперед по следу капитана, мы через 6 часов достигли лагеря авангардного отряда. Впереди зияла широкая полынья, а над ней хмурилось черное водяное небо, и навис густой туман, который мы видели с утра.

Чтобы не потревожить наших уставших товарищей, мы построили снежные дома на расстоянии ста метров от них, и после обычного ужина, состоявшего из пеммикана, сухарей и чая, стали готовиться ко сну.

Еще за ужином я услышал треск льда вблизи «иглу», но шум был не сильный и скоро прекратился, поэтому я не придал ему особого значения, решив, что происходит сжатие льда и полынья затягивается. Однако, только я стал засыпать, как вдруг снаружи раздался чей-то громкий крик.

Вскочив на ноги и выглянув в щелочку, я с ужасом увидел широкую полосу черной воды между нашими двумя снежными домиками и «иглу» Бартлетта. На противоположной стороне полыньи стоял один из каюров капитана. Он возбужденно жестикулировал и что-то нам кричал, но слов его я не мог разобрать.

Разбудив своих спутников, я вышиб снежную глыбу, служившую дверью, и выбежал наружу. Трещина во льду

проходила всего в нескольких сантиметрах от того места, где были привязаны собаки одной из наших упряжек.

Снежный домик Бартлетта медленно плыл в нашу сторону на оторвавшейся льдине, а за ней, поскольку я мог разглядеть сквозь серый туман, простиралась одна лишь черная вода.

Наши два «иглу», Хенсона и мой, стояли на небольшой старой льдине, отделенной на западе узкой трещиной и торосистой грядой от обширного ледяного поля.

Было совершенно ясно, что при малейшем сжатии наша льдинка оторвется и мы поплывем так же, как отряд Бартлетта.

Имея это в виду, мы поспешно запрягли собак и уложили на сани наши грузы, а в это же время участники партии Хенсона, усердно работая ледорубами и снежными ножами, наполнили снегом и льдом трещину и сравняли поверхность, чтобы можно было перетащить на ледяное поле сани.

Когда переход был совершен, и участники партии находились в безопасности, мы все подошли к краю полыньи, чтобы помочь Бартлетту перебраться к нам, как только его своеобразный ледяной плот коснется берега.

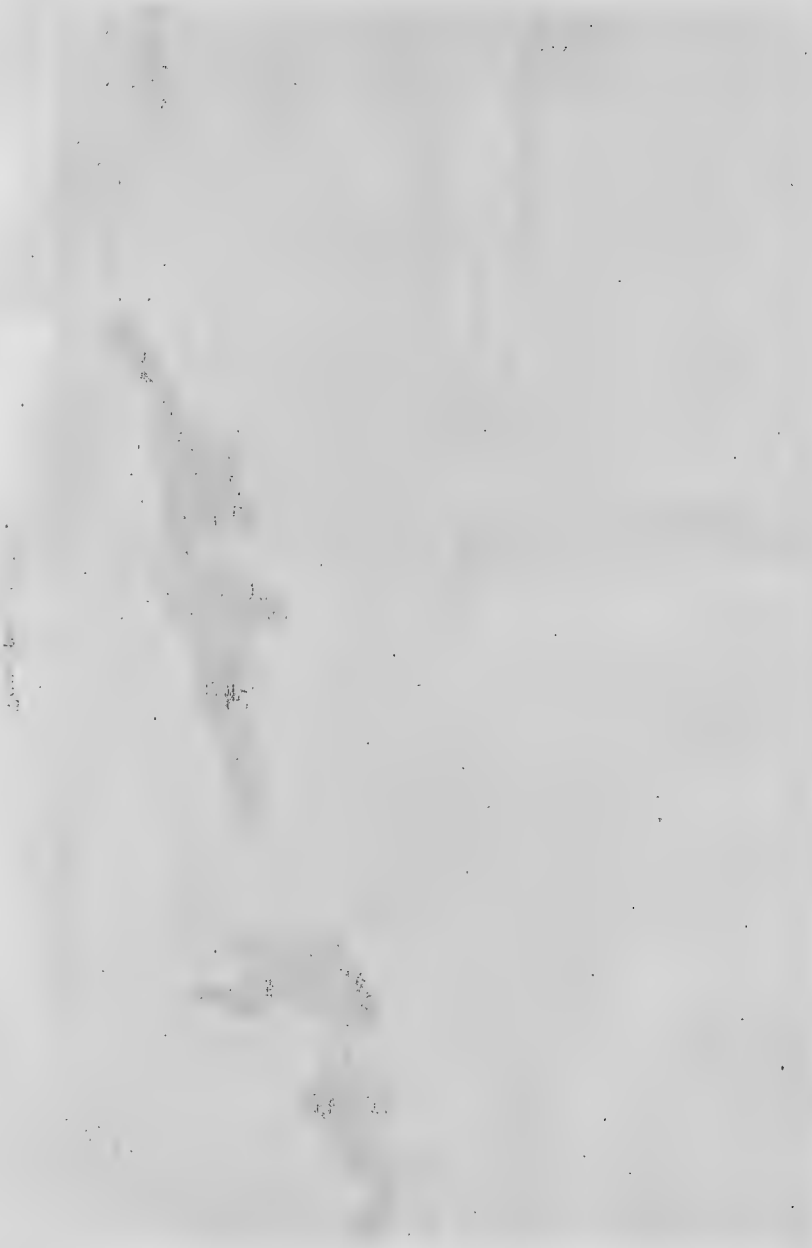
Плот медленно подплывал все ближе, ближе, пока, наконец, он не ударился о льдину.

Так как плот находился приблизительно на одном уровне с берегом, мы без труда доставили отряд Бартлетта на ледяное поле.

Хотя могло случиться, что непосредственно под нами образуется новая трещина во льду, мы не могли терять драгоценные часы сна в ожидании этого неприятного события. Оставшись без крова, мы волей-неволей взялись за постройку новых снежных домов. Я думаю, читатель догадается, что эта лишняя работа никому из нас не доставила особого удовольствия! В эту ночь я чутко спал — можно ли было предвидеть, какие новые козни строит против нас наш коварный противник — лед?

Следующий день, 29 марта, принес нам мало радости. Мы были изрядно утомлены и жаждали отдыха, но для пикника обстановка была отнюдь не подходящая! На севере, северо-востоке и северо-западе висело низкое облако, образовавшееся из сгущения паров и казавшееся черным от отражения в нем воды; облако было такое густое, что мы не видели противоположной стороны полыньи. Можно было подумать, что мы находимся у берега безграничного полярного

Тяжелая дорога.



моря,[1] которое якобы преграждает дорогу человеку к северной точке земной оси.

Как ни мучительно было оставаться на одном месте, но нам ничего не оставалось делать другого — надо было запастись терпением и ждать. После завтрака мы занялись починкой саней и стали сушить одежду над маленькими керосинками, которые специально для этой цели захватили с собой. Бартлетт произвел измерение глубины моря, но, вытравив 2303 метра проволоки, дна не достиг.

Когда время на наших часах показало, что пора итти спать (ведь солнце светило круглые сутки и стоял полярный день), мы прекратили работу и вползли в свои холодные хижины. Низкий рокот, напоминавший отдаленный прибой, доносился со стороны воды. Неопытному путешественнику, возможно, почудилось бы в этом шуме что-то зловещее, но нас он приятно убаюкивал — мы знали, что лед сжимается и полынья, повидимому, затягивается.

---

[1] В первой половине и в середине XIX века многие географы и мореплаватели, в том числе известный немецкий географ А. Петерманн, настойчиво выдвигали гипотезу существования в центральной части Арктики «открытого полярного моря». *Прим. ред.*

Глава XXVIII

БАРТЛЕТТ ДОХОДИТ ДО 87°47′ С. Ш.

Наши надежды очень скоро оправдались. Когда я проснулся в 1 час ночи 30 марта, шорох закрывшейся полыньи превратился в страшный шум и грохотание, словно где-то поблизости происходила стрельба из пулеметов. Выглянув в щелку «иглу», я увидел, что густая завеса тумана разорвалась и уступила место прозрачной, сероватой дымке.

Утром температура упала до 35° мороза, и подул резкий северозападный ветер. Сжатие льда прекратилось, атмосфера очистилась, и полынья затянулась. Не теряя времени, мы перебрались по молодому льду и в этот переход шли вместе с отрядом Бартлетта.

На нашем пути то и дело попадались узкие разводья, покрытые недавно образовавшимся льдом, а под вечер нам пришлось пересечь полосу совсем молодого льда, шириной в 6—7 миль. Лед был так тонок, что он гнулся и трещал под тяжестью саней, но мы пустили наших собак во весь дух и благополучно достигли противоположного берега.

Мы шли без передышки, форсированным маршем, чтобы наверстать время, потерянное накануне, и когда мы наконец остановились на отдых на старой многолетней льдине, расстояние, пройденное нами в этот переход, равнялось 20 милям.

В конце следующего маршрута Бартлетту предстояло вернуться обратно на материк. Путь в этот день был сравнительно не плохой, но погода стояла отвратительная. Резкий, пронизывающий северный ветер дул нам прямо в лицо, небо было в тучах, а мороз крепчал с каждым часом. Все же мы предпочитали северный ветер, хоть он и затруднял ходьбу, восточному или западному, следствием которых обычно является открытая вода.

Последние несколько миль я шел вместе с Бартлеттом в авангарде. Ему очень хотелось пройти как можно дальше

на север, но по выработанному плану он должен был свернуть отсюда на сушу, во главе четвертого вспомогательного отряда, ибо у нас нехватало продовольствия, чтобы увеличить состав главной партии.

Когда мы закончили в этот вечер постройку наших снежных домиков, я сказал Кешунгва и Карко, что на следующее утро они вместе с капитаном пойдут обратно по направлению к мысу Колумбия, а оттуда на корабль. Я посоветовал им получше просушить одежду, так как они должны как можно скорее достичь берега и у них вряд ли найдется время заняться этим делом по пути домой.

В начале шестого, после четырех часов сна, я поднял на ноги всех участников экспедиции. Продолжал дуть ледяной северный ветер.

Позавтракав, отряд Бартлетта стал готовиться в путь. Я произвел осмотр всех собак, отобрал лучших для главной партии, а более слабых отдал Бартлетту. В общем, лайки были в очень хорошем состоянии, в гораздо лучшем, чем во время моих прошлых экспедиций.

По моей теории главная тяжесть работы должна была лечь на плечи вспомогательных партий, дабы сохранить силы участников главной партии. В связи с этим я во все время похода старался облегчить работу тех лиц, из которых состояла партия, направляющаяся к полюсу; Ута, Хенсон и Эгингва входили в эту группу. По мере возможности я уменьшал груз на их санях и давал им лучших собак.

Когда все приготовления к походу были закончены, эскимосы построили укрытие от ветра, и капитан произвел наблюдение для определения широты. Оказалось, что мы находимся на 87°46′49″ с. ш.

Бартлетт был очень разочарован, что ему не удалось дойти до 88 параллели. Если бы не северные ветры последних двух дней, затруднявшие ходьбу, и задержка перед полыньями, мы, разумеется, прошли бы гораздо дальше.

Результаты вычислений широты Бартлетт записал на двух листках: один он взял с собой, а другой передал мне. Мы с ним сердечно простились, и он вышел в обратный путь, во главе четвертого вспомогательного отряда с 2 эскимосами, 1 нартой и 18 собаками.

Я долго глядел вслед могучей фигуре капитана. Она становилась все меньше, меньше и, наконец, исчезла за белоснежными сверкающими торосами. Мне было невыразимо грустно, что пришлось расстаться с лучшим товарищем и бесценным спутником, всегда жизнерадостным, спокойным

и мудрым, на долю которого выпала самая тяжелая работа по проложению пути для наших партий. Но делать был нечего, а для бесплодных душевных переживаний у меня не было времени: меня ждала моя работа — она была впереди, а не позади меня. Я не боялся за Бартлетта, я знал, что увижу его снова на корабле.

С уходом капитана главная партия состояла из 6 человек: Хенсона, Эгингва, Сиглу, Ута, Укеа и меня. У нас было 5 саней и 40 собак — лучшие из 140, с которыми мы покинули корабль.

Мы находились на расстоянии 133 морских миль от полюса. Прогуливаясь вблизи наших «иглу», я выработал дальнейшую программу похода. Мы должны были совершить пять переходов не менее, чем по 25 миль каждый, причем желательно было закончить пятый переход в полдень, чтобы тотчас же произвести измерение высоты солнца и определить широту.

При благоприятных условиях погоды и поверхности льда я считал, что нам удастся это выполнить. С другой стороны я знал, что достаточно двадцатичасового урагана, чтобы во льду образовались широкие, непроходимые полыньи, которые могли свести на нет самый совершенный план.

Но как бы там ни было, наступил решительный момент моей жизни, к которому я готовился, работал и вел существование, полное лишений в течение 23 лет. Несмотря на свой уже преклонный возраст, я чувствовал в себе достаточно сил для того, что мне предстояло, и жаждал еще раз сразиться с арктической стихией.

Снаряжением и продовольствием я был прекрасно обеспечен, а лучших спутников нельзя было и желать. Из них четверо — Хенсон, Ута, Эгингва и Сиглу — не раз ходили со мной на неприступный Север, всегда показывая образцы мужества и выносливости. Один лишь молодой Укеа впервые участвовал в полярной экспедиции, но он не менее других, а быть может и более, жаждал достигнуть далекой цели. Ведь я обещал каждому из своих спутников, который дойдет со мной до самой северной точки, щедрую награду, состоявшую из вельбота, ружья, винтовки, охотничьих припасов, ножей и т. п. — несметные богатства для эскимоса-охотника, которыми Укеа собирался завоевать себе любимую девушку, дочь старого Иква с мыса Йорк.

Итак, все сулило, мне удачу, и я с надеждой взирал на будущее.

Глава XXIX

НА ПОСЛЕДНЕМ ЭТАПЕ

Быть может, читатель полюбопытствует, почему я избрал именно Хенсона в качестве участника главной партии, идущей к полюсу. В этом отношении я поступил так же, как поступал во все свои предыдущие экспедиции за последние пятнадцать лет: Хенсон всегда доходил со мной до самой северной точки. В результате долголетнего опыта Хенсон был замечательным полярным работником. По ловкости, с которой он управлял собачьими упряжками, строил снежные дома, чинил сани и т. п., с ним могли сравниться лишь охотники-эскимосы — уроженцы сурового Севера.

Если бы я взял с собой другого участника экспедиции, он оказался бы в роли пассажира, для которого надо было бы тащить лишнее продовольствие и снаряжение, другими словами — увеличить груз саней. Хенсон же являлся как бы частью транспортного механизма.

В большинстве наши собаки были сильные самцы, крепкие как кремень, но без единого грамма лишнего жира. Благодаря заботливому уходу и более или менее регулярному режиму, они были вполне здоровы; сани наши также были в удовлетворительном состоянии. Продовольствия и топлива у нас имелось на 40 дней, а при постепенном использовании собак — провианта могло хватить и на 50 дней.

Вскоре после полуночи 2 апреля, после нескольких часов бодрящего сна, сытно позавтракав, я вышел в путь, в то время как мои спутники укладывали груз на сани. Поднимаясь на торос позади лагеря, я заметил, что мой пояс стал слишком свободен, и крепче затянул его. Я уже в третий раз стягивал ремень с тех пор, как покинул сушу 32 дня тому назад — путешествие по полярному льду не располагает к полноте!

До сих пор я сознательно шел позади отрядов, дабы иметь возможность следить за общим порядком и помогать

отставшим из-за поломки саней, или по каким-нибудь другим причинам, товарищам. Теперь я занял место в авангарде. Усталости я не ощущал, наоборот, взбираясь по торосу и вдыхая свежий, живительный воздух, струившийся прямо с полюса, я чувствовал прилив новых сил и радостное биение сердца.

Эти ощущения нисколько не уменьшились, когда я, спустившись с тороса, погрузился почти по пояс в воду, поднявшуюся на поверхность вследствие давления торосистой гряды на край соприкасавшейся с ней льдины. Вода не могла проникнуть сквозь сапоги и меховые брюки, туго облегавшие ноги и тело; она быстро замерзала на мне, и я соскабливал сосульки снежным ножом. По невольной ассоциации я вспомнил свою заброшенную ванну на «Рузвельте», в 330 морских милях к югу, и улыбнулся.

Утро выдалось на славу, ясное, солнечное; стоял тридцатиградусный мороз, и дул легкий ветерок. Итти было значительно легче, чем в предыдущие дни — широкие, многолетние льдины чередовались с высокими, но сравнительно отлогими торосистыми нагромождениями.

Залитая солнцем, неплохая дорога и сознание, что мы находимся на последнем этапе похода, вселили в меня удивительную бодрость. Я не чувствовал тяжести лет на плечах; мне казалось, я снова тот юноша, который 20 лет тому назад вел свою маленькую партию через великий ледяной щит Гренландии, покрывая на лыжах до 30 миль в день.

. . . . . .

Как часто на склоне дней, когда чувствуешь, что скоро, очень скоро придется проститься с любимой работой, в памяти выплывают особенно отчетливые картины о заре жизни, о первых шагах на избранном поприще. И вот в это утро вид обширных ледяных полей, необъятно простиравшихся на север, яркая синева небес, свежий морозный воздух — словом весь пейзаж воскресил в моей памяти северные странствования давно минувших лет.

Наиболее характерную разницу составляли тени, совершенно отсутствующие на ледяном щите, а на полярном льду — резкие и темные, благодаря огромным, рельефно выделявшимся торосистым грядам.

На ледяном щиту Гренландии я торопился вперед, гонимый необходимостью дойти до бухты Индепенденс, где мы рассчитывали найти стадо мускусных быков, прежде чем кончатся наши запасы. И теперь, много лет спустя, я снова должен был спешить, чтобы достигнуть цели, прежде чем

круглый лик полнолуния не встревожит приливов и не откроет сети полыней поперек нашего пути.

Так я предавался воспоминаниям о безвозвратно ушедшей молодости, пока товарищи не нагнали меня. Хорошо отдохнувшие накануне собаки были полны сил, и мы шли без остановки в течение 10 часов, покрыв расстояние в 25—30 миль.

К концу перехода, находясь впереди упряжек, я подошел к полосе вскрывшегося льда. Я подал знак каюрам, чтобы они поспешили, подбежал вплотную к полынье, обследовал движущиеся массы льдов и вернулся, чтобы помочь перетащить сани до того, как полоса воды расширится и станет непроходимой.

Прыгая со льдины на льдину, я удостоверялся, что последняя выдержит груз саней, затем возвращался на предыдущую, где находились упряжки, и помогал собакам совершить прыжок, в то время как каюры перетаскивали нарты.

Перебравшись таким образом на противоположный берег, мы последовали дальше. Приблизительно через милю пути во льду образовалась трещина буквально под моими ногами, и я вторично в этот день угодил выше колен в воду.

Мы разбили лагерь у обширной торосистой гряды. Солнце, постепенно поднимавшееся над горизонтом, не только светило, но как будто уже и грело. Пока мы строили снежные домики, на западе и юго-западе, в расстоянии нескольких миль, на небе появились темные водяные облака, верный признак открытой воды. Приближавшееся полнолуние начинало, повидимому, свою разрушительную работу.

Странствуя по ледяным просторам, мы видели, как луна совершает круг по небосводу — серебряный диск против золотого шара. Я глядел на мертвенный лик луны, побледневший при ярком свете солнца, и с трудом верил, что присутствие ее может встревожить обширные ледяные поля и преградить нам дальнейший путь — даже сейчас, когда мы уже так близко к цели — непроходимой полыньей.

Луна была нашим другом в долгую полярную ночь; благодаря ей мы могли ежемесячно в течение недели охотиться. Теперь она изменила нам и стала опасным, коварным врагом. Благотворное действие луны превратилось в зловещую силу...

3 апреля погода продолжала стоять ясная и безветреная. В начале перехода высокие, бесформенные торосы замедлили наше продвижение, но затем, как только моя пар-

тия оказалась на ровном, старом льду, мы постарались наверстать упущенное время.

Благодаря полярному дню, т. е. отсутствию темноты, мы могли находиться в пути, сколько нам заблагорассудится, останавливаясь лишь на краткий отдых. Как и накануне, мы шли в течение десяти часов, но вследствие задержки перед торосами прошли всего 20 миль.

Мы находились на полпути к 89 параллели. В течение всего дня лед вокруг нас грохотал и трескался, но подвижек льда не наблюдалось.

Итак, мы шли без устали, без передышки, вперед и вперед, и хотя мне приходилось все крепче стягивать ремень на исхудавшем теле, я не чувствовал ни слабости, ни усталости — дыхание победы сообщало мне всё новые силы.

Глава XXX

НА РАССТОЯНИИ ОДНОГО ДНЯ ОТ ПОЛЮСА

Радостное волнение, охватившее меня при мысли, что мы неуклонно приближаемся к желанной цели, передалось и моим спутникам. С каждым днем они выказывали все бóльший интерес к нашему общему делу, и это помогало им переносить растущую усталость от мучительно-долгих переходов.

Когда мы останавливались на ночевку, мои товарищи-эскимосы влезали на вершину тороса или хотя бы снежного сугроба и, напрягая зрение, смотрели на север в надежде увидеть полюс, ибо они были преисполнены уверенности, что на этот раз мы несомненно достигнем этого таинственного места.

После короткого отдыха, в ночь с 3 на 4 апреля, мы снова вышли в путь. Погода продолжала нам благоприятствовать, а поверхность льда, за исключением тех мест, где попадались торосистые гряды, была почти такой же гладкой, как припай у мыса Колумбия.

За десять часов пути мы прошли не менее 25 миль. В этот переход со мной случилось небольшое несчастье. Я бежал рядом с упряжкой собак, оступился, упал, и полозья саней проехали по моей ноге. К счастью, удар оказался не очень сильным, и я мог продолжать путь.

Прежде чем разбить лагерь мы пересекли, как и накануне, недавно затянувшуюся полынью, шириной приблизительно в сто метров. Тонкий лед трещал и гнулся под тяжестью груза и, казалось, вот-вот одна из нарт погрузится под лед. Каюры отпустили собак наудачу, а сами, скользя и падая, кое-как перебежали на другую сторону. Двое путешественников перебрались на четвереньках.

В общем все обошлось благополучно, и я вспомнил, как три года тому назад, находясь на полярном льду и спасаясь от грозившей нам голодной смерти, мы отважились

перейти «великую полынью» по такому же молодому, ненадежному льду.

Путешествие в арктических областях неминуемо сопряжено с постоянным риском. Далеко не уйдешь, если будешь ждать, пока лед станет действительно безопасным. Часто человеку приходится выбирать между перспективой утонуть, если он будет продолжать путь, или погибнуть от истощения, если он останется на месте, и он бросает вызов судьбе, избирая более короткий и менее мучительный конец.

За этот маршрут мы очень устали, но вместе с тем были чрезвычайно довольны нашими успехами. Мы почти достигли 89-й параллели, и я записал в свой дневник: «Еще три дня такой погоды, и полюс будет открыт!» Температура с утра держалась на 40° мороза, но за день несколько повысилась.

Вечером наша маленькая партия была уже на ногах и устремлялась на север. Термометр показывал 35° ниже нуля, и дорога была не плохая. Сани всегда легче скользят, когда температура повышается, поэтому собаки почти все время бежали рысью.

Ночью мы подошли к огромной полынье, тянувшейся во все стороны до самого горизонта. Молодой, недавно образовавшийся лед был достаточно крепок, чтобы вынести упряжки, и мы путешествовали по нему в течение двух часов; каюры пустили собак галопом, и они мчались во весь дух. Легкий ветерок, в начале перехода дувший с юга, переменил направление на восточное и усиливался с каждым часом.

Я даже не мечтал, что нам удастся так быстро двигаться вперед. Но это давалось не легко. Жестокая стужа и пронизывающий ветер безжалостно жгли лицо и даже тело сквозь меховую одежду, и когда мы останавливались на отдых в наших снежных жилищах, у нас долго еще нестерпимо болели щеки и ныла грудь.

На стоянке я велел убить двух ослабевших собак и накормить теплым мясом остальных. Минуло ровно шесть недель, как мы покинули «Рузвельта», и мне казалось, что я уже вижу перед собой желанную цель. Я предполагал на следующий день, при тихой погоде и благоприятных ледовых условиях, совершить продолжительный переход, затем устроить часовой привал, напиться горячего чая и снова двинуться в путь без сна.

Во время переходов меня занимало лишь одно: как бы пройти побольше миль; я был всецело поглощен этой

мыслью и поэтому оставался равнодушен к красоте замерзших пространств, через которые лежал наш путь. Но на наших стоянках, пока строились снежные «иглу», на мою долю обычно выпадало несколько свободных минут; я оглядывался вокруг, и величие ландшафта глубоко волновало меня.

Куда ни падал взор — одна лишь необъятная, белоснежная, ледяная пустыня, сверкавшая как исполинский алмаз, холодным блеском, под лучами негреющего солнца, безжизненная, безлюдная, если не считать горсточки безумцев. Мы забрели на самый край мира; от ближайшего клочка суши нашей матери Земли нас отделяли многие мили враждебного льда и еще гораздо более враждебной ледяной воды.

Я, разумеется, сознавал, что поединок еще не закончен и нельзя предугадать его исхода. Быть может, нам суждено погибнуть здесь, у самой цели, и тогда завоевание неисследованных пространств и тайны полярной пустыни погибнет вместе с нами. Но вместе с тем внутренний голос, голос надежды, никогда не оставляющей человека, шептал мне, что мы вернемся победителями.

До сих пор нам улыбалась удача, и капризный, коварный лед почти не строил препятствий. Однако, я находился в постоянной тревоге; мною владел страх, что мы внезапно окажемся перед непроходимой полыньей, и после каждого удачного маршрута это чувство во мне возрастало.

Стоило нам подойти к торосистой гряде, как я с замиранием сердца спешил подняться, боясь, что за ней я увижу полосу открытой воды, и только взойдя на вершину и убедившись, что мои опасения напрасны, я с облегчением переводил дух... чтобы испытать то же волнение у следующего тороса!

5 апреля мы дольше оставались в лагере, чем в предыдущие дни, ибо мы все очень устали и нуждались в отдыхе. Я произвел астрономическое наблюдение и определил широту нашего места; она оказалась 89°25′ с. ш.; мы находились в 35 милях от полюса.

Поздно вечером мы вышли в путь. Небо хмурилось, солнце скрылось, и свет был такой же серый, лишенный теней, как в день расставания с Марвином. Тяжелые свинцовые тучи, почти черные у горизонта, затянули небосвод, а лед казался призрачно-белым — именно такие краски выбрал бы художник, чтобы изобразить полярный ледовый ландшафт.

Окружавший нас мир словно весь преобразился: не осталось и следа от ярких, освещенных солнцем и сверкавших бесчисленными голубыми блестками ледяных полей, по которым мы странствовали в течение последних дней.

Дорога была на редкость легкая: ровные, старые льдины, почти без снега. Температура поднялась до —25°, трение саней уменьшилось, и лайки бежали веселой рысцой, помахивая пушистыми хвостами.

Несмотря на отсутствие солнца и на мрачную атмосферу, по какой-то непонятной причине, боязнь полыней внезапно бесследно покинула меня. Окрыленный надеждой, я шел все вперед и вперед, из-за нервного возбуждения не чувствуя усталости, а мои спутники, измученные форсированными маршами последних пяти дней, почти автоматически следовали за мной.

Пройдя по моим расчетам полных пятнадцать миль, мы устроили привал, напились чаю, позавтракали и накормили собак; затем снова двинулись в путь. За 12 часов мы покрыли расстояние в тридцать миль.

Читатель, быть может, удивится, что мы шли соответственно быстрее после ухода каждой вспомогательной партии, в особенности последней. Но это в порядке вещей: чем больше число участников похода и чем больше количество саней, тем больше возможностей поломки нарт и задержек, вызванных по тем или иным причинам. Поэтому большой отряд всегда передвигается медленнее маленького.

Расставаясь с Бартлеттом, мы оставили себе лучшие сани и самых крепких собак. Кроме того нас толкало вперед сознание, что мы должны во что бы то ни стало достигнуть цели и как можно скорее вернуться на материк. К тому же погода нам благоприятствовала. В итоге средний переход за все время, что мы находились на полярном льду, равнялся 15 милям. После же ухода последней вспомогательной партии каждый наш переход составлял в среднем свыше 26 миль.

Глава XXXI

ОТКРЫТИЕ СЕВЕРНОГО ПОЛЮСА

Наш последний северный маршрут закончился 6 апреля в 10 часов утра. От того места, где мы расстались с Бартлеттом, мы сделали пять переходов и, согласно данным счисления, находились в непосредственной близости от цели всех наших стремлений. После обычных приготовлений, около полудня по меридиану мыса Колумбия, я произвел первое наблюдение над солнцем и определил широту. Наше местоположение было 89°57′ северной широты.

Итак, полюс был фактически уже на виду. Но я был так измучен, что буквально не имел сил сделать последние несколько шагов. Форсированные марши, отсутствие сна, постоянное волнение — все это внезапно сказалось. После нервного подъема наступила страшная реакция.

Как только была закончена постройка наших снежных домов, я лег и заснул мертвым сном. Но долго спать я не мог. Спустя несколько часов я проснулся, тотчас же вскочил и записал в свой дневник: «Северный полюс наконец завоеван. Моя мечта и цель двадцати лет жизни претворились в действительность. Не верится. Все кажется таким простым и обычным».

Мне хотелось вторично определить широту, но небо затянулось тучами. Тогда я решил совершить еще небольшую поездку на север, чтобы дойти до самого полюса. Мы положили на нарту ящик с инструментами, банку с пеммиканом и две шкуры, впрягли в сани с этим легким грузом двойное количество собак, и с двумя эскимосами я снова двинулся вперед и прошел около десяти миль. Небо за это время очистилось, и к концу нашего перехода я смог произвести ряд удовлетворительных астрономических наблюдений. Они показали, что мы находимся за полюсом.

Казалось невероятно странным, что за несколько часов мы перешли с западного в восточное полушарие и что пер-

вые несколько миль нашего короткого пути мы шли на север, а последние — уже на юг, хотя мы все время держались одного направления. Вот прекрасный пример того, что все на свете условно и относительно! Затем, чтобы вернуться в лагерь, мы должны были повернуть обратно и итти на север в течение нескольких миль, а потом — прямо на юг, не меняя при этом направления пути. Для нас не существовало ни востока, ни запада, ни севера; оставалось только одно направление — южное. Каждое дуновение ветерка, с какой бы точки горизонта оно ни происходило, было южным ветром.

Мы находились у точки земли, где сутки соответствуют году, а сто суток — веку. Если бы мы оставались тут в течение шести месяцев полярной ночи, мы увидели бы все звезды северного полушария на одинаковом расстоянии от горизонта, с Полярной звездой фактически в зените.

На следующий день, 7 апреля, в 6 часов утра, я измерил высоту солнца в меридиане. Оказалось, мы находимся в 4 или 5 милях от полюса, в сторону Берингова пролива. Таким образом, на наших легко нагруженных санях с двойной упряжкой собак мы покрыли непосредственно по направлению солнца расстояние в 8 миль.

Я вернулся в лагерь и в полдень по времени меридиана мыса Колумбия определил широту. Результаты наблюдений в основном соответствовали измерениям, произведенным за 24 часа до этого.

К этому времени я сделал всего 13 ординарных и 6½ двойных астрономических наблюдений над солнцем, на двух станциях и в трех разных направлениях. Измерения производились в благоприятных атмосферных условиях, при ясном небе и безветрии. Температура за этот промежуток времени колебалась от —25° до —35° Цельсия.

Я допускал в своих наблюдениях погрешность приблизительно в 10 миль. Поэтому я стал пересекать лед в различных направлениях и во время этих переходов прошел мимо точки или очень близко от нее, где север, юг, восток и запад сливаются воедино.

Убедившись, что мы действительно находимся на 90-й северной параллели, я водрузил на «краю света» пять американских флагов. Среди них было шелковое американское знамя, давнишний подарок моей жены. В течение 15 лет этот флаг путешествовал в высоких широтах. Я носил его с собой, завернув вокруг тела, во все свои полярные экспедиции, причем неизменно оставлял кусочек его в самой северной точке, которую достигал.

Открытие Северного полюса (Ута, Укеа, Сиглу, Этингва).

Таким образом, к моменту завоевания полюса флаг изрядно потрепался и полинял. Остальные флаги были знамена различных американских организаций и научных обществ, членом которых я состоял.

Водрузив флаги, мы вместо салюта хором крикнули громкое троекратное «ура», а затем крепко пожали друг другу руки. Эскимосы радовались как дети.

В небольшое отверстие между ледяными глыбами тороса я вложил стеклянную бутылку, содержавшую две записки, текст которых я привожу ниже:

«90° с. ш. Северный полюс.
«6 апреля 1909 г.

«Прибыли сюда сегодня, после 27 переходов с мыса Колумбия.

«Моя партия состоит из пяти человек — Матью Хенсона, Ута, Эгингва, Сиглу и Укеа; у нас 5 нарт и 38 собак. Зимовочная стоянка нашего корабля, «Рузвельта» — мыс Шеридан, 90 миль к востоку от мыса Колумбия.

«Возглавляемую мною экспедицию снарядил и отправил на север, с целью дойти до Северного полюса, если это окажется возможным, Арктический клуб Пири (Нью-Йорк).

«Завтра выходим в обратный путь к мысу Колумбия.

Роберт Э. Пири.
(Флот США)».

«90° с. ш. Северный полюс.
«6 апреля 1909 г.

«Сегодня я водрузил национальный флаг Соединенных Штатов Америки в точке, где, согласно произведенным мною астрономическим определениям, лежит северо-полярная ось земли. Таким образом я формально присоединил всю эту область к владениям Соединенных Штатов Америки.

«Я оставляю здесь эту записку и флаг Соединенных Штатов.

Р. Э. Пири».

Если бы человек мог дойти до 90° северной широты, не будучи бесконечно измученным телом и душой, он несомненно испытал бы целый ряд исключительных по яркости переживаний. Но достижение Северного полюса воз-

можно лишь в результате многих недель форсированных маршей, физических лишений, недостатка сна и постоянной, изматывающей тревоги.

Непреклонные стражи Арктики подвергают смельчака, дерзнувшего проникнуть в отдаленнейшую точку земного шара, самым суровым испытаниям.

Быть может, читатель будет разочарован, но я должен чистосердечно признаться: когда я убедился, что мы действительно достигли цели экспедиции, я жаждал лишь одного — сна. Впрочем, после нескольких часов отдыха состояние прострации, в котором я находился, уступило место сильному нервному возбуждению.

В течение 20 лет Северный полюс являлся объектом моих стремлений. Начиная с 30-летнего возраста я посвятил все свои силы разрешению этой труднейшей географической проблемы. Восемь раз я отправлялся в Арктику. Неоднократно моя жизнь и жизнь моих спутников ставилась на карту. В ледяных просторах Севера я провел 12 лет, а в промежутках между экспедициями, в мире цивилизации, я был преимущественно занят подготовкой к следующему полярному походу. Решение завоевать полюс до такой степени овладело мной, что я давно уже перестал рассматривать себя иначе, как орудие для достижения этой цели. Обывателю это покажется странным, но человек, посвятивший всю свою жизнь служению какой-нибудь идеи, поймет меня.

Итак, Северный полюс был открыт. За те 30 часов, что мы пробыли у полюса, я вспомнил многие моменты прошлой борьбы с полярным льдом, но одна картина особенно отчетливо вставала в моей памяти. Это было воспоминание о 21 апреле 1906 г., когда после жестокой битвы со льдами, открытой водой и штормами возглавляемая мною экспедиция вынуждена была повернуть обратно с 87°6′ с. ш. из-за недостатка провианта. Какой разительный контраст между страшной депрессией того дня и блаженством нынешней минуты!

В мрачный период нашего возвращения на материк в 1906 г. я был убежден, что мое имя прибавится к длинному списку имен арктических исследователей, от Гудзона до герцога Абруццкого, к длинному перечню мужественных людей, боровшихся и... побежденных. Я тогда с горечью должен был признать, что ценою лучших лет жизни мне удалось лишь добавить несколько звеньев к цепи, которая ведет от параллелей цивилизации к полярному центру, но

что в конце концов единственное слово, которое мне суждено начертать в книге своей жизни, это слово — поражение.

С тех пор прошло три года, и вот сейчас, после 23 лет борьбы и разочарований, я наконец водрузил флаг своей страны у оси земли. Об этом не легко писать, но я знал, что мы вернемся домой с повестью, которую мир жаждал услышать в течение четырех столетий, с победной повестью о разрешении человеком труднейшей географической задачи...

7 апреля, после обеда, я еще раз проверил наше местоположение, сделал несколько фотографических снимков местности, а затем мы вошли в «иглу», чтобы немного отдохнуть, прежде чем выйти в обратный путь на юг.

Я прилег, но сон не шел. Судя по неровному дыханию Сиглу и Эгингва, разделявших со мною снежное жилище, я знал, что и они не могут уснуть. Нервное, беспокойное состояние, овладевшее мною, повидимому, передалось и им.

Полежав немного, я встал, поднял своих спутников, и мы стали готовиться в путь. Гораздо разумнее было воспользоваться стоявшей хорошей погодой, вместо того, чтобы ворочаться с боку на бок на снежных помостах «иглу».

Мы быстро уложились и запрягли собак. Ни Хенсона, ни эскимосов торопить не пришлось. Теперь, когда наша работа была закончена, они, разумеется, жаждали как можно скорее добраться до суши.

И вот 7 апреля, в 4 часа дня, мысленно простившись с полюсом, мы повернулись к нему спиной и отправились в обратный путь. Возможность достижения считавшейся до сих пор недоступной оси земли была доказана. Теперь я направил все свои помыслы к югу, где 413 морских миль полярного льда и, быть может, открытой воды отделяли нас от северного побережья Земли Гранта.

Я на мгновение обернулся, бросил последний взгляд на ледяной холмик с развевающимися флагами и продолжал свой путь...

Глава XXXII

МЫ ПОКИДАЕМ ПОЛЮС

Итак, 7 апреля 1909 г. мы покинули Северный полюс. Достижение этой отдаленнейшей точки нашей планеты несомненно доставило мне огромную радость, но, расставаясь с полюсом, я почувствовал лишь мимолетную грусть, которую иногда испытываешь при мысли, что расстаешься с чем-нибудь навсегда.

Цель экспедиции была достигнута, но нам предстоял еще не легкий путь через много миль полярного льда. Наш план предусматривал в равной мере благополучное возвращение с полюса, как и поход на север. Северо-полярную экспедицию можно до некоторой степени сравнить с проблемой воздухоплавания: посадка иногда связана с бóльшими трудностями, чем сам полет.

Не надо забывать, что в экспедиции 1905—1906 гг. главная опасность подстерегала нас на обратном пути, когда мы подошли к «великой полынье», которая чуть было не сделалась местом гибели всей партии. Но даже после того, как мы пересекли эту страшную полосу воды и кое-как доползли до безжизненного побережья Северной Гренландии, мы едва спаслись от голодной смерти.

Эти невеселые воспоминания прошлого завладели теперь мной, и я думаю, что каждый из нас невольно задался бы вопросом, не ждут ли его и на этот раз такие же испытания. Мы открыли полюс, но узнает ли об этом мир? Вернемся ли мы, не останемся ли мы вечными пленниками льда?

Прежде чем выйти в путь я в кратких словах разъяснил своим товарищам, как существенно для нас закончить ледовый поход и вступить на сушу до следующего сизигийного прилива. К этому надо приложить все усилия. Я хотел попытаться совершить все обратное путешествие двойными маршрутами, т. е. покрывать расстояние одного перехода на

север, завтракать, снова делать переход, спать несколько часов и опять в путь. Надо сказать, что эту программу мы выполнили почти в точности.

Изо дня в день мы в три перехода на юг проходили расстояние пяти переходов на север. С каждым выигранным днем уменьшалась опасность, что ветры и подвижки льда уничтожат след упряжек. На 87-й параллели поле годовалого льда, приблизительно в 57 миль шириной, заставило меня сильно встревожиться. Достаточно было бы непрерывного ветра в течение двенадцати часов, чтобы эта область превратилась в безбрежное море. К счастью, стояла тихая погода, и я с облегчением вздохнул, когда мы оставили 87° с. ш. позади.

Бо́льшую часть похода каюры легко обнаруживали путь, проложенный вспомогательными партиями, причем он почти на всем протяжении недурно сохранился. Провиантом и снаряжением мы были хорошо обеспечены. Стимулирующее действие оказывало также приподнятое настроение всех участников. Словом, налицо были все условия, несомненно благоприятствовавшие быстрому продвижению партии.

Первые пять миль обратного пути мы шли очень хорошо. На шестой миле, подойдя к узкой трещине, наполненной льдом, мы произвели измерение глубины моря — у полюса это оказалось невозможным, из-за чрезмерной толщины льда. Я опустил лот на глубину 2742 метров, но дна не достиг. При сворачивании проволоки она разорвалась, и лот вместе с частью проволоки упали в море. Барабан оказался, таким образом, бесполезен, и Укеа сбросил его с нарт, облегчив груз саней на 8 килограммов.

Переходы не утомляли меня, но у меня нестерпимо болели глаза, воспалившиеся в результате многочисленных наблюдений над солнцем, произведенных в предыдущие дни.

Во время обратного похода я кормил собак в соответствии с пройденным расстоянием, т. е. они получали двойной паек при двойном переходе. У нас имелся продовольственный резерв, заключавшийся в самих собаках, которым мы могли воспользоваться при длительной задержке перед полыньями.

9 апреля день выдался бурный, мучительный. С раннего утра дул резкий северовосточный ветер, постепенно усиливавшийся и к вечеру перешедший в ураган. Полыньи, которые мы пересекли по пути на север, значительно расширились; кроме них образовался ряд новых разводьев. Несколько севернее 88-й параллели партия оказалась перед по-

лосой воды шириной в милю, но, к счастью, полынья была покрыта тонким слоем льда. В последнюю часть перехода лед вокруг нас трескался и торосился — сказывалось действие шторма. Хорошо еще, что дул попутный ветер, ибо итти против ветра было бы почти невозможно.

Когда мы вечером расположились лагерем на 87°47′ с. ш., я записал в дневник: «Покамест наш поход к полюсу и обратно напоминает успешно преодоленные скачки с препятствиями. Вот плоды усиленной работы, долголетнего полярного опыта, первоклассного снаряжения, а также благоприятных ледовых условий!»

За ночь буря улеглась, но остался густой туман. Каюры с трудом отыскивали старый след упряжек. Стало значительно теплее — температура поднялась до —25°, все же в этот день пройденное нами расстояние равнялось только последнему северному маршруту Бартлетта. Несколько собак совершенно выбились из сил, и их пришлось застрелить. У нас осталось всего 35 лаек.

Утром 11 апреля, когда мы собирались в путь, солнце прорвалось сквозь тучи, и снопы золотых лучей озарили ярким блеском ледяные поля. По дороге на север область, по которой мы теперь шли, была покрыта молодым льдом, и я предполагал, что найду здесь открытую воду. Но до сих пор стояла безветреная погода, и подвижек льда не было. Собственно, это явилось основной счастливой чертой обратного похода и главной причиной нашей удачи.

Только мы позавтракали в «иглу» после первого дневного перехода, как лед позади нас стал трескаться, и вскоре появились широкие разводья. Мы как раз во-время пересекли опасную полосу. Вблизи лагеря на снегу виднелись свежие следы песца.

Вечером мы подошли к 87-й параллели, а через два дня устроили привал уже на 85°48′ с. ш. Тут мы нашли три снежных домика, построенных отрядами Бартлетта и Марвина.

Эскимосы почти всегда безошибочно узнают строителя снежного крова. Хотя «иглу» и строятся по общему принципу, но постройка каждого дома отличается какими-нибудь индивидуальными особенностями, которые туземцы легко опознают.

Начиная отсюда, дорога стала заметно ухудшаться. По пути все чаще попадались трещины и разводья, а иногда и широкие полыньи, покрытые совсем тонким ледком, через которые нам удавалось перетаскивать сани только благодаря

тому, что у нас было значительно меньше груза, чем по дороге на север.

Поверхность льда представляла также все бóльшие трудности для пешеходов. Лед сильно торосился, льдины взгромождались одна на другую, и острые края их немилосердно впивались в ноги и ранили лапы собак. Даже солнце — наш лучший друг — мучило нас: мы шли на юг, т. е. против солнца, и жаркие лучи, в особенности при югозападном ветре, нестерпимо жгли лицо.

Однако, несмотря на все эти помехи, мы стойко придерживались плана и совершали по два перехода в день.

18 апреля, с места нашей стоянки, я увидел далеко впереди, у южного горизонта, материковые тучи. Их легко узнать — они образуются из сгущения влаги, поднимающейся с суши в верхние слои атмосферы.

В этот же день мы прошли мимо «иглу» Бартлетта, а спустя короткое время наш путь преградила колоссальная полынья, образовавшаяся после нашего прохождения на север. Пришлось снежными ножами вырезать глыбы льда и на этих примитивных плотах, при помощи канатов, перебраться на противоположный берег. Пересечение полосы воды заняло более двух часов.

Поздно вечером 19 апреля, идя впереди своей партии, я вдруг обнаружил путь, проложенный первым авангардным отрядом Хенсона. Это нас всех чрезвычайно обрадовало: за несколько дней до этого мы потеряли старый след, что сильно затрудняло ходьбу.

Читателю, может быть, покажется странным, что мы различали в этой однообразной ледяной пустыне прохождение того или иного отряда нашей экспедиции. Но, как я уже сказал, мои спутники-эскимосы узнавали по снежным домам, кто их строил, или даже занимал, руководствуясь, повидимому, тем же инстинктом, благодаря которому перелетные птицы узнают свои старые гнезда, свитые год назад; а я столько лет странствовал по арктическим просторам и так долго жил с этими детьми природы, что мое восприятие местности стало почти такое же обостренное, как и туземцев.

В этот переход мы увидели на снегу сломанные сани, оставленные Эгингва по дороге на север, а под утро подошли к снежным домам, которые занимали на обратном пути отряды Мак-Миллана и Гудсэла. За 16 часов мы прошли путь, равный трем авангардным переходам Хенсона.

На следующее утро вдали показались очертания гор Земли Гранта. При виде их у меня учащенно забилось

сердце — такое же чувство, должно быть, испытывают моряки, когда после долгого, мучительного плавания перед их взором наконец открываются берега отчизны.

До сих пор ледяные поля, словно заколдованные, почти не причиняли нам препятствий. Впоследствии я узнал, что Бартлетт, Марвин и Боруп подолгу задерживались перед полыньями; у нас же самая большая задержка не превышала нескольких часов. То лед был достаточно крепок, чтобы позволить нам перебраться на другую сторону, то, делая небольшой круг, мы находили возможный проход, то мы пользовались ледяными глыбами в виде своеобразных плотов — словом, тем или иным способом нам удавалось без особых затруднений пересечь полыньи.

Глава XXXIII

СНОВА НА СУШЕ

20 апреля мы подошли к «великой полынье».

Хотя сейчас полынья и замерзла, но оказалось, что Бартлетт на обратном пути потерял здесь след вспомогательных партий и больше уже не находил его. Поэтому остальную часть ледового похода нам пришлось итти по дороге, проложенной одним лишь отрядом Бартлетта, вместо того, чтобы придерживаться хорошо обозначенного следа всех партий. Впрочем, нас отделяло от суши не более 50 миль, и жаловаться было бы грешно.

Последние переходы оказались самыми мучительными. Стояла ясная погода, и солнце так пекло, что мы шли, обливаясь потом, а по ночам, в холодных снежных домах, ежились от холода. На льду то и дело виднелись следы белых медведей, морских зайцев и песцов. Наше путешествие протекало без особых происшествий, если не считать того, что в тщетной попытке пересечь широкую полосу молодого льда, через которую проходил след отряда капитана, одна из упряжек провалилась в воду и мы с большим трудом вытащили собак на лед.

В ночь с 22 на 23 апреля наша партия подошла к припаю у Земли Гранта. Полярный лед остался позади, и мы фактически вступили уже на твердую почву. Когда последняя упряжка перешла через почти вертикальную кромку припая, мои спутники стали от радости прыгать, плясать и петь, а Ута воскликнул: «Либо дьявол спит, либо ссорится с женой, а то нам не удалось бы так легко вернуться обратно!» Тут же был устроен привал; мы сытно и не торопясь поужинали, а затем двинулись в путь и шли без остановки до мыса Колумбия.

23 апреля, ровно в шесть часов утра, мы достигли нашей прежней стоянки на мысе Колумбия; работа экспедиции была успешно завершена.

Наше возвращение с полюса было осуществлено в 16 переходов, а весь путь от мыса Колумбия до полюса и обратно занял 53 дня, или 43 перехода. Благодаря исключительно удачному стечению обстоятельств, наш обратный поход оказался чрезвычайно легким.

В течение двух дней нашего пребывания на мысе Колумбия мы почти беспрерывно спали, а в короткие промежутки между сном ели или сушили одежду.

Бодрые и отдохнувшие, мы покинули мыс Колумбия и устремились к кораблю. И люди и собаки совершенно преобразились. Повидимому, чуя, что дорога ведет к дому, лайки, без всяких усилий со стороны каюров, бежали изо всей мочи, высоко подняв головы и легко ступая по снегу.

За один переход мы прошли 45 миль, остановились на мысе Хекла, а к концу следующего дня стали приближаться к стоянке «Рузвельта». Радостное волнение овладело мной, когда при повороте дороги я увидел перед собой наш маленький черный корабль, опоясанный белоснежными льдинами.

На палубе показался Бартлетт. Заметив нас, он прыгнул на лед и пошел нам навстречу. Мы горячо обняли друг друга, но уже прежде, чем он заговорил, я увидел по выражению его лица, что случилось что-то недоброе.

«Знаете ли вы о судьбе нашего дорогого Марвина?» спросил он меня.

«Нет», ответил я.

И я услышал из его уст, что Марвин утонул в «великой полынье», возвращаясь на мыс Колумбия. Эта страшная весть острой болью отозвалась в моем сердце и мгновенно убила радость, которую я испытал при виде «Рузвельта» и его капитана.

Какая горечь в чаше победы! Сперва я никак не мог поверить, что никогда уже не увижу своего любимого товарища, блестящей работе и примеру которого мы обязаны в огромной доле успеху экспедиции. Подробности трагической кончины Марвина навсегда останутся покрыты мраком неизвестности. Он был один, когда предательский тонкий лед, недавно образовавшийся над полосой чистой воды, взломался. Возвращаясь к Земле Гранта во главе одной из вспомогательных партий, Марвин первым покинул место стоянки, пока туземцы запрягали собак и укладывали груз на сани. Подойдя к полынье, он последовал по молодому льду, надежному у краев, и, повидимому, не заметил, что слой льда становится все тоньше и тоньше. Его спутники находились на большом расстоянии от него и не слышали его криков

о помощи, а в ледяной воде смерть должно быть наступила очень скоро.

Придерживаясь следа его шагов, каюры подошли к месту, где по проруби во льду они вскоре догадались о происшедшей здесь трагедии. Один из эскимосов впоследствии рассказал Бартлетту, что край мехового полушубка Марвина был еще виден на поверхности воды, а состояние льда указывало, что Марвин делал повторные усилия, чтобы выкарабкаться на поверхность, но хрупкий лед ломался под тяжестью его тела, и несчастный снова и снова погружался в воду.

Повидимому, он давно уже был мертв, когда подошли к полынье эскимосы. Последние не могли, разумеется, вытащить тело погибшего из-за ненадежности льда. Туземцы прекрасно понимали, что Марвин утонул, но в ребяческой надежде, что он все же вернется, они устроили поблизости лагерь и стали ждать. По мере того, как время шло, а начальник не возвращался, суеверный страх охватил Кудлукту и «Харригана». Чтобы избежать преследований души утопленника, они сбросили на лед все личные вещи Марвина, поспешно снялись с места и, найдя безопасный проход через полынью, шли почти без остановки до суши.

Беззаветно преданный делу, которому он служил, замечательный работник, прекрасный товарищ, мужественный и обаятельный человек, Росс Марвин был бесценным участником нашей экспедиции.

В течение всего подготовительного периода, предшествовавшего отплытию «Рузвельта», он работал, не зная отдыха, по закупке и сбору бесчисленных предметов нашего снаряжения, а во время плавания всегда с одинаковой готовностью делал метеорологические наблюдения и укладывал груз в трюм.

Когда на корабль вступили новые участники экспедиции — эскимосы, его отзывчивость, справедливость и прямота сразу же завоевали их дружбу и уважение.

Позднее, столкнувшись лицом к лицу с суровыми условиями жизни и работы в полярной области, Марвин не пал духом; с характерной для него настойчивостью, спокойно и не жалуясь, он преодолевал стоявшие перед ним трудности, всегда с честью выполняя порученную ему работу.

Он руководил метеорологическим разделом экспедиции, а также работой по изучению приливов и отливов, а в унылые месяцы полярной ночи вместе со мной разрабатывал план весеннего санного похода, проблему транспорта, по-

требного количества продовольствия и снаряжения и принцип вспомогательных партий.

Из экспедиции 1906 г. Марвин вернулся, изучив все тонкости работы на Крайнем Севере, и когда он изъявил желание снова пойти со мной в Арктику в 1908 г., он был уже своего рода полярным ветераном, на которого можно было вполне положиться.

Тело Росса Марвина покоится в холодных водах Ледовитого океана. На северном побережье Земли Гранта мы воздвигли ему памятник из камней и на верху памятника прикрепили дощечку с надписью:

Памяти Росса Г. Марвина, утонувшего
10 апреля 1909 г., в возрасте 34 лет,
в 45 милях к северу от мыса Колумбия,
во время обратного похода с 86°38′ с. ш.

Имя Марвина прибавится к славному легиону полярных героев, погибших при исполнении своего долга, и да пусть послужит хоть некоторым утешением тем, кто скорбит о нем, сознание, что имя его будет нераздельно связано с завоеванием великого географического приза, ради которого на протяжении столетий самые мужественные люди шли на борьбу, страдания и смерть...

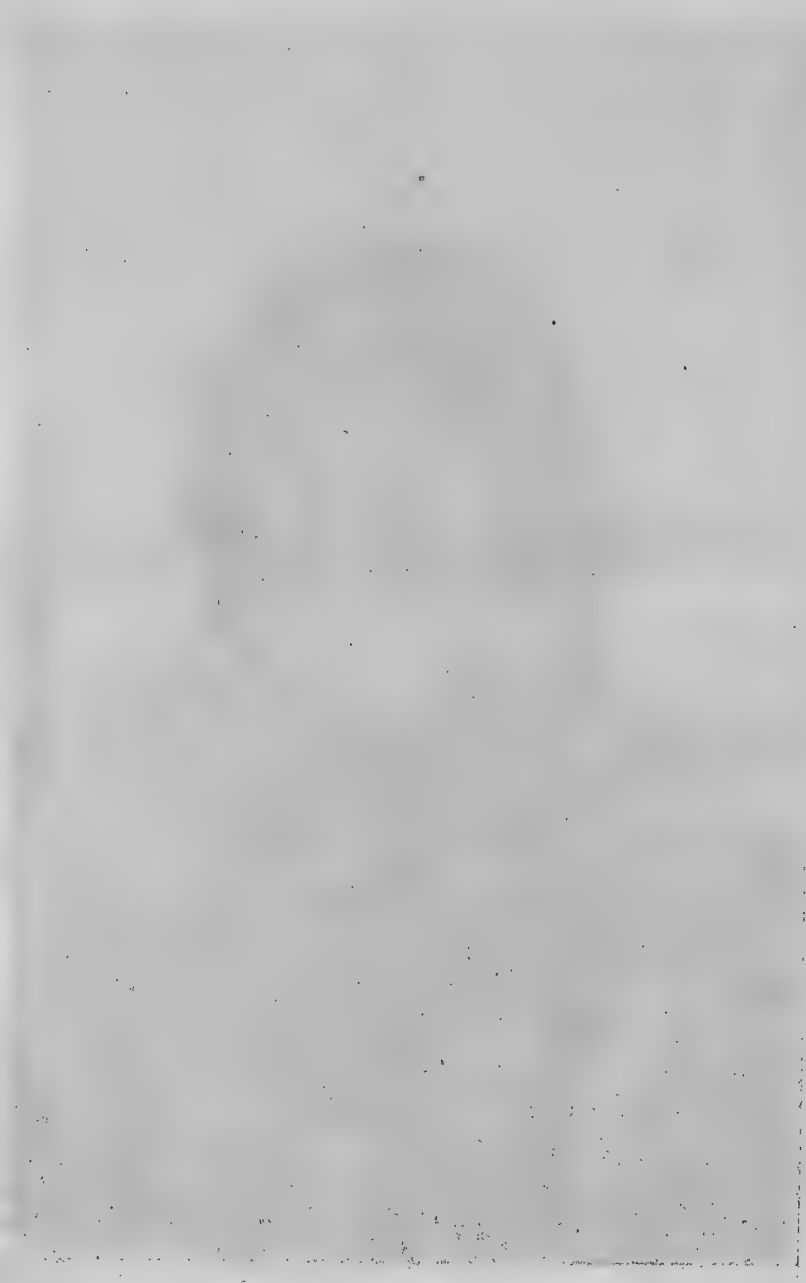
Спутники Марвина, сбрасывая его вещи на лед, к счастью, не заметили на нарте маленького бумажника, в котором лежал блокнот с его заметками. Среди них имелась запись, повидимому, последняя в его жизни, сделанная в день расставания со мной, когда Марвин обратил свои шаги на юг. Эта запись характерна для той добросовестной точности, с которой Марвин всегда относился к своей работе. Я привожу ее.

«25 марта 1909 г.

«Сегодня я отправляюсь в обратный путь с третьей вспомогательной партией. Начальник экспедиции, Р. Пири, продолжает путь на север. Его партия состоит из 9 человек, у него 7 нарт с стандартным грузом и 60 собак. Люди и собаки в прекрасном состоянии. Наш капитан с четвертой и последней вспомогательной партией предполагает вернуться на сушу через пять переходов.

«22 марта и сегодня, 25 марта, производил астрономические наблюдения и определил наше местоположение. Копии наблюдений и вычислений прилагаю. Результаты наблюде-

Эгингва до санного похода к полюсу.



Эгингва после санного похода к полюсу.

ний: в полдень 22 марта — широта 85°48′; в полдень 25 марта — широта 86°38′. Расстояние, пройденное за три перехода, равно 50 минутам широты: в среднем 16²/₃ морских мили в переход. Погода нам благоприятствует, дорога хорошая и с каждым днем улучшается.

Росс Г. Марвин».

С глубокой скорбью я вошел в свою каюту на «Рузвельте».

Несмотря на нравственную подавленность, вызванную известием о трагической смерти дорогого Марвина, в течение 24 часов после моего возвращения на корабль я физически чувствовал себя очень бодрым и готов был, если бы в этом встретилась необходимость, снова пойти в ледовый поход. Но через сутки внезапно наступила реакция: неизбежный результат полной перемены режима и замены непрерывного движения бездействием. Страшная слабость овладела мной. Я спал круглые сутки, просыпаясь только, чтобы поесть, и сейчас же снова засыпал. Обычно после длительных переходов у участников сильно опухают ноги, но на этот раз, как это ни странно, болезненных явлений не было, и через 3—4 дня мы стали постепенно приходить в себя.

Если читатель взглянет на фотографии эскимоса-каюра, снятые до и после похода, он поймет, сколько надо положить физических сил, чтобы дойти до полюса, а в наших ежедневных отчетах он, быть может, прочтет между строк о том страшном напряжении, которое мы вынуждены были во время похода стоически переносить, как неотъемлемую часть нашей работы для достижения далекой цели.

Тотчас же по возвращении на корабль я вознаградил своих бесценных помощников-эскимосов за их прекрасную работу. Все они получили винтовки, ружья, патроны, гранаты, топоры, ножи, всевозможные охотничьи припасы, а также телескопы, при помощи которых они могли на расстоянии обнаружить дичь. Надо было видеть, как мои смуглые друзья радовались своим подаркам! Четверка, которая дошла со мной до полюса, получила вдобавок вельботы, палатки и другие предметы снаряжения.

Глава XXXIV

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ НА МЫСЕ ШЕРИДАН

Мое повествование подходит к концу. Вернувшись на «Рузвельт», я узнал, что Мак-Миллан и доктор прибыли на корабль 21 марта, Боруп — 11 апреля, спутники Марвина — 17 апреля и Бартлетт — 24 апреля.

18 апреля Мак-Миллан и Боруп с пятью каюрами-эскимосами, на 6 нартах, отправились к гренландскому побережью, чтобы устроить там склады продовольствия на тот случай, если бы нам пришлось из-за состояния льда высадиться в Гренландии, как это было в 1906 г. Кроме того наши научные работники хотели произвести на мысе Джезуп наблюдения над приливо-отливами. По прибытии на «Рузвельт» я отправил двух эскимосов в Гренландию с письмом, в котором сообщал Мак-Миллану и Борупу об успешном завершении нашего похода.

Впервые за всю свою жизнь в Арктике я провел май и июнь месяцы на корабле.

В предыдущие годы всегда оставалось еще какое-нибудь дело в поле, но на этот раз наша работа была в основном закончена, и мы могли постепенно готовиться к отплытию. Остальные участники экспедиции совершали короткие поездки к складам, устроенным между «Рузвельтом» и мысом Колумбия, и привозили на корабль неиспользованное продовольствие.

В десятых числах мая началось заметное потепление — полярная весна вступила в свои права. Вместе с Бартлеттом мы произвели осмотр «Рузвельта», проветрили каюты и вынесли на палубу, под солнечные лучи, различные предметы и одежду, которые желательно было основательно просушить. Тем временем команда сняла зимние чехлы с труб и вентиляторов и стала готовиться к пуску машин.

Вечером 14 мая произошел интересный случай. Вплотную к «Рузвельту» подошел прекрасный белый песец; сме-

лое животное, очевидно снедаемое любопытством, пыталось даже взобраться на корабль. Появление столь редкого и ценного гостя вызвало всеобщее оживление, но визит кончился, как это и следовало ожидать, весьма печально (для песца): один из эскимосов застрелил пушистого зверька.

Наступившая полярная весна отличалась большим непостоянством. 16 мая солнце щедро ласкало нас своими лучами, температура поднялась, и большое количество проталин появилось буквально на наших глазах; а на следующий день подул резкий югозападный ветер, и хлопья мокрого снега покрыли палубы корабля.

22 мая эскимосы-каюры вернулись от Мак-Миллана, который остался на мысе Джезуп. Они привезли письмо от нашего молодого ученого, в котором он сообщал о проделанной им работе.

31-го Мак-Миллан и Боруп сами прибыли из Гренландии, пройдя 270 миль в 8 переходов, в среднем 34 мили за один переход.

Во время своего путешествия Мак-Миллан дошел до 84°17′ с. ш. к северу от мыса Джезуп, где он в течение десяти дней производил наблюдения над приливами и измерил глубину моря, оказавшуюся равной 164 метрам. На обратном пути партия убила 52 мускусных быка; мясо и шкуры зверей охотники погрузили на сани и доставили на корабль.

В начале июня неутомимые путешественники снова двинулись в путь. Мак-Миллан отправился к форту Конгер для изучения приливов, а Боруп — на мыс Колумбия, где он с помощью эскимосов воздвигнул два памятника. Один — памятник Марвину — уже описан. Второй был построен в честь завоевания Северного полюса. Он представляет собой пирамиду из камней, над которой возвышается деревянный столб с четырьмя указательными стрелами, направленными на север, юг, восток и запад. Все сооружение скреплено толстой проволокой. К каждой стреле прикреплена медная пластинка с надписью, отмечающей один из этапов моих северных странствований. Надпись на восточной гласит: «мыс Мориса Джезупа, 16 мая 1900 г., 275 миль», на южной — «мыс Колумбия, 6 июня 1906 г.», на западной — «мыс Томаса Хоббарда, 1 июля 1906 г., 255 миль» и, наконец, на стреле, обращенной на север — «Северный полюс, 6 апреля 1909 г., 413 миль». Несколько ниже к столбу прикреплена рамочка, в которой под стеклом находится лист бумаги со следующим текстом:

Северно-полярная экспедиция Арктического клуба Пири, 1908 г.

Пароход „Рузвельт".
12 июня 1909 г.

Этот памятник обозначает место отправки и возвращения санной экспедиции Арктического клуба Пири, которой удалось весной 1909 г. открыть Северный полюс.
В санном походе принимали участие: Пири, Бартлетт, Гудсэл, Марвин, Мак-Миллан, Боруп и Хенсон. Санные партии вышли отсюда между 28 февраля и 1 марта и вернулись между 18 марта и 23 апреля. Корабль экспедиции «Рузвельт» зимовал у мыса Шеридан, в 73 милях от мыса Колумбия.

Р. Пири
Флот США

Начальник экспедиции — Р.Пири
Капитан «Рузвельта» — Р. Бартлетт
Старший механик — Дж. Уордуэл
Врач экспедиции — Дж. Гудсэл
Научные работники: проф. Росс Марвин, проф. Д. Мак-Миллан, Дж. Боруп
Помощник начальника — М. Хенсон
Заведующий хозяйством — Ч. Перси
Помощник капитана — Т. Гушу
Боцман — Дж. Коннорс
Матросы: Дж. Киди, Дж. Барнес, Д. Мерфи, Дж. Перси
Второй механик — Б. Скотт,
Кочегары: Дж. Бентли, П. Джойс, П. Скинс, Дж. Уэйзмен.

Во время своего пребывания на форту Конгер, в бухте Леди Франклин, Мак-Миллан сделал интересную находку. Он обнаружил ряд предметов, принадлежавших многострадальной экспедиции Грили, зимовавшей там в 1881—1884 гг. Среди вещей оказались хорошо сохранившийся пиджак Грили и записная книжка лейтенанта Кислингбери, погибшего вместе с партией Грили. На обложке виднеется надпись: «Дорогому отцу от любящего сына — Харри Кислингбери. Да сохранит тебя судьба, чтобы ты невредимым вернулся к нам». Увы, жестокая судьба осталась глуха к мольбе сына и решила иначе!

Большинство из найденных продуктов — овощные консервы, картофель, маис, ревень, пеммикан, чай и кофе — несмотря на то, что они пролежали на снегу четверть века, были в очень хорошем состоянии, и, признаться, мои товарищи отведали их не без удовольствия.

12 июня мы произвели на «Рузвельте» генеральную чистку в помещении эскимосов. Все «движимое имущество» было вынесено на палубу, а стены, потолки и полы вымыты, продезинфицированы и побелены. Близилось лето. Поверхность льда стала яркоголубой, дельта реки обнажилась, а на берегу виднелись тут и там большие проталины, увеличивавшиеся с каждым часом.

16 июня полил первый летний дождь, но за ночь образовавшиеся на берегу лужи покрылись тонким ледком. В этот же день Боруп поймал мускусного теленка вблизи

Мускусный теленок.

бухты Маркхэма. Ему удалось привезти своего пленника живым на корабль, но уже на следующий вечер маленькое создание испустило последний вздох, несмотря на трогательные усилия Борупа сохранить ему жизнь.

22 июня, в день летнего солнцестояния — в «полдень» арктического лета и самый продолжительный день года — шел густой снег, а через неделю погода показалась нам почти тропической и, как это ни странно звучит, мы все страдали от жары. Полосы чистой воды за мысом Шеридан все увеличивались, а 2 июля у корабля образовалось большое озеро.

К этому времени нас всех обуревало желание поскорее вернуться домой, и «Рузвельт» словно разделял наше нетерпение. После крена, полученного зимой, в результате сжатия льдов, корабль стал мало-по-малу выпрямляться.

Весь экспедиционный состав вместе с командой стал энергично готовиться в обратный путь. Работа началась с погрузки на корабль мешков с углем, которые мы осенью выгрузили на берег из боязни пожара.

Приведение в боевую готовность нашего судна не требует детального описания, скажу лишь, что мы все в течение 10 дней работали, не покладая рук.

Наконец капитан заявил, что «Рузвельт» готов к отплытию. По состоянию льда вблизи берега можно было предполагать, что канал Робезона пригоден для навигации. И вот 18 июля 1909 г. мы покинули мыс Шеридан и взяли курс на юг. Работа экспедиции была закончена, успех увенчал наши усилия, корабль был цел и невредим, но все же выход был безрадостный — слишком свежа была в наших сердцах боль по невозвратимой утрате, понесенной нами в лице дорогого товарища — Росса Марвина.

У мыса Унион Бартлетт, в соответствии с выработанной мной программой, не стал дольше держаться берега, а ввел судно во льды, чтобы пробить дорогу по середине канала. Я пришел к убеждению, что для судна типа «Рузвельт» это наилучший обратный путь.

Плавание протекало без особых происшествий. Разумеется, оно требовало, как и всякое плавание по этим опасным водам, даже при благоприятных условиях, непрестанной бдительности и огромного ледового опыта.

Уже 8 августа «Рузвельт» вышел из льдов и прошел мыс Сабина. Таким образом опыт навигации по середине канала вполне себя оправдал. Все плавание от мыса Шеридан до мыса Сабина было совершено в 22 дня — на 53 дня скорее, чем в 1906 г.

В Эта, куда корабль прибыл 17 августа, мы убили штук семьдесят моржей для наших помощников-эскимосов, которых мы развезли по становищам, расположенным вдоль побережья.

Настал момент расставанья с этим славным народом, с которым меня связывала долголетняя неразрывная дружба. Мы снабдили эскимосские семьи всем необходимым для их примитивного существования, а участники санного похода и зимней работы экспедиции так разбогатели от наших подарков, что они могли вполне сойти за арктических миллионеров. Зная, что я, по всей вероятности, вижу их в последний раз, я с глубокой грустью простился со своими смуглыми друзьями, так много сделавшими для меня.

Перед выходом корабля из Эта к нам присоединился в качестве пассажира промышленник Харри Уитней, проведший зиму за охотой.

Мы покинули мыс Иорк 26 августа, а 5 сентября бросили якорь в Индейской гавани. Отсюда понеслись по телеграфным проводам во все уголки Америки наши первые вести с пути. Самой первой пошла телеграмма моей жене, в которой я ей сообщал долгожданное, радостное известие об успешном завершении дела своей жизни.

16 сентября к «Рузвельту» подошел корабль канадского правительства, имея на борту 23 специальных корреспондента различных газет, поспешивших на Север, как только наши телеграммы достигли Нью-Иорка, а 21-го, когда мы входили в Сидней, берег чернел людьми, и нас тепло приветствовали флотилии кораблей и лодок; среди них выделялась прекрасная белая яхта, а на яхте находились моя жена и дети.

Славный городок, в который я так часто возвращался побежденным, устроил нам торжественную встречу, ибо на этот раз на мачтах «Рузвельта», рядом с флагом Соединенных Штатов, развевался флаг, которого не видел еще ни один порт в мире — флаг Северного полюса!

Что мне еще сказать?

Наше трудное начинание увенчалось победой, и этой победой мы обязаны опыту, приобретенному долгими годами упорной работы — смелости, выносливости и беззаветной преданности всех участников экспедиции, а также безграничному доверию членов и друзей Арктического клуба имени Пири, снарядивших нас в полярный поход.

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

ОГЛАВЛЕНИЕ

		Стр.
Предисловие В. Ю. Визе		3
Глава I.	План	13
Глава II.	Подготовка	21
Глава III.	Выход	31
Глава IV.	По пути к мысу Йорк	35
Глава V.	Встреча с эскимосами	43
Глава VI.	Оазис в Арктике	47
Глава VII.	Странные обычаи странного народа	55
Глава VIII.	Вербовка	65
Глава IX.	У ворот к полюсу	73
Глава X.	Схватка со льдами	81
Глава XI.	Ледовая схватка продолжается	88
Глава XII.	Мыс Шеридан	96
Глава XIII.	Зимовочная база	103
Глава XIV.	Осенняя работа	109
Глава XV.	За белым медведем	119
Глава XVI.	Мускусные быки	125
Глава XVII.	Полярная ночь	132
Глава XVIII.	„Рузвельт“ в беде	139
Глава XIX.	Конец полярной ночи	146
Глава XX.	Правдивое описание санного похода по арктическим льдам	153
Глава XXI.	Основные факторы успеха	158
Глава XXII.	По льду замерзшего океана	167

Глава XXIII. Первая открытая вода 173
Глава XXIV. Терпение иссякает 178
Глава XXV. Мы расстаемся с Борупом 186
Глава XXVI. Прощай, Марвин! 190
Глава XXVII. Мы побиваем все рекорды 193
Глава XXVIII. Бартлетт доходит до 87° 47′ с. ш. 200
Глава XXIX. На последнем этапе 203
Глава XXX. На расстоянии одного дня от полюса . . 207
Глава XXXI. Открытие Северного полюса 211
Глава XXXII. Мы покидаем полюс 218
Глава XXXIII. Снова на суше 223
Глава XXXIV. Последние дни на мысе Шеридан 232

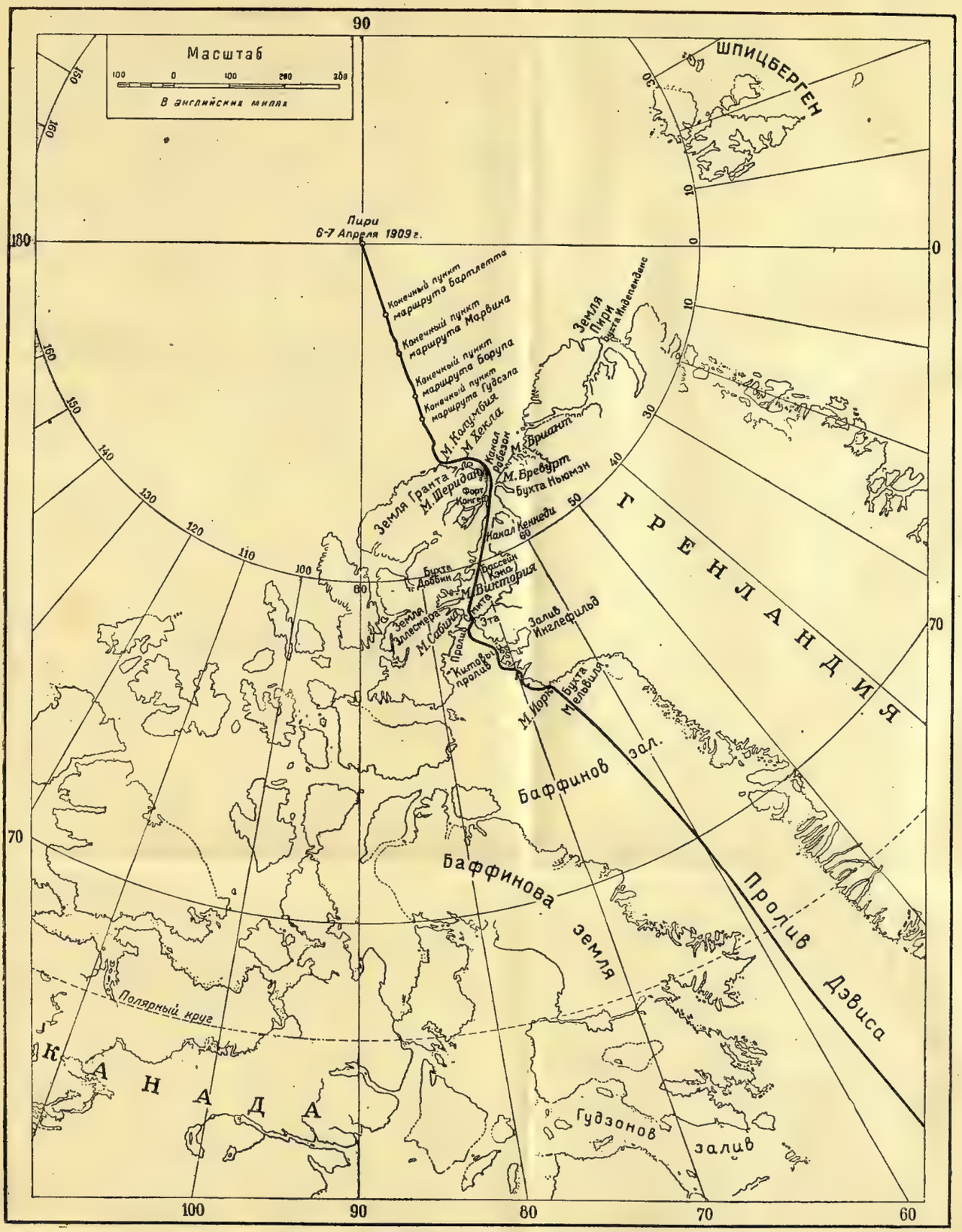
Кабинет Севера
Обл[illegible] библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

Переплет, суперобложка и форзац работы художника Ю. Д. Скалдина

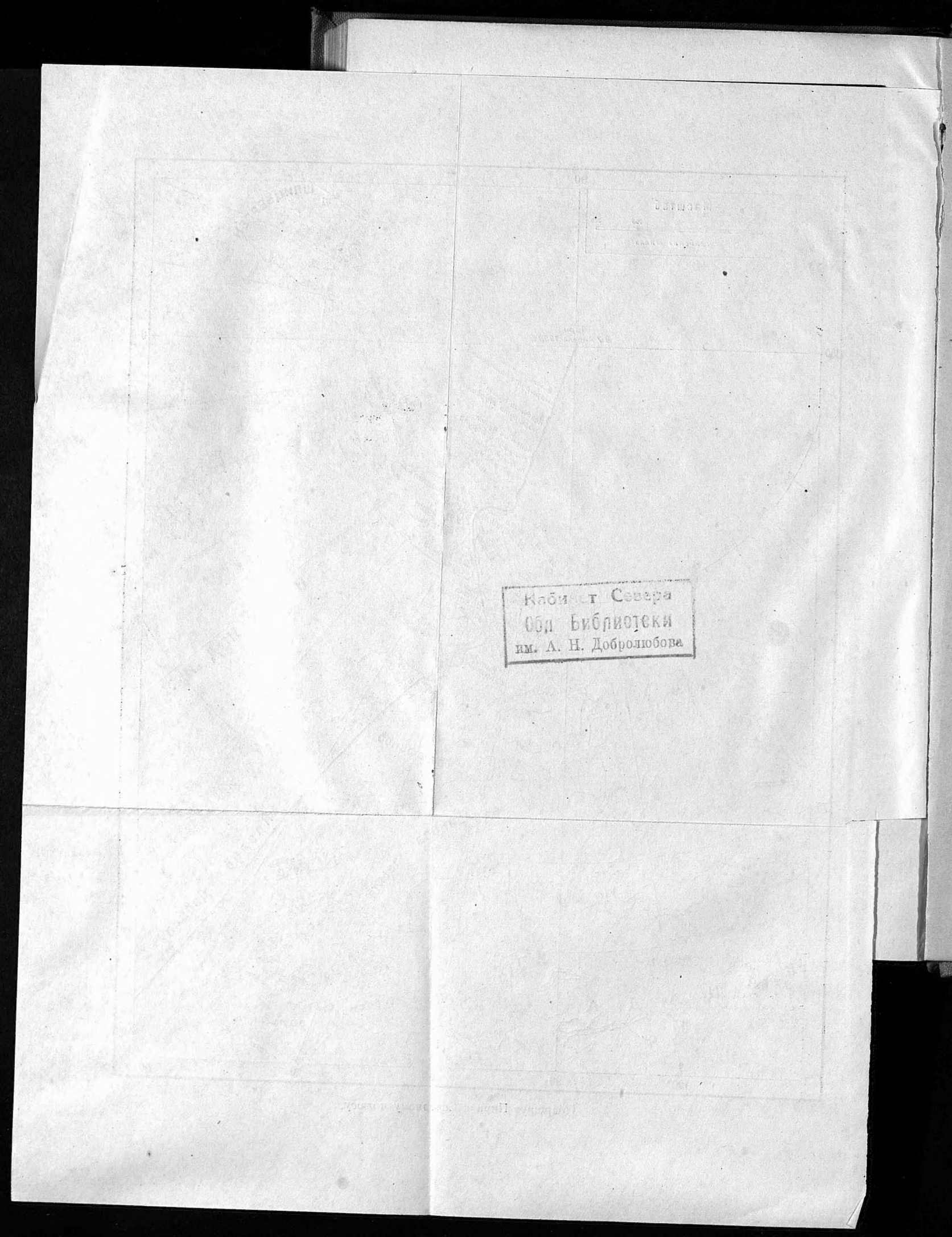
Редактор серии *М. М. Смирнов* Техн. редактор *Ю. А. Таубер*

Сдано в набор 27 октября 1935 г. Подписано к печати 29 ноября 1935 г. Форм. бум. 62 × 94. Бум. л. 7½ Печ л. 15. Авт. л. 14¼. Печатн. знак. в бум. л. 76 000. Изд. № 69. Заказ № 2056. Ленгорлит № 32872. Тираж 10000 экз.

Тип. «Коминтерн» и школа ФЗУ им. КИМ'а. Ленинград, Красная ул., 1



Маршрут Пири к Северному полюсу.


Кабинет Севера
Обл. Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова